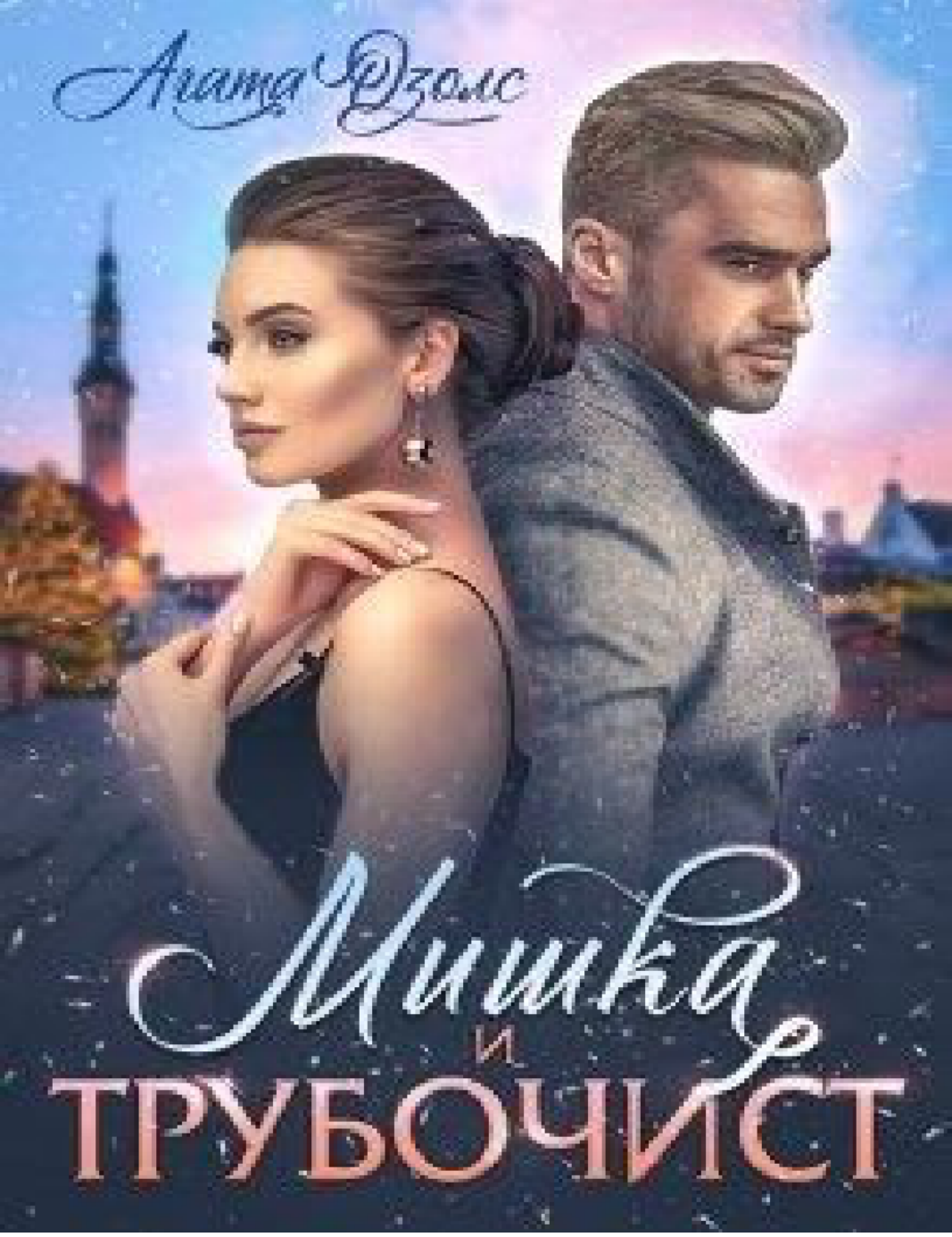
Агата Фзолс
Мишка и трубочист

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация к книге "Мишка и Трубочист" Так ли велик шанс встретиться двум людям, живущим за тысячу километров друг от друга, в разных странах? Встретившись, полюбить? А расставшись, увидеться вновь? Вы скажете: случайность. Кто-то скажет: вымысел. А я скажу: судьба. И немножко новогоднего волшебства. …..МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ!

- Мишка и Трубочист
  - Вместо предисловия
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

Мишка и Трубочист
Агата Озолс

Вместо предисловия

Поначалу эта история должна была стать коротким новогодним рассказом.

А потом, в процессе написания, все так закрутилось, завертелось, что неожиданно получилась целая книга.

В этой истории не будет шекспировских страстей, заковыристых поворотов сюжета и ярких эротических сцен.

Зато будут обычные, в общем-то, люди, те самые, что живут с вами по соседству. И их случайная встреча, которая если и могла произойти, то вряд ли бы вылилась во что-то, кроме мимолетного приключения.

Но Новый год не зря считают временем чудес. Дед Мороз или Санта-Клаус, а может быть, и Старый Тоомас, включился в эту историю. Наколдовал, заворожил, зачаровал.

И два человека, мужчина и женщина, оказались половинками одного целого.

Написание этой истории доставило мне массу удовольствия. Я рассказала вам о людях, которых искренне люблю и уважаю, о местах, жизни без которых не представляю, о чувствах, встретить которые все мы так мечтаем.

1

— Ты обязательно должна приехать, — раздалось в трубке. — Как же мы будем без тебя?

Действительно, как?

Она посмотрела на свое отражение в зеркале. Все те же серые глаза, нос, губы. Даже цвет лица не изменился. Разве так может быть? После всего, что с ней произошло, после бессонных ночей и слез в подушку, после сигарет и кофе на пустой желудок, после того, через что пришлось пройти, разве она не должна была измениться? Постареть и скукожиться, как древняя старуха, какой она себя и ощущала?

Но вопреки всему из зеркала на нее смотрела молодая, красивая женщина. Да, немного грустная. Да, уставшая. Да, обиженная и преданная. Но по- прежнему чертовски привлекательная. Странно, да?

— Приезжай, — продолжала уговаривать подруга Настя. — Посидим, покалякаем.

Уж что-что, а «сидеть и калякать» ей совершенно не хотелось, слишком хорошо она знала, о чем с ней будут «калякать». Губы тут же повело куда-то в сторону, подбородок чуть дрогнул.

— Мишка, слышишь меня? Его, — Настя выделила это слово голосом, — скорее всего не будет.

Скорее всего, надо же! А если будет, да еще и не один, что ей останется делать? Пойти, лечь в сугроб и замерзнуть в новогоднюю ночь?

— Мишка, — продолжала канючить Настя, — пожалуйста.

*****

На самом деле ее звали Мишель. Семейная легенда гласила, что родители, оба большие поклонники группа «The Beatles», познакомились на вечеринке под песню «Мишель». И впервые поцеловались под нее же. И на шумной студенческой свадьбе новоявленные муж и жена танцевали под «Мишель». А когда родилась дочка, даже вопросов не возникло, как ее назвать.

Мама ласково называла Миша. А в Мишку ее превратил любящий муж. С его легкой руки ее так стали называть все их многочисленные общие знакомые. Она не протестовала, Мишка и Мишка. К тому же у Павла это имя звучало как-то по-особенному интимно. А вот теперь имя есть, а мужа уже нет.

******

— Я уезжаю, — внимательно следя на движением своих губ в зеркале, внезапно прервала подругу.

— Куда? — растерялась та.

— В Таллинн.

— В Таллинн? Но с кем?

Врать не хотелось, да и сил на вранье уже не было, поэтому сказала правду:

— Одна.

— Мишка, ты с ума сошла, — воскликнула подруга. — Что значит — одна? Ты как себе это представляешь? Ты знаешь, как там к русским относятся? Да тебя пришибут, ограбят или изнасилуют!

Она провела кончиками пальцев по лицу, словно стирая невидимые морщины. Идея поехать в Таллинн родилась совершенно спонтанно.

****

Близился Новый год, и встречать его Мишель могла только в гордом одиночестве. Или в компании старых друзей, с которыми они с Павлом традиционно проводили эту ночь.

Только вот сил ехать туда не было. Все знали, что у них произошло. А значит, будут коситься, сочувствовать или, не дай бог, полезут с утешениями. Этого бы Мишель не выдержала точно. К тому же велика вероятность, что туда приедет и Павел. Со своей новой любовью.

Нет, нет, нет! Мишель не могла так рисковать. В один из зимних вечером, блуждая по просторам интернета в тщетной попытке хоть как-то отвлечься, Мишель наткнулась на рекламу автобусной компании. «Билеты в Таллинн со скидкой». Господи, она тысячу лет не ездила на автобусе, тем более в другую страну. А уж в Эстонии не была со времен студенчества.

Мелькнула мысль: а почему бы не поехать?

Представила себе заснеженный Старый город, Ратушную площадь с елкой, Старого Тоомаса, развалины монастыря Святой Бригитты и пляж Пирита. Она еще думала и прикидывала, а руки уже открыли страницу сайта и бронировали билеты.

Господи, автобус! С пересадкой в Питере. Смешно, глупо, но что ей делать одной в этой большой квартире? Сидеть перед телевизором? Слушать, как соседи весело празднуют Новый год? Смотреть в окно на фейерверки и вспоминать, как счастлива она была совсем недавно? Нет, в Таллинн!

****

— Ты меня слышишь? — Настя вырвала ее из собственных невеселых мыслей.

— Слышу.

— И что ты там собираешься делать?

— Встречать новый год, конечно же.

— С кем? — подозрительно спросила подруга.

Дурацкий и жестокий вопрос. Ведь Настя прекрасно знает всю ее ситуацию. Но признаваться в том, что едешь в другую страну, чтобы там, в одиночестве, отсчитать двенадцать раз под бой часов, выпить бокал шампанского и плакать всю ночь в гостиничном номере, было невыносимо.

— С трубочистом, — хмыкнула Мишель.

— С кем? — не поняла Настя.

— Разве ты не знаешь, что трубочисты приносят удачу? А если подержаться за золотую пуговицу на его куртке и загадать желание, то оно непременно сбудется? — повторила Мишель распространенную байку для туристов.

— Ты не серьезно, — опешила Настя.

— Почему?

— Ты не можешь верить в такую чушь.

— А я и не говорю, что верю, — вздохнула Мишель. — Насть, я не приеду к тебе. Не могу, извини. Я еду в Таллинн. Буду гулять по городу, пить глинтвейн и, может быть, встречу того самого легендарного трубочиста. Подержусь за его пуговицу, загадаю желание, и оно обязательно сбудется.

Она замолчала, подруга тоже не спешила ничего говорить.

— Я тебя поняла, — ответила, наконец, Настя. — Поезжай, конечно. И, знаешь что? Встреть трубочиста! Только молодого, красивого и богатого. И подержись у него за что-нибудь! Не за какую-то пуговицу, а за что-нибудь посерьезнее. Тебе ясно?

Мишель поневоле рассмеялась. Настя была в своем репертуаре. Кто о чем, а она обязательно о какой-нибудь похабщине.

— Тебе ясно? — повторила свой вопрос подруга.

— Ясно.

— Обещай, что не упустишь свой шанс.

— Обещаю и торжественно клянусь, — ответила она.

— Отлично. Тогда желаю тебе удачи.

— Спасибо, — от души поблагодарила Мишель.

****

Она отложила телефон и снова посмотрела в зеркало.

Какая странная штука — жизнь. Ровно год назад они с Павлом ставили елку, спорили о новогодних подарках, ходили по магазинам и обсуждали, что приготовить к новогоднему столу.

Они были вместе. Да что там год! Еще каких-то шесть месяцев назад она была замужней женщиной, уверенной в том, что именно ей выпал счастливый лотерейный билет — любящий муж. Один и на всю жизнь. И, если бы не случайность, ничего бы

не изменилось.

Мишель задумалась: неужели Павел продолжал бы искусно лгать, изменять, жить двойной жизнью?

Полгода назад, в начале лета, она отправилась на конференцию. И надо же было такому случиться, что это важное событие проводили именно в июне, как будто не могли перенести на месяц раньше или позже. Двадцать седьмого июня у них с Павлом была годовщина — пять лет семейной жизни. И окончание проклятой конференции планировалось именно в этот день. Мишель уперлась всеми лапами — она должна быть с мужем. Начальство было неумолимо: если Мишель хочет продвинуться по карьерной лестнице, нужно лететь. И Павел поддержал ее начальника.

— Мишка, не переживай. Отметим, как вернешься.

— Но я хочу провести этот день с тобой.

— У нас впереди еще куча дней, глупая.

Мишель согласилась лететь, только с условием, что вернется домой двадцать седьмого. Иначе пусть обходятся без нее.

В итоге обратный билет был куплен на утро нужной даты, и она улетела.

И все было хорошо. Ее доклад был встречен с большим интересом, коллеги поздравляли и хвалили. А начальник, расчувствовавшись, предложил поменять билет на двадцать шестое.

— Летите уже, — сказал милостиво. — После того, как вы выступили, это самое малое, что я могу для вас сделать.

Ей чудом удалось поменять билет на день раньше. И Павлу Мишель ничего не сказала, хотела сделать сюрприз. Господи, какой она была наивной идиоткой!

Сюрприз удался на славу. Вот только непонятно, кто кому этот сюрприз устроил.

Уже в Москве, получив багаж, поняла, что ужасно голодна. Можно было бы, и потерпеть, но Мишель ощутила, как падает сахар. Она вспомнила, что на втором этаже, в зале вылета, есть маленькая пиццерия, где можно перекусить. Мишель подхватила свой чемодан и пошла к эскалатору.

Зал вылета был непривычно пусть, Мишель даже удивилась: как это может быть? Вроде же лето, сезон отпусков. А может, дело было в ее раннем прилете?

Она шла в пиццерию, катя за собой чемодан и разглядывая редких пассажиров. Под одним из многочисленных информационных табло стояла пара, она-то и привлекла ее внимание.

Мужчина и женщина. Вернее, даже девушка. Молодая,

тонкая, как тростинка. Он в летнем костюме, она в легком, светлом платье. Они держались за руки и не замечали никого вокруг. Мишель остановилась, невольно любуясь красивой парой.

Девушка вырвала свои руки и сделала шаг назад, мужчина что-то сказал и неожиданно опустился перед ней на колени.

Мишель вдруг очень захотелось узнать, о чем же говорят эти двое, и она приблизилась к ним.

— Я тебя люблю, — эмоционально сказал мужчина. — Только тебя!

— Прекрати, пожалуйста, — попросила девушка. — Не мучай меня!

— Я не могу без тебя!

Тут он встал и с каким-то отчаянием обнял девушку, а Мишель вдруг почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

Она узнала мужчину. Да и как она могла не узнать собственного мужа?

— Паша! — громко сказала Мишель.

Они повернулись к ней разом, ее муж и его любовница. Или любимая? Бог его знает, как правильно ее назвать. Девушка оглядела Мишель с нескрываемым интересом и легкой паникой, Павел явно растерялся.

А ей вдруг стало неловко, словно это она сделала что-то нехорошее, постыдное. Отступила назад, зацепилась ногой за чемодан и нелепо замахала руками в попытке сохранить равновесие. Ей удалось не упасть. Да и хороша же она была бы, рухнув перед этими двумя на пол.

Устоять получилось. Мишель покрепче ухватила чемодан. Надо срочно уходить. Да что там, бежать нужно. Чтобы не сорваться на глупые слезы и бабские причитания. Что же ты наделал, мой муж? За что ты со мной так?

Изменял, врал, прятался. Словно она порченная какая-то, словно не заслуживает, если не любви, то хотя бы толику уважения к себе.

От стыда запылало лицо.

— Простите, — неловко пробормотала Мишель и повторила зачем-то: — Простите.

Попятилась со своим чемоданом, потом развернулась и, стараясь держать спину прямо, пошла на выход. Села в первое же попавшееся такси, назвала домашний адрес. Уже у дома расплатилась, совершенно не обратив внимания на астрономическую сумму, названную водителем за поездку. Подсознательно все время ждала, что Павел догонит. Или позвонит. Скажет хоть что-нибудь. Она, правда, не знала, что хотела бы от него услышать. Извинения? Заверения в том, что

она, Мишель, все неправильно поняла? Да какая разница! Они прожили пять лет, неужели она не заслужила хотя бы телефонного звонка?

Но телефон молчал, да и погони за ней что-то не наблюдалось.

Мишель вошла в квартиру. Постояла в коридоре, не включая свет. Покачалась с носка на пятку. Потом зашла в ванну, не замечая, что так и не разжала пальцы, и по-прежнему тащит за собой свой чемодан. Опомнилась только, когда поняла, что рука занята, и она не может открыть кран. Отпустила многострадальную ручку, сложила ладони лодочкой и, зачерпнув в нее воды, напилась прямо из-под крана.

Вспомнила, как Павел стоял на коленях перед этой неизвестной девушкой и говорил о том, что любит ее.

Так же, не включая свет, пошла из ванной, но в темноте зацепилась за порожек и упала, больно ударившись локтем.

От боли ли, или от холодной сырой воды, заполнившей пустой желудок, но в голове у нее прояснилось. Мишель оттащила чемодан в коридор и, тяжело вздохнув, пошла в спальню.

По пути извлекла из кладовки пару огромных чемоданов, прикидывая, уместятся ли в них вещи мужа. Уже в спальне, устроив чемоданы на свободном пространстве, открыла дверь в гардеробную. Оглядела ее внимательно, словно в первый раз. Слева висели ее вещи, правую сторону занимали вещи Павла.

Мишель протянула руку к его рубашке, висящей ближе всего. Заметила, как дрожат пальцы.

«Это все проклятый сахар», — сказала себе и решила на время отложить сбор вещей. Нужно разобраться с сахаром.

Из бара в гостиной достала пузатую бутылку и квадратный стакан, пошла на кухню. Надо было поесть, нельзя шутить с собственным здоровьем.

Мишель залезла в холодильник. Сегодня никаких каш на воде, тонких тостов из цельнозерновой муки грубого помола и прочих глупостей. На сковородку легли по очереди толстые куски бекона, помидоры, грибы и сыр. Когда божественный аромат поплыл по кухне, Мишель сглотнула слюну и вылила на это великолепие три яйца. Сварила себе кофе. Да-да, никакого изумрудного чая с острова Пхукет. В большую кружку кофе добавила мед черного тмина. Его она предпочитала сахару, и этот мед специально привозили для нее из Египта по просьбе Павла.

Сервировала стол и села завтракать. Когда половина яичницы была съедена, Мишель взяла бутылку и наполнила стакан темной жидкостью. И ни на каких-то два пальца, не помогут ей сейчас эти

пальцы, а плеснула широко, от души. Выпила залпом и доела свой завтрак.

На душе стало легче. А может это уже начал действовать алкоголь?

Мишель вернулась в спальню и сосредоточенно стала собирать вещи мужа, стараясь ничего не пропустить. Пусть забирает все, чтобы у нее не осталось искушения рыдать над его забытой рубашкой.

Через два часа вещи были собраны, а Павел так и не позвонил. Мишель покивала своим мыслям, сходила в душ, оделась, взяла нужные ей документы.

Очень хотелось тут же, прямо сию секунду, вызвать слесаря (или кто так занимается дверными замками?) и сменить замок. Останавливало только отсутствие последнего. Ладно, с этим она разберется позже.

Она порылась в ящике и нашла ключ от нижнего замка. Им они с Павлом не пользовались. Уж очень он был мудреным. Нужно было как-то по-особенному нажать, что-то повернуть в одну сторону, потом в другую. Мишель вечно забывала, а Павлу было просто некогда заморачиваться. Да и зачем? Все равно квартиру ставили на охрану.

Мишель вытащила чемоданы в коридор и закрыла мудреный замок, прикидывая, что будет делать, если не сможет его открыть. Павел с ним не справиться, это точно, у него попросту нет ключа. А что будет делать она, если не получится попасть в квартиру?

«Не открою, так вызову службу спасения. Пусть выломают дверь», — решила Мишель.

Оставив чемоданы в коридоре (вряд ли с ними что-то случиться, чужие у них в подъезде не ходят), Мишель вызвала такси и отправилась в ЗАГС. Если у Павла такая неземная любовь, она не будет ему мешать, не будет тяжким грузом висеть на его шее.

Вечером, возвращаясь домой с чувством выполненного долга, она гадала, что ее ждет. Наверное, Павел, придя домой и, увидев чемоданы, стоит и ждет ее. Ну, может не под дверью, все же это несколько унизительно для него. Скорее всего, сидит в машине. Она приедет, и они поговорят. Мишель скажет, что подала на развод. А Павел… Что скажет он? Должен же он хоть что-нибудь сказать?!

Конечно, ей, как и любой женщине на ее месте, хотелось, чтобы муж просил прощения и умолял дать ему второй шанс. Она ведь любила Павла и искренне считала, что проживет с ним всю свою жизнь. А как же иначе? Зачем вообще выходить замуж, если не навсегда?

Мишель тряхнула головой. Нет, пора гнать эти мысли поганой метлой. Она сильная и гордая. Она не останется жить с мужчиной, который ее не уважает. Да она сама перестанет себя уважать, если сделает вид, что ничего не было.

Мишель всегда презирала женщин, закрывающих глаза на измены мужа. Даже если это происходило из-за каких-то высоких целей. Она считала это слабостью и трусостью. В ее глазах, ничто на свете не могло оправдать подобное поведение. И сейчас, сидя в такси, она твердила себе: не прощу.

Никто не окликнул ее, когда она вышла из такси и пошла к подъеду. Машины Павла на парковке не было, а у двери в квартиру было пусто. Чемоданы пропали.

Мишель на всякий случай проверила свой мобильный. Павел не звонил.

Она достала ключи, пытаясь вспомнить, как нужно открывать нижний замок и заметила белую бумажку, протиснутую между дверью и косяком. Достала скомканный лист. Развернула.

«Дура»

Знакомый почерк Павла не оставлял сомнений в авторстве.

Ну что ж, значит, чемоданы попали по назначению.

Продолжая сжимать в руке послание мужа, Мишель с первого раза открыла дверь и вошла в квартиру. И вот тут-то, тяжело опустившись на пол, она горько заплакала.

2

Утром Мишель оправила мужу короткое сообщение, известив о месте, дате и времени развода. Он не ответил.

Павел не объявился ни на следующий день, ни через неделю.

Измученная бессонными ночами, во время которых она лежала и чутко прислушивалась — не хлопнет ли входная дверь, впуская мужа, Мишель купила новый замок и вызвала слесаря. Теперь-то Павел точно не войдет в квартиру без ее ведома. Только вот ночи от этого не стали спокойнее.

Следующим ее шагом то ли отчаяния, то ли освобождения от любви к Павлу, была смена номера мобильного телефона. Мишель разослала всем абонентам из своего списка контактов сообщение о новом номере. Всем, за исключением одного.

С этим абонентом вообще творилось что-то странное. Сначала Пашка был переименован в мужа, затем просто в Павла, потом в Павла Петровича, а под конец она оставила ему только фамилию — Виннер.

Когда новая симка сменила старую, и Мишель поняла, что муж теперь не сможет ей позвонить, начались новые мучения. Ей очень, прямо до боли, захотелось приехать к нему на работу и хотя бы одним глазком взглянуть на мужа. Как он? Почему молчит? Неужели ему все равно? А может, он так же, как и она, переживает их разрыв?

Мишель повезло — на работе возникла сложная ситуация, требующая ее присутствия. И стало не до Павла и своих переживаний о нем.

Так что в следующий раз они увиделись уже в день развода.

— Привет, — поздоровался с ней муж. — Отлично выглядишь.

Сказал так, словно ничего между ними не произошло. Не было ни встречи в аэропорту, ни выставленных в коридор чемоданов, ни его оскорбительной записки, ни почти месячного молчания.

Мишель, в новом костюме, со строгой прической и на немыслимо высоких каблуках, выпрямила и без того прямую спину, улыбнулась вежливой, обезличенной улыбкой и посмотрела на мужа.

Павел Петрович Виннер — самый молодой декан одного из самых престижных российских ВУЗов смотрелся сокрушительно. Высокий шатен с карими глазами в итальянском костюме, подчеркивающем его спортивную фигуру.

Глядя на мужа, Мишель впервые подумала о том, что у него

явно нет отбоя от женщин. Преподавательницы, студентки, абитуриентки и аспирантки должны были сходить с ума от молодого, привлекательного декана. А если добавить к его внешности острый ум, хорошее воспитание и чувство юмора, то даже странно становилось — как это Павел продержался пять лет? Неужели только сейчас у него появилась другая женщина? Или Мишель была настолько наивна и не замечала, что муж изменял ей и раньше?

— Привет, — повторила она за Павлом. — Ты тоже в прекрасной форме.

Прозвучало как-то не очень, словно она говорила не о муже, а о скаковой лошади, нахваливая ее перед продажей. Мишель готова была смутиться, но тонкая улыбка, мелькнувшая на губах собеседника, заставила ее взять себя в руки.

— Ты пошлину оплатил? — спросила она.

— Какую еще пошлину?

— Государственную, — пояснила Мишель. — За развод.

— Так я еще должен что-то платить? — иронично поинтересовался муж.

— Не заплатил, — констатировала Мишель.

— Естественно, нет, — Павел пожал плечами.

И Мишель порадовалась тому, что вчера заплатила и за него. Черт с ними, с этими деньгами, она не бедствует. Главное, поскорее разрубить этот узел.

— Ты заплатила эту чертову пошлину, — проницательно сказала Павел, рассматривая Мишель.

Скрывать было глупо.

— Да.

— Я должен был догадаться, — хмыкнул Павел. — Так не терпится со мной развестись?

Мишель с удивлением глянула по почти что бывшего мужа.

— Мне?

— Ну, не мне же, — огрызнулся он.

Очень захотелось ударить его по голове сумочкой, Мишель даже перехватила ее поудобнее, но сдержалась. И на всякий случай, убрала руки за спину.

Павел снова усмехнулся, и Мишель поняла: муж догадался о ее желании настучать ему по голове. Чтобы скрыть досаду — вечно Павел читал ее, как открытую книгу, Мишель посмотрела на часы.

— Пойдем, — сказала, сделав шаг к двери. — Время.

Он ухватил ее за руку и дернул на себя.

— Мишка, — совершенно другим, родным голосом произнес Павел, — что мы делаем? Мишка, зачем?

Он оттащил ее от двери, прижал к себе.

— Мишка, я такой дурак! Прости меня, пожалуйста! Мне так жаль!

У нее в голове застучало: «Мишка — Пашка, Пашка — Мишка, Мишка — Пашка».

Мишель на секунду позволила себе ощутить такое родное тело мужа, его запах, тепло губ, коснувшихся ее лба, а потом отстранилась.

— Даже если бы я могла простить тебе измену, — сказала, отступая от мужа, — я никогда не смогу простить того, что ты меня бросил. Пропал почти на месяц. Где ты был, Павел?

Его лицо скривилось в болезненной гримасе, Павел тяжело вздохнул, взъерошил волосы и ответил:

— Прятался, как трусливый скунс. Мишка, я не знал, как перед тобой оправдаться. Мне было ужасно стыдно и страшно, что ты не простишь.

— Я не спрашиваю тебя, что ты чувствовал, — сказала Мишель. — Где ты был, Павел?

— Я…, - он явно растерялся.

— Ты, — Мишель невоспитанно ткнула в него указательным пальцем. — Где ты жил?

— У друга, — слишком быстро ответил муж.

И если до его ответа у Мишель еще была хоть какая-то надежда, то вот сейчас она рухнула. Разбилась на миллион маленьких осколков.

— Ты жил у той девушки? — сохраняя спокойствие, спросила Мишель.

— Я…

— Да или нет?

— Да, — тяжело выдохнул Павел.

«Мишка — Пашка, Пашка — Мишка, Мишка- Пашка».

Она вновь посмотрела на часы.

— Нам пора, — сказала твердо. — Пойдем.

А уже через полчаса они вышли из ЗАГСа. Пять лет вместе и вот так — раз — уже порознь.

— Ну вот, и развели нас с тобой в разные стороны, — сказала Мишель уже бывшему мужу.

— Довольна? — зло спросил Павел, доставая сигареты и прикуривая.

Вместо ответа Мишель пожала плечами. Довольна ли она? А бог его знает. Может быть, уже сегодня вечером, сидя в одиночестве в пустой квартире, она и пожалеет о своем решении, но вот сейчас, сию минуту, ей нисколько не жаль. Наоборот, стало легче, словно гора свалилась с плеч.

— Вижу, довольна, — процедил Павел, глубоко затягиваясь.

— Я сегодня вещи соберу, — ответила Мишель. — Фотографии наши, сувениры, безделушки. Отнесу их в гараж. Если тебе что-то нужно, съезди, забери. Остальное я потом выброшу. Ключи от гаража ведь у тебя есть?

Павел согласно кивнул.

— Хорошо, — сказала Мишель. — Мне пора. До свидания, Павел.

Она спустилась по ступенькам и пошла в сторону остановки.

— И что, — раздалось ей вслед, — так и выкинешь на помойку все пять лет нашей жизни?

Вопрос ударил в спину. Подло и очень больно.

— Ты же смог, — не поворачиваясь, ответила Мишель. — Значит, и я смогу.

Она пошла, ускоряя шаг. Каблуки выстукивали по асфальту: «Мишка — Пашка, Пашка — Мишка».

А дома Мишель ждала грандиозная работа. Нужно было собрать все вещи, так или иначе напоминающие ей о жизни с Павлом, и убрать их с глаз долой. Она нашла большую картонную коробку и приступила к расчистке этих Авгиевых конюшен.

Сначала сложила все их семейные фотографии, потом сувениры, купленные во время совместных путешествий. Следом за этим в коробку отправились любимая чашка бывшего мужа, которую она привезла из какой-то командировки со слащавой надписью «Любимый» и красные шерстяные носки с опушкой из белого меха — подарок Павла на прошлое Рождество. Незаметно квартира пустела, лишаясь всех этих милых мелочей, наполнявших их семейную жизнь и делавших безликую жилпрощадь домом двух любящих людей.

Когда стемнело, Мишель наконец-то смогла присесть на диван и вздохнуть. Работа была сделана на славу — в доме не осталось ничего, что напоминало о том, что еще утром она была замужем.

«Можно начинать новую жизнь», — подумала она.

И именно с этой мыслью оделась и потащила практически неподъемную коробку в гараж. Да, прямо на ночь глядя.

На первом этаже консьерж, увидев ее усилия, любезно предложил свою помощь. Мишель не стала отказываться, наоборот, поблагодарила и уверила, что обязательно заплатит за помощь. Мужчина отмахнулся, поинтересовался только куда лежит их путь и, услышав, что в подземный гараж, располагавшийся тут же, на территории жилого комплекса, легко подхватил ношу и вышел из подъезда. Мишель только и

оставалось, что пойти за ним.

Вещи сгрузили в бокс, и Мишель предприняла попытку расплатиться со своим добровольным помощником.

— Не надо, — возразил консьерж, — я просто так помог. Что-то Павла Петровича давно не было видно. В командировку уехал?

Был большой соблазн сказать, что да, именно в командировку, но Мишель не желала выглядеть слабой даже в собственных глазах.

— Он здесь больше не живет, — ответила она. — Мы сегодня развелись.

— Да как же, — растерялся ее помощник.

— Вот так, — сказала она и быстрым шагам пошла к лифту. — Спасибо, что помогли. Всего доброго.

— И вам, — коротко ответил консьерж.

Дома было пусто. Так пусто, что загрустившая было Мишель тут же взяла себя в руки, решительно запретив всякие упаднические мысли. Хватит! У нее был месяц, чтобы смириться с произошедшим. Поплакать и отпустить и Павла с его новой любовью, и всю ситуацию в целом.

Она налила себе коньяка, выпила его решительно и отправилась спать в твердой уверенности, что не сомкнет глаз до рассвета. Удивительно, но Мишель заснула, как только ее голова коснулась подушки.

В течение следующих недель Мишель полностью осознала смысл крылатого выражения «Рад бы в рай, да грехи не пускают». Об их с Виннером разводе стало известно друзьям и знакомым.

Родителям Мишель рассказала сама, на следующий день после того, как избавилась от последних следов присутствия Павла в ее жизни — в кладовке были найдены и торжественно вынесены на помойку его старые боксерские перчатки.

Мать с отцом, услышав новость со всей ее предысторией, отреагировали ожидаемо.

— Козел, — припечатала мама.

— Хочешь, я прилечу и набью ему морду, — предложил отец.

Мишель представила, как ради этого отец летит через половину миру, находит Виннера и устраивает мордобой прямо у того в институте, и рассмеялась. В том, что отец справится с бывшим мужем, сомнений не возникло — прекратив спортивную карьеру, папа ушел на тренерскую, но распускаться себе не позволял и был в прекрасной форме.

— Не надо, — ответила Мишель. — Он того не стоит.

— Ну смотри, — сказал папа. — Если что, я всегда готов.

Стало чуточку легче.

Совершенно по-другому повели себя общие знакомые.

Мишель поначалу удивлялась, как могут интеллигентные в общем-то люди, были такими…. ТАКИМИ!

Оказалось, что о романе ее бывшего мужа было известно практически всем. Павел не скрывал своих отношений с молодой женщиной, появлялся с ней в публичных местах и ходил в гости к знакомым. Их принимали. И теперь эти люди с радостью делились с Мишель своим мнением о новой пассии ее бывшего мужа. И если мужчины еще держались хоть в каких-то рамках, то женщины не знали удержу.

— Господи, — слушала Мишель, — она же его студентка! Представляешь, какая у них разница в возрасте?

— Он везде таскал ее с собой, — сочилась ядом телефонная трубка. — Даже к нам на дачу ее привез!

— Совсем с ума сошел Винер! Как он мог променять тебя на ЭТО?

Она категорически не хотела обсуждать выбор Павла и его новую любовь. Ей было непонятно, зачем эти люди несколько месяцев спокойно общались с девушкой, а теперь наперегонки поливают ее грязью, зачем они вообще звонят и рассказывают, рассказывают, рассказывают о жизни Павла Виннера. Она не хотела ничего знать! Ей было неинтересно! И Мишель решительно прервала этот поток информации, перестав отвечать на звонки. Она понадеялась, что знакомые помусолят новость об их разводе пару недель и успокоятся.

Знакомые успокаивались с большим трудом, даже спустя несколько месяцев после развода ей докладывали новости о Павле.

— Кажется, они собираются пожениться.

— Да, я слышала, что уже обговаривают день свадьбы.

И Мишель, устав от этих выматывающих душу разговоров, сделала то единственное, что было в ее силах — с головой ушла в работу. И все стало неважно: Павел, его новая подружка и одиночество самой Мишель. Она перестала мучаться и переживать, у нее просто не осталось на это времени. Когда она появлялась дома, то ее хватало только на душ и ужин. Часто и до ужина дело не доходило. Мишель падала в кровать и проваливалась в крепкий сон без сновидений.

Вот такое погружение. А когда она вынырнула, оказалось, что Новый год уже на носу. Город светился яркими разноцветными огнями. На каждом углу торговали мандаринами, а на улице можно было встретить Деда Мороза. Москва готовилась к празднику.

Знакомые наперебой приглашали ее в гости, родители

заявили, что она непременно должна к ним прилететь. А Мишель поняла, что не хочет никакого Нового года. Вернее, сам Новый год очень хочет, а вот встречать его категорически отказывается.

Новый год ей был нужен. Ей хотелось, что бы прежняя жизнь осталось там, за плечами, а в Новом году все было по-новому. Каждый день Мишель представляла себе, как это: проснуться и понять, что ее боль и тоска по Павлу исчезла.

А потом ей на глаза попалось объявление о билетах в Таллинн.

****

Она решила не заморачиваться с гостиницами и арендовала апартаменты недалеко от Старого города, в районе Каламая. Разглядывая фотографии небольшой квартиры, Мишель думала о том, что впервые за всю свою жизнь она проведет новогодние праздники одна, без родителей, мужа, друзей. Одна, и даже в чужой стране. В незнакомом городе, фотографии которого завораживали ее настолько, что Мишель начинала надеяться — а вдруг ей повезет, и этот волшебный город исцелит ее?

А потом она прочитала байку о трубочистах и поняла, что очень хочет встреть одного из них и подержаться за золотую пуговицу на его сюртуке. Оставалось только одно: правильно сформулировать желание. И это оказалось самым сложным для нее.

3

Автобус отходил от станции в десять тридцать вечера. Небольшая сумка с вещами была сложена еще с утра. Мишель повторно проверила документы. Посмотрела на визу, перечитала данные билета, проверила оплату апартаментов. Вроде все в порядке. Она плохо представляла себе это путешествие, хотя на билете все было написано предельно ясно: автобус Москва — Санкт-Петербург прибудет на станцию «Обводной канал» в пять тридцать утра, а уже в шесть тридцать другой автобус повезет своих пассажиров в Таллинн.

«Авантюра, — подумала Мишель. — Чистой воды авантюра».

Но аромат приключения уже витал в воздухе, приятно будоражил кровь, заставляя выкинуть из головы бывшего мужа и все, что было с ним связано. Пусть не навсегда, так хоть на время. Неужели Мишель не заслужила немного праздника?

Автобус, вопреки ее опасениям, оказался современным и очень удобным. Мягкие эргономичные кресла, маленький, но чистый санузел, беспроводной интернет и вежливые стюарды. Красота.

Мишель, повозилась, устраиваясь поудобнее, вытянула ноги и прикрыла глаза.

Милая девушка — стюард прошла по проходу, проверяя документы пассажиров. Мишель показала билет и паспорт с визой и включила встроенный в переднее видение монитор. Выбрала какую-то комедию, надела наушники и прикрыла глаза.

Автобус мягко стартовал, пробрался по новогодним московским пробкам и выехал на скоростное шоссе. Мишель сама не заметила, как заснула.

А проснулась уже в Питере. Надела легкое пуховое пальто, перчатки и выбралась из теплого автобусного нутра в раннее питерское утро. Пока забирала свою сумку из багажного отделения, успела ощутить всю прелесть промозглой питерской зимы. Натянула на голову капюшон и порадовалась, что не забыла перчатки. Получила багаж и прошла в здание автовокзала. У нее был еще целый час до таллиннского рейса.

Автовокзал не спал. Пассажиры тихо сидели в зале ожидания, сотрудники полиции дежурили у входа, даже автомат с кофе зазывно фырчал, выплевывая из своих недр порцию бодрящего напитка для очередного желающего. Мишель тоже решила выпить чашечку, встала в очередь.

Стакан был большой, неудобный, а кофе там на самом донышке. Мишель села на свободное место напротив выхода на

пути, поставила рядом сумку и сделала глоток. Вопреки ее ожиданиям, все было не так уж плохо. Кофе оказался вполне себе приличным, вокзал чистым и теплым, а настроение очень даже хорошим. Радостным каким-то, предвкушающим. И совершенно не хотелось доставать из кармана пальто мобильный, чтобы посмотреть — не звонил ли кто. То есть, совершенно понятно, кто.

Этот «кто» позвонил только один раз, разжившись ее новым номером у кого-то из общих знакомых. И не постеснялся же спрашивать!

Услышал ее «Да» и напряженным голосом сказал:

— Я забрал коробку из гаража, раз уж тебе похрен.

Услышать такое выражение из уст Павла Петровича Виннера было совершенно невероятно, Мишель растерялась и не нашлась с ответом.

— Как дела? — продолжил Павел. — Как жизнь?

— Спасибо, — сумела выдавить она. — У меня все хорошо.

— Рад за тебя, — бросил Павел и замолчал.

Неужели ожидал встречного вопроса. Серьезно?

Наверное, ей тоже надо был напустить в голос холода и ответ независимо поинтересоваться его жизнью. А что? Это же так современно — мы разошлись, но все равно общаемся. Мы же интеллигентные люди. Но Мишель не хотела быть ни современной, ни интеллигентной с Павлом. Поэтому тоже молчала.

— Ну, что ж, — сказал Павел так и не дождавшись от нее никакой реакции, — тогда пока.

— Пока.

Она первой нажала на отбой. Ей почему-то было крайне важно быть первой. Чтобы он, держа свой шикарный телефон у уха, понял, что ее больше нет. Ощутил, каково это, когда тебя бросают. Пусть даже и в обычном телефонном разговоре. Мелочно. Господи, как это было мелочно. Но она позволила себе эту маленькую месть, понимая уже, что все напридумывала себе сама. А Павел, скорее всего, ничего и не заметил.

А сейчас, на набережной Обводного канала, Мишель почувствовала себя чуть-чуть свободнее от Павла. И ожидание рейса Санкт-Петербург — Таллинн превратилось в ожидание чуда. И когда она заняла свое место в автобусе, ощущение чуда усилилось, словно там, в далеком Таллинне, ее на самом деле ждало что-то волшебное.

В автобусе вкусно пахло свежесваренным кофе, и Мишель захотелось выпить чашечку. Это была вторая порция кофе за сегодня, по-хорошему, не стоило ее пить, но Мишель решила —

гулять, так гулять, и заказала ванильный капучино. А потом, попивая горячий напиток, смотрела в окно, раздумывая над тем, какая все-таки непредсказуемая штука — жизнь. Разве год назад она могла бы предположить, что поедет встречать Новый год одна, да еще в другую страну?

Между тем автобус въехал в Иван-город и приближался к границе. Мишель любовалась средневековой крепостью и ловила себя на мысли, что хотела бы остановиться и осмотреть ее повнимательнее. Жаль, что сегодня сделать этого не получится, но кто мешает ей приехать сюда еще раз?

Автобус остановился, и стюард попросил пассажиров выйти на паспортный контроль. Мишель надела пальто и вышла вместе со всеми. На КПП было людно, видно, многие ее сограждане хотели встретить Новый год в Эстонии.

Их группу пропустили быстро, и буквально через двадцать минут они уже ехали по мосту в сторону Нарвы. Мишель смотрела на людей, идущих к эстонской границе. Да, здесь, в Иван-городе, это была обычная практика. Люди могли ходить в магазин или гости в другую страну.

На эстонской границе процедура повторилась. Все вышли из автобуса и пошли на паспортный контроль.

— С какой целью вы едете в Эстонию? — просил у Мишель чиновник, не спеша ставить штамп в ее паспорт.

— Встречать Новый год, — честно ответила она.

— Когда возвращаетесь?

— Четвертого января.

Мужчина глянул на нее, проштамповал документ и улыбнулся.

— Желаю счастливого пути.

— Спасибо, — поблагодарила его Мишель.

В начале второго дня она прибыла в Таллинн.

Как добраться до квартиры, Мишель выяснила еще в Москве. Поэтому, получив свою сумку и пожелав всего хорошего экипажу автобуса, она вышла из здания автовокзала, перешла дорогу и двинулась в сторону трамвайной остановки. Проверила, останавливается ли здесь нужный ей трамвай и с интересом прочитала, где можно купить проездные билеты. Оказалось, что все жители этого города пользуется общественным транспортом бесплатно, а гости покупают билеты или в транспорте или на специальном сайте. Пока Мишель разбиралась с этим сайтом, подошел ее трамвай. Ехать была недолго, остановок семь или восемь. Мишель внимательно следила за названиями остановок на табло и сверялась с картой в телефоне.

Она вышла на остановке «Линнахол» и пошла в сторону района Каламая, заметила большой супермаркет «Рими» и решила, что обязательно зайдет в него, как только устроится в квартире. Постоянно сверяясь с электронной картой, Мишель дошла до нужного дома, набрала код домофона и поднялась на третий этаж. Рядом с дверью арендованной квартиры висел сейф с кодовым замком. Мишель снова набрала код, достали ключи от квартиры и открыла дверь. Огляделась и выдохнула облегченно.

Апартаменты были именно такими, как на фотографиях, когда она выбирала себе жилье. Гостиная, спальня и кухня. Чистый санузел и все бытовые удобства, включая стиральную машину. Не то, чтобы Мишель собиралась устраивать грандиозные постирушки, но и полоскать свое белье в раковине в ее планы не входило.

Разложила вещи и приняла душ, переоделась, прикидывая, чем бы ей заняться.

Сегодня двадцать девятое декабря, а значит на Радушной площади уже работает рождественская ярмарка. Мишель представила себе Старый город в праздничных огнях, высокую елку и кучу маленьких лавочек, торгующих всякой праздничной всячиной, вокруг. Захотелось туда, в эту Новогодне-Рождественскую сказку. И кто бы мог ей помешать? Ведь она и приехала, чтобы отдохнуть и развеяться.

На улице было прохладно, дул сильный ветер. Мишель надела теплый свитер, проверила — не забыла ли она перчатки, и, застегнув пальто, вышла из квартиры.

До Старого города идти совсем недалеко, но Мишель прибавила шаг, до того ей хотелось побыстрее попасть туда, на Ратушную площадь. А еще не мешало бы поесть, потому что, кроме ванильного капучино и шоколадной конфеты, она сегодня еще ничего не ела.

Она вошла в Старый город по улице Пикк, прошла мимо церкви Святого Олафа, повернула в какой-то переулок, прямиком вышла на Ратушную площадь и замерла.

Это было чудесно. Елка, огоньки, толпы людей и непередаваемая атмосфера праздника. Мишель походила по площади, разглядывая товары, выставленные на ярмарочных прилавках, купила глинтвейн и с удовольствием его выпила. Потом зашла в самую старую аптеку города, основанную еще в средние века, купила там крем для рук (уходить без покупки ей показалось неудобным) и погуглила ближайшие кафе с хорошими отзывами. Остановилась на блинной со странным названием «Компрессор» и, почитав восторженные отзывы, решила пойти туда.

Уже позже, выкатившись из блинной, где для нее каким-то чудом нашелся свободный столик, решила, что это самое вкусное заведение Таллинна. Прошлась по городу, растрясая плотный ужин, зашла в супермаркет и купила продукты на завтрак. А вернувшись в квартиру, завалилась отдыхать, с уверенностью поставив первому дню отпуска пятерку. С плюсом.

На следующий день Мишель позволила себе позволяться в постели подольше. Потом встала, умылась и сварила крепкий кофе в турке. С удовольствием попробовала местного сыра. Оделась потеплее и пошла гулять.

Прошлась по Каламая, зашла в благотворительный магазин подержанных товаров и купила пару винтажных открыток.

Петляя по улицам Старого города, опять вышла к Ратуше. Ей показалось, что по сравнению со вчерашним вечером народа на площади стало еще больше. Мишель подумала, что надо бы позвонить в «Компрессор» и забронировать столик на вечер, если она хочет вкусно поужинать блинами. Нашла в интернете номер телефона блинной и набрала номер. Пока разговаривала с администратором, договариваясь о времени брони, на площади явно что-то произошло, началось какое-то волнение.

Мишель убрала телефон в карман пальто и вытянула шею, чтобы рассмотреть происходящее.

— Трубочист! — раздолись крики.

— Смотрите, трубочист!

«Ну, если он будет молод, хорош собой и богат, придется за него подержаться», — вспомнив разговор с подругой, весело подумала Мишель.

И громко рассмеялась от этой мысли. Где это бывают такие трубочисты? Дайте мне адрес, я туда уже еду!

А потом люди перед ней как-то разошлись, освобождая пространство, и Мишель увидела его. Этого самого трубочиста. Он стоял, окруженный детьми, яростно натиравшими золотые пуговицы его форменной куртки.

Глядя на трубочиста, Мишель от удивления открыла рот. И тут было от чего удивиться. Во-первых, трубочист был молод, а ей-то казалось, что этим ремеслом занимаются почтенные отцы семейств далеко запенсионного возраста, низенькие и плотные, с пухлыми щечками и добродушными улыбками, очень похожие на гнома в старом советском мультике про Нильса.

Нет, он не был желторотым юнцом, скорее мужчиной где-то между тридцатью пятью и сорока годами. Во-вторых, он бы высок и привлекателен. Черная куртка весьма ладно сидела на его спортивной фигуре. Мишель отметила золотистые волосы, правильные черты лица и белозубую улыбку. А глаза? Какого

цвета у него были глаза?

Чтобы разглядеть цвет его глаз, она сделала пару шагов поближе. В этот миг трубочист оторвался от разговора с детьми и посмотрен на Мишель.

— Вы тоже хотите меня, — он замялся, словно подбирая слова, — потрогать?

Голос у трубочиста был низкий, с характерным мягким акцентом. От этого акцента, а еще больше от того, как двусмысленно прозвучал его вопрос, Мишель смутилась и покраснела, как девочка.

— Не стесняйтесь, — широко улыбнулся трубочист. — Разве вы не знаете, что нужно подержаться за мою пуговицу и загадать желание?

И почему ей показалось, что он как-то странно выделил интонацией слово «пуговица», словно наделяя его своим, особым смыслом?

Трубочист смотрел на Мишель, ожидая от нее ответа. И она, еще мгновение назад собирающаяся отступить назад, в толпу туристов, вдруг решилась:

— Знаю.

— Тогда я в вашем распоряжении.

Мишель шагнула к нему, протянула руку и дотронулась до пуговицы. Что загадать? Она закрыла глаза и….

«Пусть все измениться», — пронеслось у нее в голове.

— Загадали? — раздалось у Мишель над ухом.

— Да, — она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

«Серые», — отметила машинально.

— Ваше желание обязательно сбудется, — сказал трубочист.

— Спасибо, — от души поблагодарила Мишель. — С наступающим вас.

И сделала шаг назад.

— Может быть, у вас есть еще одно желание? — спросил мужчина. — Не стесняйтесь.

Мишель задумалась. И поняла, что не хочет искушать судьбу. Нет уж, хватит с нее и одного желания.

— Нет, — ответила она трубочисту, — мне достаточно.

— Тогда хорошего вам дня, — пожелал трубочист и переключился на детей, до сих пор стоящих вокруг него.

Мишель отступила еще немного назад, поправила капюшон пальто и решила, что самое время выпить горячего чая. Она повертела головой в поисках какого-нибудь кафе, заметила подходящее на другой стороне площади и пошла в ту сторону. Уже взявшись за дверную ручку, почувствовала спиной чей-то

упорный взгляд. Развернулась резко и встретилась глазами с трубочистом. Он по-прежнему стоял на другом конце площади, их раздело не меньше ста метров и толпа народа, но Мишель готова была поклясться, что он неотрывно смотрел на нее.

— Спасибо, — повторила она еще раз одними губами.

И он слегка наклонил голову, будто действительно понял, что она сказала.

Мишель накрыло странное ощущение. Ей не хотелось уходить, наоборот, появилось почти непреодолимое желание вернуться к трубочисту, взять его за руку и не отпускать. Она даже представила их вместе, сидящих друг напротив друга за столиком напротив в «Компрессоре».

Чтобы избавиться от этого наваждения, Мишель тряхнула головой и решительно вошла в кафе.

4

Как ни странно, но горячий чай с имбирем и лимоном немного охладил ее пылающие щеки.

Мишель пила его маленькими глотками, все вспоминая давешнего трубочиста. И ведь не было в мужчине ничего особенного, просто привлекательная особь. Или все-таки было? А если было, то что?

«Это все костюм трубочиста, — решила Мишель. — Сними его, и все очарование исчезнет».

Мысленно попыталась раздеть мужчину, представляя его в обычный одежде. Но, почему-то, у Мишель ничего не получилось. Мужчина перед ее глазами стоял в одних трусах и никак не хотел одеваться. Даже наоборот, он бы с удовольствием разделся до конца, если бы Мишель ему это позволила.

«Чушь какая», — хмыкнула Мишель в чашку.

А потом она долго бродила по городу, зашла в сад Датского короля и заглядывала под капюшоны знаменитых монахов, словно пытаясь разглядеть их лица. Дошла до Девичьей башни, полюбовалась видом города.

Вокруг все время были люди — романтическими парами или большими, шумными компаниями. Только Мишель была одна, но это одиночество ее абсолютно не тяготило, наоборот, она искренне радовалась возможности побыть наедине сама с собой, подышать морозным ветром с Финского залива, окунуться в сказочную атмосферу новогоднего праздника.

Ветер усилился, и Мишель, посмотрев на часы, решила, что пора идти в «Компрессор». Очень хотелось есть.

В блинной тоже было шумно — громко работал большой, почти на половину стены, телевизор, демонстрируя какой-то спортивный европейский канал, за столами сидели посетители, пили пиво и громко разговаривали. Мишель прошла к маленькому столику в углу, бросила там свое пальто и направилась к барной стойке, что бы сделать заказ.

Его пришлось ждать долго, народу действительно было много, а еду именно что готовили на заказ, никаких заготовок. Вот глинтвейн принесли сразу, и Мишель с удовольствием его выпила и заказала еще. Потом наслаждалась вкусным блином с семгой и смотрела в окно.

«Завтра Новый год».

И Мишель обязательно будет его праздновать.

С утра сходит в магазин за продуктами и приготовит что-нибудь вкусненькое. Хозяйка апартаментов любезно поставила в

гостиной елку, создавая праздничное настроение. И Мишель положит туда свой подарок, который привезла из Москвы. Потом она планировала съездить на пляж Пирита и погулять среди сосен. А вот ближе к полуночи она вернется на Ратушную площадь и встретит там Новый год. И будет веселиться вместе со всеми, и петь «В лесу родилась елочка», и может быть даже, познакомится с кем-нибудь.

И желание, которое она загадала, поглаживая кончиками пальцев пуговицу трубочиста, обязательно сбудется.

Оно просидела в «Компрессоре» почти до закрытия. Оплатила счет, не забыла заказать столик на завтра и вышла на улицу.

Было темно, но Мишель абсолютно не боялась. Казалось, что в таком волшебном месте не может случиться ничего плохого. Поэтому, вместо того, чтобы идти домой, она решила прогуляться.

Пошла в сторону Ревельской крепости. Улицы были совершенно пустынны, лишь изредка Мишель встречались прохожие. Не доходя до Александро-Невского собора, когда улица стала особенно узкой, Мишель обратила внимание за звук шагов за своей спиной. Остановилась, будто поправляя капюшон, звук исчез. Сделала пару шагов и поняла — за ней кто-то шел.

Мишель никогда не была трусливой, да и сама атмосфера этого города успокаивала и вселяла силы. Поэтому она совершенно спокойно повернулась, чтобы удостовериться, что ей не показалось.

В темноте, метрах в десяти от нее стояла высокая мужская фигура. Его невозможно было разглядеть, и Мишель, вместо того, чтобы выйти на свет, смело шагнула в темноту.

Теперь их разделяло всего несколько метров. Но как Мишель не вглядывалась, никак не могла рассмотреть того, кто сначала шел за ней, а теперь молча стоял в темноте. Ей даже показалось, что мужчина сделал шаг назад, словно не желая, чтобы его разглядели.

Мишель достала свой телефон и включила фонарик, направив его на незнакомца.

Яркий свет ослепил его, и Мишель с удивлением узнала в мужской фигуре трубочиста.

— Вы?

— Я, — согласился мужчина, прикрывая лицо ладонью.

Почему-то Мишель не поверила ни своим глазам, ни его ответу и подошла еще ближе.

Нет, ошибки быть не могло — перед ней стоял тот самый симпатичный трубочист, за пуговицу которого она держалась несколько часов назад.

— А зачем вы идете за мной? — с интересом спросила она у мужчины, ни на секунду не испугавшись.

— Вы так думаете? Что я иду за вами? — развеселился трубочист.

— Ну, — растеряно ответила Мишель, — да. Вы же идете…

— Иду, — кивнул он.

— Зачем?

— А что, все жители этого города ходят исключительно за вами? — с некоторой издевкой поинтересовался трубочист. — Или только мужская его часть?

Тут Мишель сообразила, что он просто шел. Видимо по каким-то своим делам. А она, дура такая, мало того, что напридумывала себе неизвестно что, так еще и поспешила поделиться своей гениальной догадкой с незнакомцем. Вот что он о ней подумает?

«Наплевать», — решила Мишель, разглядывая лицо трубочиста.

— Простите, — сказала вслух, — я спросила глупость.

— И какую? — вкрадчиво поинтересовался мужчина, делая маленький шаг к ней.

— Решила, что вы идете за мной, — созналась Мишель, испытывая неловкость перед незнакомцем.

— А если вы не ошиблись? Вдруг я действительно шел за вами?

Это прямо американские горки какие-то!

— За мной?! Но зачем?

— Хотел пригласить вас к себе, — просто ответил трубочист.

— На крышу? — уточнила Мишель.

— Почему на крышу? — теперь он улыбался.

— А где живут трубочисты?

— Да в разных местах, — ответил он. — Я живу в доме неподалеку.

Мишель поняла, что окончательно запуталась.

— Так вы шли домой? Или все-таки преследовали меня?

— Скажем так, — ответил ей трубочист, — все совпало. Я шел домой и увидел вас. И теперь приглашаю вас к себе.

Конечно, она должна отказаться. Идти в гости к совершенно незнакомому человеку, да еще на ночь глядя, просто неприлично. И опасно. Мало ли, что он может с ней сделать.

Мишель уже открыла рот, чтобы поблагодарить за приглашение и сказать, что она не может пойти с ним. Что ее ждут. Да — да, именно ждут, и ей пора возвращаться домой. Но неожиданно вспомнила разговор с подругой.

Как там сказала Настя? Обещай, что не упустишь свой шанс, кажется? Вдруг это действительно ее шанс? Ведь загадала же она, чтобы все изменилось. Может ее желание уже начало исполняться?

— Ну, так как, принимаете мое приглашение? — спросил незнакомец, с интересом следя за выражением ее лица.

Нет, нужно поблагодарить и вежливо отказаться.

— Принимаю, — ответила Мишель.

Трубочист кивнул и подставил ей согнутую в локте руку.

— Прошу вас.

Она положила руку на черное шерстяное сукно его форменной куртки.

— Благодарю.

Вместе они вышли из темноты.

— Вы действительно живете неподалеку? — спросила Мишель с интересом.

— Да, — ответил мужчина, — буквально пять минут хода.

Эти пять минут они прошли молча. Незнакомец не спешил развлекать ее разговорами, Мишель пыталась понять: зачем она согласилась пойти к нему. И зачем он ее пригласил?

«Вот это, кстати, совершенно понятно, — сказала она самой себе. — Увидел одинокую женщину, решил развлечься».

— Вы живете один? — нарушила молчание Мишель.

— Один, — согласился трубочист.

Они подошли к неприметной двери одного из домов. Трубочист достал из кармана куртки связку ключей, открыл дверь.

— Придется подняться на самый верх, — сказал он Мишель. — Здесь нет лифта.

— Все-таки вы живете на крыше? — отозвалась она.

— На крыше живет Карлсон, — возразил мужчина. — И не в Таллинне, а в Стокгольме. Мой дом на чердаке.

Мишель нервно рассмеялась. Господи, сегодня тридцатое декабря, она в чужой стране, идет на какой-то чердак с незнакомым мужиком, что бы заняться там… Нет, ну ясно же чем. Одно только не понятно: зачем это нужно ей? Приключений захотелось?

— Идем? — трубочист не дождался от нее ответа и протянул руку.

— Идем.

Темная лестница с огромными пролетами показалась бесконечной. Но все когда-нибудь заканчивается, и вот они уже стояли перед единственной на последнем этаже дверью.

Трубочист распахнул ее перед Мишель.

— Прошу вас.

Зажегся свет, Мишель шагнула вперед, огляделась и замерла. Сюрприз удался. Если, конечно, это был сюрприз.

«Вот как, оказывается, живут простые таллинские трубочисты», — подумала Мишель, разглядывая помещение.

А посмотреть было на что. За невзрачной входной дверью прятался стильный лофт. Мишель удивленно переводила взгляд со старого кожаного дивана, стоящего перед камином, на явно антикварный письменный стол и кресло в стиле чиппендейл.

— Проходите, — пригласил трубочист и махнул рукой в сторону дивана. — Я сейчас разожгу камин.

— Благодарю, — Мишель наклонилась, чтобы снять ботинки.

Странное дело, но трубочист не стал помогать ей снять пальто, а ушел куда-то вглубь лофта.

— Проходите, не стесняйтесь, — повторил он откуда-то из глубин.

И Мишель, расстегнув пальто, пошла на его голос. Ее не покидало ощущение неправильности. Оно появилось еще днем, когда Мишель встретила этого мужчину, и с того момента все усиливалось.

Трубочист нашелся на кухне. На барной стойке уже стояли два стакана со льдом.

— Виски? — спросил трубочист, наполняя стаканы темной жидкостью.

Мишель замешкалась с ответом, и трубочист обернулся к ней с бутылкой в руке.

— Виски, — повторил мужчина, но уже без вопросительных интонаций.

— Да, — растерянно согласилась Мишель. — Спасибо.

— У вас разрыв шаблона? — усмехнулся трубочист и протянул ей стакан.

— Вы думаете? — Мишель пригубила темную жидкость.

— Богатая московская стерва решила осчастливить бедного эстонского работягу.

Его тон и взгляд, которым он бесцеремонно разглядывал Мишель, категорически ей не понравились. Стало тревожно и, почему-то, неловко.

«Надо уходить», — решила Мишель.

Поставила стакан на стойку и отступила назад.

— Я оказался недостаточно беден, чтобы удостоится вашего высочайшего внимания? — светлые глаза уже не смеялись, а смотрели на нее с презрением.

Мишель чувствовала, что нужно просто уйти, не вступая с этим странным мужчиной в дискуссию. Но вместо этого спросила:

— С чего такой вывод?

Трубочист сделал большой глоток из своего стакана, лед звякнул о толстые стенки и уточнил:

— Какой именно? Что вы стерва? Или что богатая?

Вообще-то Мишель спрашивала о другом, но сейчас не желала ничего пояснять, внезапно утонув в мужском взгляде, и просто кивнула. Пусть понимает, как хочет.

— Ваше пальто стоит около двух тысяч евро, — сказал трубочист и сделал шаг ей навстречу.

Протянул руку, нырнул под пальто и очертил пальцем женскую ключицу под тонким свитером. Откровенно вызывающий жест с привкусом трогательной нежности. Мишель невольно сглотнула.

— Итальянский кашемир? Или шотландский? — Трубочист продолжил демонстрировать свои познания в мире моды. — Вечно я их путаю.

— Итальянский, — машинально ответила Мишель, остро чувствуя, как мужской палец спускается ниже, к груди.

— Еще пятьсот евро, — хмыкнул Трубочист.

— Триста, — зачем-то поправила его Мишель.

— Брали на распродаже? — в голосе сквозила уже неприкрытая ничем издевка.

Ситуация с каждым словом становилась все более абсурдной, и Мишель начала сердиться. Резко хлопнула по наглой конечности, уже практически устроившейся на ее груди, и ответила:

— Мне пора.

— Торопишься? — весело спросил мужчина, перейдя на «ты».

— Да, — Мишель решительно запахнула пальто и развернулась в сторону входной двери.

— Тогда зачем пришла? — раздалось ей в спину. — Нервы захотелось пощекотать?

Она не стала отвечать, зачем? Глупо все. И приходить сюда не стоило, и желание дурацкое загадывать. И вообще, чего ее понесло за тысячу километров от дома? Сидела бы сейчас у себя в квартире, одна. Резала бы салат и плакала. От лука, разумеется. От чего же еще? Не от одиночества же, в самом деле. И не от того, что не смогла принять предложение подруги и приехать к ней в гости, потому что мучительно, до дрожи боялась, что туда заглянет бывший муж со своей нынешней.

При воспоминании о Павле привычно заныло в груди. Это он во всем виноват. И даже в том, что Мишель, дура дурой, стоит на кухне у этого непонятного трубочиста, к которому она зачем-то

(хотя любому взрослому человеку и ясно, зачем) пришла, виноват тоже Павел. «Сволочь ты, Павел Петрович Виннер», — пронеслось у Мишель в голове.

— Тогда не смею тебя задерживать, — сказал трубочист.

— Я передумала, — Мишель решительно развернулась, прошла мимо мужчины и взяла с барной стойки свой стакан.

Залпом выпила содержимое, покатала на языке подтаявшую льдинку.

— Неужели? — развеселился трубочист. — Решила все-таки остаться?

— Решила, — кивнула Мишель и хрустнула кусочком льда.

Он подошел близко — близко, так, что Мишель ощутила на своем лице его дыхание. Мята, табак и немного алкоголя.

— Ты мстишь ему или что-то хочешь доказать себе? — отбирая у Мишель стакан, спросил трубочист.

Мишель сделала вид, то не поняла вопроса.

— Кто он? — прозорливо продолжил трубочист. — Муж? Жених? Любовник?

Нужно было на что-то решаться. Мишель приподнялась на носочки и ответила ему в губы.

— Уже никто.

А потом она сделала то, чего сама от себя не ожидала — обняла незнакомого мужчину и потянулась к нему с поцелуем.

Трубочист замер в нерешительности. Мишель испугалась, что он так и будет стоять перед ней истукан истуканом, и тогда ей только и останется, что пойти на залив и утопиться, потому что такого позора она просто не переживет.

Но ее страхи оказались напрасны. Трубочист замер лишь на мгновение, что бы дать Мишель возможность передумать и отступить, а потом ответил на ее поцелуй.

5

Кажется, она только что изменила Павлу. Или это не измена, если развелись? Разве можно изменить бывшему мужу?

«Нет никакого мужа, — напомнила себе Мишель. — Уже полгода, как нет».

Просто это было очень странно — впервые за пять лет ее коснулся другой мужчина, не муж.

И зачем она это сделала, зачем переспала с чужим мужиком? Добро бы хоть удовольствие получила, но ведь нет.

Мишель отметила, что трубочист оказался хорошим любовником. Пожалуй, даже лучше, чем Павел. Беда только в том, что Мишель так и осталось совершенно равнодушной. Нет, технически она свое получила. Но ведь все знают, что оргазм у женщины в голове. Хотя Мишель бы сказала, что в сердце. Или в душе. Или чем там чувствуют женщины.

Трубочист был супер. Но увы, ничего он в ней не затронул. Ни души, ни сердца. И он это понял, почувствовал. И не стал демонстрировать чудеса сексуальных техник, быстро закончил и оставил ее в покое. Спасибо ему за это.

Мишель потянулась за одеждой, но трубочист ее остановил.

— Куда? — спросил, перехватив ее руку.

— Домой.

— Поздно уже, — возразил он. — Ложись и спи.

Она так удивилась этой неожиданной заботе чужого, по сути, человека, что послушно легка в кровать. Трубочист улыбнулся и накрыл Мишель ярким пледом.

— Спи, — легко коснулся ее щеки.

Потом подошел к окну и открыл раму. Холодный воздух наполнил спальню.

Плед ужасно кололся, Мишель все вертелась и никак не могла устроиться. Но потом пригрелась и, сама не заметила, как уснула.

А проснулась, когда на часах было пять утра. Трубочиста рядом не было. Мишель осторожно встала с кровати, оделась и пошла в сторону гостиной. Там его тоже не было. Только догорающие дрова в камине да стакан с остатками виски подсказали Мишель, что трубочист здесь был. Обойдя весь лофт, убедилась, что ее новоявленного любовника дома нет. И слава богу! Потому что Мишель не представляла, что она ему скажет и как вообще будет на него смотреть. Она запретила себе думать, куда мог пойти мужчина в пять утра. Это ее совершенно не касается. Быстро натянула ботинки, застегнула пальто и, схватив

сумку с шарфом, открыла входную дверь. Появилась мысль, что нужно будет как-то закрыть жилище, не оставлять же его на распашку. Но у трубочиста оказался нормальный английский замок, и Мишель оставалось только захлопнуть дверь.

На улице было темно и тихо. Мишель почти бежала в сторону Каламая, так хотелось поскорее попасть в квартиру. Принять душ, лечь в кровать и сделать вид, что ничего не было. Ни секса со странным мужчиной, имени которого она так и не спросила, ни колючего пледа, ни поспешных сборов в чужой квартире. Ни-чего.

Стоя под упругими горячими струями душа, Мишель остервенело терла тело мочалкой, пытаясь смыть следы чужих, не-Павловых, прикосновений. Получалось плохо. Предательница — память услужливо подкидывала картинки прошлой ночи. И, странное дело, эти картинки пробуждали в ее душе какие-то непонятные, ненужные ей чувства. Нежность, благодарность и ….. желание повторить?

«Совсем с ума сошла», — решила Мишель и отправилась в кровать.

Сон не шел. Мишель полежала, повздыхала и решила, что пора заканчивать издеваться над собой. Собралась и пошла в супермаркет. В конце концов, сегодня Новый год и Мишель хотела встретить его за праздничным столом.

Несмотря на ранний час, в «Рими» была толпа народа. Мишель взяла тележку и покатила ее вдоль рядов, мучительно пытаясь вспомнить, что именно ей нужно купить. Конечно, нужны ингредиенты для салатов. Оливье, это обязательно. И селёдка под шубой. И крабовый салат. Хорошо бы, конечно, сварить холодец. Но где ей Таллине взять голяшку? Нет, наверняка где-то здесь их продают. Только как узнать, где именно?

«Бог с ним, с холодом», — решила Мишель. Все равно она его не ест. Как и салаты эти безумно-новогодние. Но традиция есть традиция, нужно соответствовать.

«Винегрет сделаю. И торт испеку.»

Когда Мишель упаковала все купленные продукты и посмотрела на гору пакетов, решила вызвать такси. Все равно одной эту кучу ей не утащить.

Таксист оказался хорошо воспитанным и чутким человеком и помог донести покупки до квартиры. А потом Мишель, как любая нормальная хозяйка тридцать первого декабря, стояла у плиты и варила, резала, взбивала, пекла. Когда салаты заняли место в холодильнике, а торт выставлен на подоконник — пропитываться, Мишель задумалась: а так ли ей хочется встречать Новый год одной?

«Не одиночество тебя пугает, — сказала Мишель сама себе. — Тебе просто хочется его увидеть снова. Но зачем?»

Время близилось к вечеру, пора на что-то решаться. Или остаться дома и вкусить все прелести одиночества, или идти к трубочисту. Мишель заглянула в холодильник, оценивая объём работ. Как донести все до его лофта? Самое время махнуть рукой на эту затею и устроится перед телевизором. Но Мишель уже одевалась, чтобы опять бежать в магазин.

Контейнеров она купила с запасом, что бы точно хватило и на салаты, и на нарезки, и на торт. Нагрузилась пакетами, сама себе напоминая верблюда, и пошла в Старый город.

Поднимаясь в горку мимо башни Пикк Ялг, Мишель поняла, что не помнит точно, куда ей идти. Нет, она не забыла про Александро-Невский собор и Ревельскую крепость. Но в каком из домов живет трубочист? Мишель шла по улице и поочередно подходила к домам, внимательно разглядывая входные двери, в безумной надежде узнать искомую. Напрасные надежды, ни одна из дверей не спешила ответить ей взаимностью.

Когда Мишель совсем отчаялась и решила, что Новый год она встретит прямо на мостовой, в окружении пакетов с едой, дом слева показался ей смутно знакомым. Кажется, именно отсюда она бежала нынешним утром.

Мишель сгрузила свои пакеты прямо на землю и подошла к двери. Осмотрела старую древесину, подергала за ручку. Закрыто. Внимательно изучила наличник. Напрасно, ни звонка, ни таблички.

«Прекрасно, — сказала сама себе. — Можно вернуться в квартиру или устроится прямо тут, под дверью. Вдруг мне повезет, и он вернется до наступления нового года?»

Она еще решала, как поступить, когда ее мысли были прерваны:

— Решила вернуться?

Мишель смотрела на своего трубочиста и не узнавала. Вместо черной формы на мужчине были светлые джинсы, из-под распахнутой стильной дубленки виднелся белый свитер.

«Кашемир, — решила Мишель. — Итальянский или шотландский, он их путает».

Трудно было узнать в этом дорого одетом мужчине человека, чистящего дымоходы.

— Пришла уже с вещами? — спросил он насмешливо.

— А ты против? — включилась в игру Мишель.

— Я? Нет, я не против. Живи на здоровье.

— Спасибо.

- А что случилось? Тебя выселили из квартиры?

— Это имеет значение?

— Абсолютно никакого.

Он облокотился о старую дверь и продолжал разглядывать Мишель и ее пакеты, не торопясь пускать в свой дом.

Под его пристальным взглядом Мишель подумала, что немного погорячилась с приходом. Ведь у него могли быть свои планы на эту ночь. Друзья, родные, женщина, в конце концов. Они переспали, но Мишель совершенно ничего о нем не знала.

— Так пустишь? Или мне идти дальше? — спросила с вызовом.

— Дальше? Есть еще кто-то, кого ты готова осчастливить?

Стало обидно. Она наготовила кучу всего, несколько раз бегала в магазин, пришла сюда, к нему, а он, вместо того, чтобы обрадоваться, стоит и насмехается на ней.

— Я, пожалуй, пойду, — Мишель наклонилась и стала собирать пакеты с едой.

— И куда же пойдет холодная московская барышня?

— Встречать Новый год.

— Одна?

— Да, — Мишель собрала сумки. — Горячий эстонский парень не произвел на меня должного впечатления.

Он рассмеялся, шагнул к Мишель и разом отобрал все ее пакеты.

— Облажался, — ответил трубочист. — Дай ему еще один шанс.

— Думаешь, стоит? — с сомнением спросила Мишель.

— Он будет очень стараться, — заверил ее трубочист и без перехода попросил: — Достать в кармане ключи, пожалуйста.

Мишель не стала ломаться, она ведь пришла именно для того, чтобы встретить праздник с этим мужчиной. Достала ключи, открыла входную дверь.

— Сбоку есть кнопка, — сказал трубочист, — нажми.

Мишель послушно провела рукой по стене, нашла кнопку и нажала. На лестнице загорелся свет.

— А выключать как?

— Сам выключиться, — трубочист стал подниматься по ступеням. — Через четыре минуты.

Он быстро шел наверх, Мишель с трудом поспевала за ним. А ведь считала себя тренированным человеком.

— Что у тебя в сумках? — спросил он, не сбавляя темпа.

— Еда.

— Еда?

— Салаты всякие, закуски, торт.

— Ты привезла все это из Москвы? — с изумлением спросил он, остановившись на лестничной площадке.

— Ты дурак, что ли? — удивилась Мишель. — Зачем бы мне это делать?

— Купила здесь?

— Приготовила здесь, — поправила его. — Знаешь, нужно сходить в магазин, купить продукты, а потом приготовить разные блюда.

— И торт сама испекла?

— А что такого? У вас в Эстонии не принято готовить?

— Принято, — ответил он немного рассеяно. — А тебе-то зачем?

— А что, я не человек?

— Человек, конечно. Только можно ведь было купить готовые блюда.

— Я не ем готовое.

Они замолчали, разглядывая друг друга. Внезапно погас свет.

— Мы идем? — спросила Мишель. — Или так и будем стоять в темноте на лестнице?

— Идем, — согласился трубочист и двинулся дальше. — Не ожидал от тебя.

— Чего не ожидал? Что я умею готовить? Или что приду к тебе?

— Всего не ожидал.

А Мишель вдруг вспомнила, что они так и не познакомились.

— Меня Мишель зовут, — сказала ему в спину.

— Как? — он остановился и резко развернулся к ней лицом. — Как тебя зовут?

— Мишель.

Несколько долгих мгновений трубочист смотрел на нее, словно пытаясь разглядеть что-то в темноте, потом опомнился, хмыкнул и продолжил подъем.

— А тебя как зовут? — спросила Мишель, так и не дождавшись ответного представления.

— Ты не поверишь.

— А все-таки?

— Михаэль, — ответил трубочист.

— Очень приятно, — автоматически сказала Мишель прежде, чем до нее дошел смысл его слов.

Мишель и Михаэль. Мишка и …. Мишка? Два Мишки. Это прямо Шишкин какой-то.

— Как тебя зовут близкие? — спросила Мишель после паузы.

— Так и зовут, Михаэль.

Они добрались, наконец, до чердака. И теперь Михаэль стоял

и ждал, когда Мишель откроет дверь.

— А сокращенно? — настаивала Мишель, уж очень ей было интересно.

— А тебя?

— Миша, — ответила она, а потом вспомнила Павла и добавила: — Или Мишка.

— Косолапый? — уточнил трубочист.

— Очень смешно, — она прошла в дом следом за ним. — Так как тебя называют? Миша или Мишка?

— Мих, это все-таки Эстония, — сказал трубочист. — Пакеты я сразу несу на кухню, да?

— А куда же еще? Конечно, на кухню. Сейчас разденусь, и будем накрывать на стол, — ответила Мишель и поразилась, насколько привычно и по-домашнему прозвучал ее ответ.

Трубочист, вернее Мих, тоже это почувствовал. Но комментировать не стал, только одарил ее еще одним долгим взглядом и ушел на кухню.

Скинув пальто и обувь, Мишель прошла за ним на кухню.

— Салаты в холодильник? — спросил Михаэль, разглядывая содержимое сумок.

— А где мы накроем на стол? — вопросом на вопрос ответила Мишель.

— Не знаю, — улыбнулся Мих, взял самый большой контейнер и открыл его. — Можем здесь или в гостиной, но у меня нет большого обеденного стола.

— Почему?

— Да он как-то не нужен, — Михаэль взял ложку, явно собираясь продегустировать ее стряпню.

— Салат не заправлен, — предупредила Мишель. — Ты не собираешь в доме большие компании?

— Нет, — ответил трубочист. — Ты салат специально не заправляешь? Что бы было не так калорийно?

— Специально, но не поэтому. Не люблю, когда он киснет в заправке. А гости у тебя бывают?

— Редко, — Михаэль вернулся к разбору сумок. — Слушай, у меня нет майонеза. Оливье же майонезом заправляют, да?

— Да. Может, успеем купить?

— Вряд ли, в магазинах сегодня короткий день.

— Значит, будем есть оливье без майонеза, — решила Мишель.

Михаэль попробовал салат.

— Ого, — сказал удивленно. — Так даже вкуснее. Кстати, есть сметана. Может, сметану добавим?

Мишель кивнула. Она вдруг поняла, что ей очень, ну просто очень — очень, нравится этот мужчина. Вот такой, в белом свитере, с легкой щетиной, стоящий посреди кухни и с удовольствием лакомящийся приготовленной ею едой. Она так на него засмотрелась, что чуть не пропустила момент, когда Мих потянулся к торту, решив закусить им селедку под шубой.

— Ты уверен, что получится вкусно? — она успела отвести его руку от десерта.

— А что такого? — удивился Михаэль.

— Ты серьезно? Будешь заедать селедку сладким?

— Буду. А что?

— Это невкусно.

— Много ты понимаешь. Это очень вкусно. Ты потрясающе готовишь.

— Спасибо, — комплимент был приятен. — Так где мы накроем на стол? У камина?

— Если хочешь, — согласился он, потом вздохнул: — Торт оставлю на потом. Жалко портить такую красоту.

Она уже открыла рот, что бы сказать, что может испечь еще, но вовремя опомнилась. Не хватало еще, чтобы Мих решил, что она ему навязывается. Вместо этого она лишь коротко ответила:

— Хорошо.

А потом Мих поставил у камина небольшой столик, и они занялись сервировкой. На его кухне Мишель нашла множество нужных вещей: и праздничные салфетки, и красивую посуду, чем, признаться, очень удивила трубочиста.

— Ты не знал, что у тебя есть новогодний сервиз? — спросила она, разглядывая фарфоровые тарелки, расписанные еловыми ветками и рождественскими колокольчиками.

— Я забыл, — признался Михаэль. — Давно не пользовался этой посудой.

— А где ты собирался встречать Новый год?

— С друзьями.

— Я поломала тебе планы? — расстроенно спросила Мишель.

— Не было никаких особенных планов, — сознался Мих. — Просто собирался пойти к друзьям.

— Тогда надо, наверное, их предупредить, что ты не придёшь, — она немного растерялась.

Михаэль смотрел на ее и улыбался.

— Если у тебя изменились планы, — добавила Мишель.

— Надо, — согласился он. — Я сейчас. Ты не видела мой телефон?

Мих вышел из кухни в поисках мобильного, а Мишель задумалась. Она, все же, помешала его планам. Это плохо. А вот

то, что Михаэль с легкостью отказался от них, чтобы встретить Новый год в ее компании, это хорошо. И Мишель не будет переживать о неизвестных ей людях, пусть даже его друзьях. Трубочист достаточно взрослый, чтобы самому решать — с кем ему проводить свое время.

Михаэль быстро вернулся.

— Какие бокалы нам нужны?

— Для шампанского, — ответила Мишель. — Если оно у нас есть.

— Найдется.

Новогодний стол, а вернее сказать, столик, был накрыт в гостиной у камина, и радовал глаз праздничной сервировкой.

— А мы пойдем на Радушную площадь? — спросила Мишель, любуясь на всю эту красоту.

— Ты хочешь уйти дома, на холод, чтобы потолкаться на площади в толпе туристов? Даже не попробовав ничего из того, что сама приготовила?

Мих старался говорить серьезно, но его выдавали смеющиеся глаза.

— Хочу, — решительно ответила Мишель и уточнила: — Уйти на площадь. И я все уже пробовала. Когда готовишь, приходится снимать пробу.

Михаэль посмотрел на часы.

— Тогда у меня к тебе предложение: давай сядем и проводим старый год, а потом пойдем гулять. Я, признаться, ужасно голоден.

— Ты не обедал? — спросила Мишель.

— Нет. Только кофе выпил утром.

Она с трудом подавила в себе желание спросить, что же помешало Михаэлю пообедать. То, что она ничего не знала о своем новоявленном любовнике, начинало слегка раздражать.

— Я редко ем днем, — пояснил трубочист.

— Очень много работы?

— Ты даже не представляешь. Море.

— Неужели в Таллинне столько каминов?

— А при чем здесь камины?

— Ты же трубочист, — напомнила ему Мишель.

— Ты серьезно в это поверила? — рассмеялся Михаэль.

— Да, — озадаченно ответила Мишель. — А что, это не так?

— Нет.

— Тогда что ты делал на Ратушной площади в костюме трубочиста? Морочил голову людям?

— Почему сразу морочил? Может, это мое хобби? — лукаво спросил Мих.

— Обманывать людей? Есть такое хобби? — обиженно уточнила Мишель.

Узнав, что Михаэль ненастоящий трубочист, она расстроилась. Еще бы, ведь получается, что желание, которое она загадала, никогда теперь не сбудется. А Мишель уже начала верить, что все в ее жизни может измениться. И непременно к лучшему. Это ведь Новый год!

— Ты расстроилась от того, что я не трубочист? — удивился Михаэль. — Но почему?

— Ничего я не расстроилась.

Мишель не хотела ему ничего объяснять. Как это вообще можно объяснить другому человеку? Да еще мужчине? Разве он поймет, если она расскажет, почему ей так жизненно важно изменить свою жизнь?

— Тогда зачем ты нарядился трубочистом?

— Поспорил, — ответил Михаэль.

— С кем? И на что?

— С другом, — коротко ответил мнимый трубочист. — Только не спрашивай о предмете спора, неловко рассказывать.

— Ты меня интригуешь.

— И все-таки, почему ты расстроилась?

— Неловко рассказывать, — повторила Мишель его слова.

— А если я догадаюсь?

— Тогда догадывайся про себя, ладно? Мне, и в правду, неловко.

Мих согласно кивнул.

— Чем будем провожать старый год? Виски, коньяк, вино?

— А можно мне чая? Я не очень хочу пить алкоголь.

— Тебе все можно, — ответил Михаэль, и в ответ на ее потрясенный взгляд пояснил: — После твоего эпического появления на моем пороге с сумками полными домашней еды.

— Тогда сделай мне чай.

— Черный? С лимоном?

— Да.

Михаэль взял с дивана пару ярких подушек и бросил их около столика.

— Устраивайся, — предложил радушно. — Я пока сделаю нам чай.

— Ты тоже будешь чай? Тебе вовсе необязательно. Ты можешь выпить виски.

— Нет, я хочу составить тебе компанию.

Чай, приготовленный трубочистом, был именно таким, какой любила Мишель — крепким и горячим. И лимон он порезал, как

надо — толстыми дольками.

— Вот сахара у меня нет, — сказал Мих, ставя на скатерть чайные чашки. — Зато где-то есть бельгийский шоколад.

Но Мишель не хотела сладкого. Она поморщилась, отрицательно мотнула головой, показывая, что не хочет шоколад, и потянулась к заварочному чайнику. Михаэль успел опередить ее.

— Я поухаживаю за тобой. Тысячу лет не ухаживал за красивой женщиной.

— Все некрасивые попадались? — усмехнулась Мишель.

— Никакие не попадались, если честно.

Мишель сделала глоток свежезаваренного ароматного чая и, наблюдая за Михаэлем из-под ресниц, подумала, что с такой внешностью ему нет нужны ухаживать за женщинами. Они сами за ним ухаживают. Даже, наверное, в очередь становятся, чтобы чаю ему налить, не говоря уже обо всем остальном.

— А твои друзья не против того, что ты не придешь? — спросила Мишель.

Честно говоря, ее интересовали не столько друзья, сколько подруги. Но ведь прямо спрашивать неудобно. Или удобно? Особенно учитывая, что они были близки.

— А почему они должны быть против? — Михаэль отпил из своей чашки. — Черт, горячо. Как ты можешь пить такой кипяток?

- Не кипяток, не преувеличивай. Просто я люблю горячий чай, — ответила Мишель и вернулась к теме: — Это же друзья.

— Я достаточно взрослый мужчина, чтобы решать, где и с кем проводить свое время, — ответил Михаэль. — Или тебя интересует что-то другое?

— Что? — не поняла Мишель.

— Вот я и спрашиваю, что?

Он пил чай, смотрел на Мишель и продолжал улыбаться. И она набралась смелости и ответила:

— Я хотела спросить, есть ли у тебя …. женщина…. которая хотела бы встретить с тобой Новый год.

— Я надеюсь, что эта женщина ты, — просто ответил Михаэль, пытливо глядя ей в лицо.

6

Он просто смотрел на нее, ожидая реакции на свои слова.

И Мишель не стала кокетничать, ответила прямо:

— Да.

— Да?

— Да, я хочу встретить с тобой Новый год, — сказала Мишель. — Иначе, зачем я здесь?

— Вот это-то и странно, — ответил трубочист. — Тебе ведь не понравилась прошлая ночь со мной.

— С чего ты взял?

— Это был не вопрос, это было утверждение.

— Нам обязательно нужно говорить об этом сейчас? — Мишель почувствовала себя неловко.

— Можем вообще об этом не говорить, но правда от нашего молчания не измениться.

— А от разговоров она измениться? — упрямо спросила Мишель.

— Не знаю. Просто не могу понять: зачем ты здесь?

— Мне уйти? — Мишель начала раздражаться.

— Если ты этого хочешь.

— Кажется, я уже сказала чего хочу. Но могу повторить. Я. Хочу. Встретить Новый год. С тобой.

Михаэль, внимательно следивший за выражением ее лица, улыбнулся.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты пришла.

— Михаэль, я не понимаю смысла этого разговора. Особенно сейчас, — призналась Мишель. — Если ты хочешь что-то узнать, спроси прямо, я отвечу.

— Так просто?

— А зачем усложнять?

— Хорошо, спрошу. Но не сейчас. Можно?

— Почему бы и нет?

— Ты не передумала идти на Ратушную площадь?

— Нет. А ты?

— Разве я могу отпустить тебя? Одну, в новогоднюю ночь?

— Надеюсь, что нет.

— Даже не сомневайся, — Михаэль дернул на себя подушку, на которой сидела Мишель. — Я ужасный собственник.

Он обнял ее, прижав голову Мишель к своей груди. Она вдохнула его запах. Мята, дорогой табак, немного алкоголя.

— Какие сигареты ты куришь? — спросила, ощущая щекой мягкость кашемира.

— Почему ты спрашиваешь?

— Очень приятный запах.

Он зарылся носом в ее волосы.

— Это у тебя приятный запах, — сказал Михаэль. — Я пахну совершенно обыкновенно. Пойдем?

— Пойдем.

Они вышли в коридор, держась за руки. Потом Михаэль посмотрел, как она обувается, перевёл взгляд на ее пуховое пальто.

— Ты слишком легко одета для ночных прогулок, — заявил он категорично. — Нужно одеться теплее.

— Но у меня теплое пальто.

— Глупости. Эти итальянцы совершенно не умеют делать одежду для нашей зимы.

— Здесь не так уж и холодно. Всего минус восемь.

— Да, мороз небольшой, — согласился Михаэль. — Но ветер с залива очень коварный, легко можно замерзнуть и простудиться.

— И что мне теперь делать? Другой одежды у меня нет.

Михаэль посмотрел на нее, секунду подумал и решил:

— Наденешь мою дубленку.

— Ты издеваешься? — изумилась Мишель. — На кого я в ней буду похожа? На чучело?

— На женщину в моей дубленке, — ответил Михаэль, доставая одежду из шкафа.

Мишель еще пыталась возражать, говорила, что одета достаточно тепло, но бывший трубочист уже надевал на нее свою дубленку.

— Вот видишь, — сказал он, наматывая ей на шею свой шарф, — тебе очень идет. Шапка у тебя есть?

— У меня капюшон, — пытаясь выбраться из глубин плотной шерсти, закрывающей ей все лицо, ответила Мишель. — Был.

— Значит, наденешь мою.

И ей на голову надели еще и шапку.

— А в чем пойдешь ты?

— Надену парку.

— А на голову? — упорствовала Мишель.

— Капюшон.

Михаэль быстро оделся, взял ключи и перчатки.

— А где твои перчатки?

Мишель постаралась вспомнить, когда в последний раз видела свои перчатки.

— Кажется, я оставила их в квартире.

— Молодец, — Михаэль по очереди подкатал манжеты дубленки так, чтобы они чуть приоткрывали пальцы. — Надеюсь, на площади еще работает ярмарка, купим тебе варежки.

Она хотела возразить, ну зачем ей какие-то варежки? А потом подумала, что уже очень давно никто о ней так трогательно не заботился.

Мишель посмотрела на себя в зеркало. Вопреки ее опасениям, в его дубленке она не выглядела ужасно. Да, пальто было ей велико, но смотрелось скорее очаровательно, чем нелепо. Мишель поправила шарф и шапку, норовившую съехать на глаза, и улыбнулась своему отражению.

— По-моему, ты выглядишь прекрасно, — Михаэль перехватил ее взгляд в зеркале.

Мишель присмотрелась к своему отражению. Молодая женщина в мужской дубленке, теплом шарфе и цветной вязаной шапке ей нравилась. Она была такой необычной, новогодней и …..немножечко влюбленной? А может, еще и любимой?

Мишель оторвалась от зеркала, повернулась к Михаэлю и накинула ему на голову капюшон. Мужское лицо тут же утонуло в меховой опушке, остались видны только глаза.

— Пойдем скорее, — попросила она. — Там, наверное, очень весело. Я не хочу ничего пропустить.

- Как пожелает моя дама, — галантно ответил Михаэль и распахнул входную дверь.

А на улице шел легкий снежок, серебрясь в свете фонарей.

Людей, по сравнению со вчерашним вечером, стало значительно больше. То и дело слышался смех. Где-то вдалеке взрывались петарды. Пахло праздником.

Мишель, заразившись этим новогодним настроением, словно простудой, взяла за руку своего трубочиста. Он, даже если и удивился, то вида не подал. Наоборот, крепче переплел их пальцы и потянул Мишель в сторону Ратушной площади.

— Осторожнее, — попросила Мишель, скользя по камням мостовой. — Я боюсь упасть.

— Не бойся, — он еще крепче сплел их руки. — Я всегда тебя поймаю.

Его голос звучал так твердо, а слова были такими уверенными, что Мишель как-то сразу ему поверила. Да, если она и подскользнется, то Михаэль обязательно ее поймает, не даст упасть.

Михаэль оказался прав — на Ратушной площади было не протолкнуться. Мишель даже испугалась, что он сейчас передумает, и придется вернуться на чердак. А ей так не хотелось

уходить из этого волшебного места, где было весело, умопомрачительно пахло хвоей, и ярко горели огни.

Удивительно, но ярмарка еще работала. Михаэль купил глинтвейн и, всучив ей в руки стаканчик с горячим вином, сказал:

— Постой здесь, пожалуйста.

— А ты куда? — всполошилась Мишель.

— Мне нужно отойти на минутку. Ты пока пей горячее, чтобы не замерзнуть.

Он заботливо поправил на ней шарф, натягивая его чуть ли не до бровей.

Мишель запротестовала:

— Мне вовсе не холодно!

— Это пока не холодно.

— Я не смогу пить глинтвейн с завязанным ртом.

— Уговорила, — он чуть опустил шарф. — Пей, я быстро.

Напиток был горячим, приправленный щедрой порцией специй. Мишель пила его маленькими глотками и любовалась большой елкой, стоящей прямо в центре площади.

Мимо шли люди, поздравляя друг друга с наступающим новым годом, около елки носились дети, играла веселая музыка, кто-то уже танцевал. И Мишель подумала, какая она молодец, что решила приехать в этот город.

— Допила? — раздалось из-за спины.

Она обернулась на его голос. Он резкого движения шапка опустилась на глаза. Мишель рассмеялась и сдернула шапку с головы.

— Эй, ты что делаешь? — возмутился Михаэль. — Замерзнешь.

Он забрал у Мишель пустой пластиковый стаканчик, выбросил его в урну и снова натянул ей на голову шапку.

— Она мне велика, — сказала Мишель. — Где ты ее вообще взял?

— Это моя шапка.

— Ты ее носишь?

— Ношу.

— Такую разноцветную? — удивилась Мишель.

— Мне ее бабушка связала, — пояснил Михаэль и вынул из кармана парки варежки. — Давай руки.

Мишель послушно протянула ему руки, наблюдая, как прячутся ее кисти в белые варежки с вышитой серой овечкой. Рукам стало тепло и мягко — варежки были на флисовой подкладке.

— Вот теперь тебе точно не будет холодно, — с

удовлетворением сказал Михаэль.

— Спасибо, — поблагодарила она и задала вопрос: — У тебя есть бабушка?

— Конечно.

— Она живет здесь, в Таллинне?

— Нет. Бабушка живет в Тарту, — ответил Михаэль.

— Дай угадаю, — сказала Мишель, — она преподает в университете?

— Преподавала, — поправил Михаэль. — Сейчас она уже на пенсии. Но как ты догадалась?

— Не знаю, — легко ответила Мишель. — Просто у тебя обязательно должна быть бабушка — преподаватель университета.

— Это почему? — допытывался трубочист.

— Ты очень воспитанный, — сказала первое, что пришло на ум.

— Я кажусь тебе слишком воспитанным? — не поверил Михаэль.

— Ключевое слово «кажусь»? — Мишель опять поправила шапку, все норовившую закрыть ей глаза.

В варежках это сделать было сложнее, но ей удалось, наконец, устроить шапку на голове так, чтобы она не съезжала каждую минуту.

— Ты меня совсем не знаешь, — ответил Михаэль, наблюдая за ее борьбой с головным убором.

— Как и ты меня.

— Мне кажется, что мы знакомы вечность, — он улыбался.

— Чуть больше суток, — поправили Мишель.

— Значит, это маленькая вечность.

Мишель хотела возразить, но Михаэль не дал ей этого сделать.

— Пойдем ближе к елке, — предложил он. — Там сейчас начнется самое интересное.

Трубочист поставил Мишель впереди себя и, обняв за плечи, стал аккуратно пробираться сквозь толпу к елке, закрывая Мишель от людей крепкими руками.

— Скоро двенадцать, — посмотрев на часы, сообщил Михаэль.

Мишель подняла голову и глянула на Ратушу.

Часы на ней показывали без нескольких минут двенадцать. Тут в голову закралась мысль, что они не взяли с собой шампанское. Чем же они встретят Новый год? Но Михаэль уже раздобыл еще глинтвейна.

— Не шампанское, конечно, — протягивая стаканчик, сказал

он. — Но зато горячее.

— И президент ничего нам не скажет.

— Ты в другой стране, — напомнил ей Михаэль.

— Знаю, все равно непривычно.

Между тем, стрелка на часах уже приблизилась к двенадцати.

— Осталось несколько секунд, — сказал Михаэль. — Ты готова к новому году?

Мишель, обжигаясь, залпом выпила весь глинтвейн и решительно ответила:

— Готова!

Михаэль, глядя ей прямо в глаза, допил содержимое своего стакана.

Над площадью разнеслось громкое: «Happy New Year!» И тут же заиграла мелодия.

Happy new year
Happy new year
May we all have a vision now and then
Of a world where every neighbor is a friend
Happy new year
Happy new year
May we all have our hopes our will to try
If we don't we might as well lay down and die
You and I *

Михаэль обнял ее, прижал к себе и прошептал:

— С новым годом!

— С новым счастьем! — ответила Мишель.

И вместо шампанского у них был сладкий поцелуй. Небо расцвело десятком разноцветных салютов, люди поздравляли друг друга с праздником, целовались и желали всего самого лучшего в новом году. А сверху на них смотрел Старый Тоомас.

— У меня для тебя есть подарок, — прерывая поцелуй, сказал Михаэль.

Рука нырнула в карман и что-то достала оттуда. Михаэль медленно разжал кулак и протянул Мишель на ладони …. золотую пуговицу.

— Теперь ты можешь загадать столько желаний, сколько захочешь.

— Это мне? — она не поверила своим глазам.

— Конечно.

— Правда мне?

— Ты так реагируешь, будто я дарю тебе бриллиантовое ожерелье своей бабушки, — усмехнулся Михаэль.

— У твоей бабушки есть бриллиантовое ожерелье? — автоматически спросила Мишель, не отводя глаз от мужской

ладони и не решаясь взять подарок.

— Чего только нет у моей бабушки, — ответил трубочист. — Возьми.

Мишель взяла пуговицу, крепко сжала ее в руке.

— Спасибо, — сказала растрогано. — Это очень ценный для меня подарок.

— Ты что, — удивился Михаэль, — плачешь?

— Нет, что ты, — Мишель смахнула слезы, — просто что-то попало в глаз.

Ей было неловко признаться, что такой простой подарок (ну подумаешь, пуговица!) растрогал ее до слез. Павел всегда дарил дорогие подарки, в основном драгоценности, но они не вызывали у нее десятой доли тех эмоций, которые ощутила Мишель, получив пуговицу от трубочиста.

При воспоминании о бывшем муже на душа стало противно, словно она наступила на собачью какашку, и Мишель прогнала прочь мысли о Виннере. Вот еще, тратить на него первые минуты нового года.

— Ты совершенно необыкновенная, — Михаэль привлек ее к себе. — Откуда только такие берутся?

— Приезжают на автобусе, — ответила Мишель.

— Серьезно? Ты приехала на автобусе?

— Да.

— Я думал, у тебя крутой внедорожник, какой-нибудь Porsche Cayenne, — продолжая обнимать ее, заметил трубочист. — А ты, оказывается, приехала в Таллинн на простом автобусе. Откуда?

— Из Москвы.

— Серьезно?

— Серьезнее некуда. А что здесь такого?

— Ну, у нас на междугородних автобусах ездят в основном студенты или пенсионеры, — ответил Михаэль.

— Знаешь, — задумчиво сказала Мишель, — мне было так плохо, просто ужасно, и когда увидела рекламу автобусного агенства, я просто, не глядя, забронировала билеты в надежде, что здесь мне станет легче.

— И как, стало? — серьезно спросил Михаэль.

— Ты даже не представляешь, насколько, — честно ответила она.

— Не жалеешь?

Мишель почему-то показалось, что трубочист спрашивает не столько о ее спонтанном решении ехать в Таллинн, сколько об их совместной ночи. Она позволила себе задуматься. Жалеет ли о том, что занялась сексом с мужчиной, имени которого даже не спросила?

— Нет, — ответила Мишель скорее даже себе, чем обнимающему ее мужчине, — не жалею.

— Это очень хорошо, — Михаэль поцеловал ее в лоб. — Пойдем или хочешь еще погулять?

— А у нас есть шампанское?

— Дома? Есть, конечно. Ты хочешь шампанского?

— Знаешь, я все-таки неисправимо консервативна. И если без поздравления президента и боя курантов могу обойтись, то представить себе новогоднюю ночь без шампанского просто не могу, — призналась Мишель.

_____

* С Новым Годом,
С Новым Годом,
Пусть нам всем видится время от времени
Мир, в котором наш ближний нам друг.
С Новым Годом,
С Новым Годом,
Пусть у нас хватит сил для исполнения наших желаний,
Иначе нам ничего не останется, как только лечь и умереть,
Тебе и мне.
Песня группы "ABBA"

7

Это была самая необыкновенная новогодняя ночь в ее жизни.

Чужая квартира в чужой стране, малознакомый мужчина с теплыми руками и нежными губами, холодное шампанское и стол, накрытый на двоих у камина. Москва и все, что происходило с Мишель в последнее время, отошло на задний план, размылось, словно в тумане, а сероглазый трубочист, сидящий на полу напротив и золотая пуговица, которую она почему-то до сих пор держала в руке, стали самым важным в ее жизни. А еще ощущение сказки, которое поселилось где-то глубоко в груди и согревало, словно летнее солнышко.

— А чем ты занимаешься, когда не ходишь по городу, изображая трубочиста? — спросила Мишель, глядя на огонь сквозь тонкие стенки хрустального бокала.

— У меня очень скучная работа, — неопределенно ответил Михаэль. — Целыми днями я сижу в офисе, считаю и провожу переговоры.

— Странно, я почему-то подумала, что ты моряк.

— Моряк?

— Да, капитан дальнего плавания.

— Это на тебя так повлияла близость моря, — ответил Михаэль.

— А ты никогда не хотел быть моряком? На тебя близость моря не влияла? Или ты не из Таллинна?

Мишель забросала его вопросами, ей на самом деле стало интересно: какой он, мужчина, с которым она встречает Новый год.

— Из Таллина. И ты права, море повлияло и на меня. В детстве хотел.

— Почему не стал? Передумал?

— Нет, не передумал.

— Тогда почему? — допытывалась Мишель.

— Ты будешь смеяться, если я отвечу.

— Не буду, слово даю.

— Я действительно мечтал стать моряком. Капитаном Бладом.

— Он был пиратом, — заметила Мишель. — Ты хотел грабить торговцев? Брать на абордаж корабли?

— О, — рассмеялся Михаэль, — я вижу, у тебя тоже очень живое воображение!

— Почему тоже?

— Ну, в детстве я был впечатлительным и мечтательным

ребенком.

— А когда вырос, изменился?

— Повзрослел, — поправил ее Михаэль.

— Так почему ты не стал моряком? — вернулась Мишель к теме разговора.

— У меня обнаружилась морская болезнь.

— Это как? — не поняла Мишель.

Михаэль допил свое шампанское, взял бутылку и заново наполнил бокалы, а потом пояснил:

— Меня укачивает на судне.

— Сильно?

— Ну, как тебе сказать, чтобы получилось культурно?

— И это не лечится? Ведь есть же таблетки от укачивания.

— Поверь, в моем случае никакие лекарства не помогут.

— Из-за этого тебе пришлось расстаться с мечтой?

— Я просто нашел другую мечту. И воплотил ее в жизнь, — ответил трубочист. — А ты чем занимаешься, кроме того, что путешествуешь на автобусах?

— Это впервые со времен студенческой юности, — сказала Мишель. — Я врач. Челюстно-лицевой хирург, если точнее.

— Оу, делаешь подтяжки и губы уточкой женам олигархов? — скептически поинтересовался Михаэль, поднимая одну бровь.

И как у него получается? Вот Мишель, как ни старалась, не смогла осилить эту науку.

— Я работаю в детском федеральном госпитале, — ответила она. — Делаю операции детям. Знаешь, что такое заячья губа? Или волчья пасть? Или как выглядит ребенок, попавший в аварию, например? Не все могут позволить себе лечение в дорогих частных клиниках.

— И тогда на помощь приходишь ты, — серьезно сказал Михаэль и добавил: — Прости, я глупо пошутил.

— Ничего страшного, ты же не знал. И ты прав, я прихожу на помощь.

Трубочист взял ее руку и поцеловал ладонь.

— У тебя замечательная профессия. Я горжусь знакомством с тобой.

Простая похвала неожиданно смутила.

— Я не делаю ничего особенного, — Мишель опустила глаза. — Просто стараюсь хорошо выполнять свою работу.

— Делаешь, — возразил Михаэль. — Ты не можешь просто работать. И, уверен, дети тебя обожают, да?

— Я легко нахожу с ними контакт, — она старалась избегать громких слов.

— Свои есть?

— Нет, детей у меня нет.

— Я так и не спросил, что привело тебя в Таллинн? Почему ты не осталась в Москве, с семьей, друзьями? Зачем легла в постель с первым встречным?

— А почему ты сидишь здесь с едва знакомой женщиной? — не осталась в долгу Мишель. — Почему ты не с близкими?

— Мои вопросы обидели тебя? Прости, — прозвучало гораздо мягче.

— Нет, не обидели. Я расскажу, если тебе интересно, — ответила она, в глубине души надеясь, что Михаэль проявит деликатность и откажется.

Увы, но никакой деликатности в его ответе не было и в помине:

— Интересно.

И Мишель рассказала этому мужчине о том, что привело ее в Эстонию. Всю правду, без прикрас. Как любила мужа, как верила, что это чувство взаимно. Как думала, что проживет с Виннером всю жизнь. Родит и воспитает детей. Построит дом. Встретит старость. Как они будут нянчить внуков и заботится друг о друге.

Не забыла упомянуть и о том, как случайно встретила его в аэропорту с другой женщиной. Как развелась. И как жила последние полгода.

— Видишь, — сказала, когда ее история подошла к концу, — мне просто некуда было больше ехать.

Он молчал. Смотрел на нее своими невозможными серыми глазами и молчал. Мишель даже подумала, что теперь, когда он все о ней знает, она стала ему неприятна.

— И ты решила переспать с первым встречным, чтобы стало легче? — нарушая тишину, спросил Михаэль.

— Первым встречным был пограничник, — ответила она. — Так что твое предположение в корне неверно.

— Тогда почему именно я?

Наверное, так нельзя поступать с мужчинами. Наверное, нужно кокетничать и стараться выглядеть слабой, глупой и беззащитной.

Но Мишель и в юности всего этого не умела, а за годы брака с Павлом и вовсе забыла, каково это, кокетничать. Вот и сейчас, вместо того, что бы придумать что-то такое — эдакое, чтобы ему было приятно, она ответила правду:

— Не знаю. Просто понравился, наверное.

На этот раз пауза была значительно дольше.

Мишель успела подумать, что будет, если Михаэль сейчас попросит ее уйти. Вдруг он окончательно в ней разочаровался? А

что, очень даже может быть. Совместно проведенная ночь не выявила в ней талантов опытной любовницы, а из ее монолога и вовсе выходило, что все в жизни Мишель шло наперекосяк. И муж бросил, и друзья оказались не друзьями вовсе, и сюда, на этот чердак она пришла потому, что больше идти было не к кому. Никому она не нужна.

«Выгонит, и черт с ним. Домой пойду», — спокойно подумала Мишель.

— Я рад, что понравился тебе, — вдруг сказал Михаэль.

И она задохнулась от счастья. Подумать только, для нее оказалось важным мнение этого чужого человека. Удивительно.

— Можно? — спросил он, беря ее за руку.

— Да, — не понимая, что он хочет сделать, согласилась она.

А Михаэль взял ее ладонь и прижал к своей щеке.

— Я рад, что мы встретились. Рад, что ты пришла ко мне и решила остаться.

— Почему ты не пошел к друзьям? — спросила Мишель, как завороженная следя за его лицом.

— Как я мог оставить даму одну? — попробовал отшутиться он.

Мишель потянула на себя руку, разрывая контакт, и трубочист продолжил:

— В то утро я вернулся домой и не нашел тебя. Казалось бы, что такого? Ну, ушла, и ушла. Но стало не по себе. И, главное, где теперь тебя искать? Я ведь даже имени твоего не спросил, дурак. Можно было, конечно, устроится на Ратушной площади, в надежде, что рано или поздно, ты там появишься.

— Я собиралась туда идти.

— Я не романтический герой, — сообщил трубочист. — И никогда им не стану. Не буду тебе врать, что стал бы бегать по городу в поисках тебя.

— А чем ты занимался?

— Выпил кофе и ушел на работу. Потом договорился с друзьями и решил зайти домой, переодеться.

— И наткнулся на меня.

— Я очень везучий, — сказал он немного самодовольно.

— А я весь день крутилась на кухне, — стала рассказывать Мишель. — А вечером поняла, что хочу увидеть тебя. Это было тем более странно, учитывая, что первая наша встреча…

Она замялась, не зная как сказать, чтобы не обидеть, но Михаэль сформулировал за нее.

— Тебе не понравилась.

— Да, — кивнула Мишель, потом спохватилась: — Нет.

— Не понравилась, я это понял. Ты не была готова к тому, что

произошло.

— Не была, — согласилась Мишель. — Но мне это было нужно.

— Что бы отомстить бывшему мужу?

— Что бы почувствовать себя живой и свободной, — поправила она.

Она сказала это так просто, открыто, без малой толики кокетства. Сказала и смутилась. Вот что Михаэль о ней подумает? Что она приехала сюда, что бы… заняться сексом? Но ведь она не за этим…. Ей просто было очень одиноко!

«А прозвучало так, будто именно за этим», — ехидно хохотнул внутренний голос.

— Ты уже поздравил бабушку? — Мишель постаралась скрыть смущение и перевела разговор на другую тему.

— Да, — ответил трубочист. — Я позвонил ей еще на площади.

И когда успел? Сама она родителей поздравила еще днем, пользуясь тем, что Новый год у них наступил гораздо раньше, чем в Европе.

— Ты часто с ней видишься?

Не то, что бы ее это очень интересовало. Просто разговор о чужой бабушке, которую она в глаза не видела, да и не увидит никогда, был безопасным и удобным. Именно то, что нужно, что бы немного прийти в себе после душевных откровений.

— Часто, — ответил Михаэль.

Он, даже если и понял ее маневр, то вида не подал. Покорно дал разговору уйти в сторону.

— Я собираюсь поехать к ней через пару дней, — продолжил Михаэль. — Поехали со мной?

Этот вопрос — предложение прозвучал совершенно неожиданно и, похоже, не для одной Мишель. Кажется, кто-то ляпнул, а потом задумался.

— Не думаю, что она будет рада видеть чужого человека у себя дома, — улыбнулась Мишель. — К тому же я уезжаю четвертого.

— Так быстро? — удивился мужчина. — Но почему? Тебе на работу?

— Да, в общем-то, нет, — немного растерялась Мишель.

— Тогда почему?

— А что я здесь буду делать?

Михаэль многозначительно улыбнулся, как бы говоря: да уж найдется для тебя дело. Но вслух (просто очень деликатный мужчина!) сказал совершенно другое:

— Поедешь со мной в гости к бабушке, например.

— Это неудобно.

— Брось, вполне удобно. Поехали, — продолжил он настаивать на своем, — посмотришь Тарту. Ты ведь там никогда не была?

Мишель пожала плечами. Да, не была, но ведь это не повод ехать неизвестно куда и неизвестно с кем?

«Ага, а заниматься сексом с ним тебе это не мешало. Соглашайся, он же тебе нравится. Хорошо проведешь время. Будет, что вспомнить», — разошелся кто-то внутри нее.

— С удовольствием, — неожиданно ответила Мишель, согласившись с аргументами своего внутреннего голоса.

— Отлично, — Михаэль выудил откуда-то вторую бутылку шампанского, открыл ее и наполнил бокалы.

Мишель удивилась: неужели они уже выпили целую бутылку?

Вообще, она шампанское не очень любила, тем более, брют. Но это, признаться, было отличным. В меру холодным, с терпкой кислинкой, она взрывалось на языке миллионом маленьких фейерверков, приятно щекоча небо. Бросив взгляд на этикетку, Мишель кивнула сама себе. Конечно, настоящее французское шампанское, да еще известной марки, это тебе не шипучка какая-то.

Время потихоньку приближалось к утру. Еще немного, и нужно или решительно напрашиваться на ночлег, или возвращаться в арендованные апартаменты и ложиться там спать. Но уходить, почему-то, совершенно не хотелось. Наоборот, хотелось прижаться к теплому мужскому боку, пить холодное шампанское маленькими глоточками и говорить о чем-нибудь легком, милом и приятном.

Но воспитание обязывало закругляться.

Мишель поставила свой бокал на столик, повела плечами, сгоняя приятную дрему, и сказала:

— Мне, пожалуй, пора.

Он не ответил. Не предложил проводить. Кажется, он вообще никак не отреагировал. И от этого стало ужасно обидно, захотелось исчезнуть из этой комнаты, словно и не было ее здесь. А ведь придется встать, одеться и как-то вежливо распрощаться, сохраняя лицо.

— Пора, — повторила Мишель и сделала попытку подняться.

— Ты хочешь спать? — спросил Михаэль.

— Скоро утро, — неопределенно ответила она, понимая, что сегодня ей точно не уснуть — слишком многое произошло за последние сутки.

— Давай еще немного посидим, — предложил Михаэль. —

Если ты не очень устала.

— Не устала, но мне потом еще идти.

— Куда? — не понял трубочист.

— Как куда? Домой, конечно.

— А зачем? — удивленно спросил Михаэль.

— Спать, — ответила Мишель и добавила: — и вообще…

— Зачем тебе куда-то идти спать? У меня вполне себе удобная кровать.

Мишель окончательно растерялась. Вот о чем они говорят? Что он имеет ввиду? Действительно хочет, что бы она осталась?

Это было непонятно и немного волнительно. Очень захотелось пококетничать, сказать что-то этакое, но, как назло, ничего не приходило на ум. Да, как-то растеряла она навыки заигрывания с мужчинами в браке с Павлом.

Поэтому Мишель решила не мудрствовать лукаво, а спросить прямо.

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

Теперь уже недоумение было написано на лице Михаэля. Причем такое искреннее, что Мишель стало неловко. Бог его знает, может она окончательно растеряла навыки общения с противоположным полом и спросила что-то из ряда вон выходящее?

— Конечно, хочу, — ответил Михаэль. — Я даже настаиваю, чтобы ты осталась. Иначе мне придется идти с тобой и напрашиваться к тебе в гости, а я отвратительно сплю в чужих домах.

— Да?

— Да, — он даже кивнул, чтобы было нагляднее, и продолжил интимнее: — Пихаюсь во сне. Оно тебе надо?

— Не надо, — согласилась с ним Мишель.

— Вот! — он поднял вверх указательный палец. — Я и говорю, зачем нам куда-то идти? Спать будем дома. Только посидим еще немножко, хорошо?

— Конечно.

Михаэль окинул взглядом столик.

— Что-то я проголодался. С прошлого года ничего не ел, — повторил расхожую шутку.

Но Мишель понравилось. И шутка эта дурацкая, и то, как он энергично стал накладывать ее салаты.

— Тебе положить? — спросил Михаэль и сам себе ответил: — Не надо. Я буду тебя кормить.

8

И ведь действительно стал ее кормить. Это было ужасно сексуально, есть с ним из одной тарелки. Михаэль набирал вилкой еду и осторожно протягивал ей. Мишель оставалось только открывать рот и жевать.

— Очень вкусно, — сказал трубочист. — Ты прекрасно готовишь.

— Спасибо.

Вместе они быстро разделались с оливье.

— Мясо? — предложил Михаэль. — Рыбу?

— Нет, спасибо.

— Десерт?

— С удовольствием.

— Чай или кофе?

Хотелось кофе, но Мишель себя знала: после этого она вряд ли заснет, а отдохнуть было необходимо.

— Чай.

— Зеленый? Черный? — уточнил Михаэль.

— Черный, — определилась Мишель и предложила: — Я могу помочь.

— Нет, ты и так организовала прекрасный стол. К тому же, ты у меня в гостях.

— Как хорошо быть в гостях, — улыбнулась Мишель, чувствуя, что устала и сил вставать и идти на кухню просто нет.

— Наслаждайся, — ответил Михаэль и отправился заваривать чай.

— Господи, — протянула Мишель, несколько минут после, — четыре утра, а я трескаю торт.

— И что? — не понял Михаэль.

— Торт! — со священным ужасом повторила Мишель.

— А-а-а, — догадался он, — у тебя диета?

— Правильное питание, — поправила Мишель.

— А есть разница?

— Огромная.

— Надо еже, — ответил трубочист, — я и не знал. Всегда думал, что это одно и тоже — глупость чистой воды.

— Ты против здорового образа жизни? — уточнила Мишель.

— Я против того, чтобы женщины морили себя голодом.

— Это точно не про меня, я не голодаю. Просто стараюсь питаться правильно.

Перехватила его насмешливый взгляд и пояснила:

— Не лопать сладкое по ночам.

— А чем плохо лопать сладкое по ночам?

Мишель подозрительно посмотрела на него и, заметив лукавую улыбку, поняла, что Михаэль подшучивает над ней.

— Поросенок!

— И вовсе не похож! Ты так серьезно переживала из-за торта, грех было не подшутить.

Они еще посидели немного, обсуждая свои кулинарные пристрастия. Выяснялось, что оба любят мясо и терпеть не могут вареный лук. А еще Михаэль оказался сладкоежкой, и даже не пытался этого скрыть. Когда от торта, что она испекла, осталось меньше четверти, Мишель отобрала у него вилку.

— Тебе станет плохо от такого количества сахара, — пояснила Мишель в ответ на его удивленный взгляд.

Она помогла трубочисту убрать со стола, несмотря на статус гостьи, загрузила посуду в посудомоечную машину и задумалась: а дальше-то что?

По-хорошему, нужно принять душ и смыть макияж, переодетая во что-нибудь более подходящее и лечь спать.

— Ты пойдешь в душ? — вдруг прервал ее мысли Михаэль. — Я положил свежие полотенца. Там еще халат и футболка.

— Спасибо, — она благодарно улыбнулась, действительно тронутая заботой.

«Да ладно, — хмыкнул внутренний голос, — мужик настроился на секс. Вот и отправляет тебя вымыться».

Мишель не хотела секса. Нет, не то, чтобы никогда больше, но вот именно сейчас точно не хотела. И если трубочист предложил ей остаться, насчитывая на интим, то стоит сказать ему прямо — она против.

— Я не хочу заниматься сексом, — сказала Мишель прямо, решил не ходить вокруг до около.

Михаэль, до этого момента спокойно убиравший посуду в шкаф, замер. Помолчал немного, а потом:

— Я не собираюсь тебя насиловать.

Его голос звучал так, что Мишель посчитала нужным пояснить:

— Я не это имела в виду. Просто сказала, что не хочу сегодня секса.

— Хорошо, — уже спокойнее согласился Михаэль.

Теперь она уже удивилась. Вот так-вот просто? Или ему тоже не хочется?

— Что-то не так? — заметив ее растерянный взгляд, спросил Михаэль.

— Нет, просто…..

И как ему объяснить, что она растеряна? Мишель не могла

себе представить, что мужчина может пригласить женщину переночевать в его кровати просто так, без сексуального подтекста. Особенно, учитывая, что они знакомы чуть больше суток.

— Мишель, — трубочист взял ее за руку, заставляя обратить на себя внимание, — давай я объясню. Ты мне нравишься, очень. И да, я хотел бы заняться с тобой сексом. Но ты устала, уже очень поздно, и тебе хочется спать.

— А ты?

— А я давно уже не мальчик, и вполне могу справиться со своими желаниями.

Сказав все это, Михаэль довел Мишель до ванной, открыл дверь и:

— Мойся. Надеюсь, тебя устроит мой гель для душа.

А когда Мишель вышла из ванной, в лофте уже было темно, только маленький огонек светился в нише, где была оборудована спальня.

— Я ничего не вижу.

— Иди на голос, — раздалось от кровати.

Мишель осторожно, шаг за шагом, шла вперед, в темноте Михаэль нашел ее руку, довел до кровати, уложил.

— Спи, — сказал, укрывая одеялом.

— А ты?

— Я приму душ и лягу.

Она лежала в удобной постели, под легким и теплым одеялом и ощущала, как расслабляются напряженные мышцы. Глаза закрывались, но Мишель почему-то гнала сон. Ей не хотелось засыпать без трубочиста. И он пришел. Нырнул под одеяло, лег рядом, обнял со спины.

— Завтра пойдем к тебе.

— Зачем? — сонно пробормотала Мишель.

— Заберем твои вещи.

«А вещи-то зачем?», — успело промелькнуть в голове прежде, чем ее унесло в сон.

Утро первого января началось в полдень. Мишель еще не успела открыть глаза, а уже почувствовала, что в постели она не одна. Трубочист тихо сопел рядом. Она повернула голову на это мирное и уютное сопение.

Михаэль лежал на боку, лицом к ней, по-детски подложив ладонь под щеку. Мишель тоже повернулась на бок и стала разглядывать своего любовника.

Кожа у него светлая, и Мишель подумала, что наверняка летом Михаэль щеголяет веснушками. Ресницы и брови с легкой золотинкой.

«Рыжиной, Миша, — поправила она себя. — Рыжиной».

Потом присмотрелась повнимательнее и решила: нет, все же золотинкой. Высокий лоб и узкие губы. На впалых щеках уже пробилась щетина. Очень хотелось протянуть руку и погладить, ощутить, как щетина колет пальцы. Но он так сладко спал, что разбудить его было бы форменным свинством.

Во сне Михаэль раскрылся, и теперь можно было вволю разглядывать его широкую грудь, крепкие руки и сильные ноги.

«Красивый, — решила Мишель после пристального осмотра. — Такая настоящая мужская красота, без слащавости».

Желание потрогать стало еще сильнее. И Мишель уже почти решилась. Она очень аккуратненько, чтобы не разбудить. Но как только ее рука замерла в нескольких миллиметрах от мужского лица, он открыл глаза. Серые и совершенно, абсолютно лишенные какой-либо сонливости.

— С Новым годом, — прошептала Мишель, не придумав ничего оригинальнее.

Ничего? Как бы ни так! Потому что Михаэль ответил еще более оригинально:

— С новым счастьем.

Мишель, все еще лежа на боку, подтянула ноги к животу, а наглый трубочист не постеснялся этим воспользоваться: подхватил под коленки, прижимая к себе. Коленки Мишель уперлись в мужской пах, щеки по-девичьи вспыхнули, словно на них кипятка плеснули.

— Как спалось? — Михаэль потерся носом о ее нос.

Мишель прислушалась к своим ощущениям. Ей было хорошо. Сладко. Спокойно. Пожалуй, такой гаммы ощущений она давно уже не испытывала.

— Прекрасно, — честно ответила Мишель. — А тебе?

— Тоже — он выудил руку из-под своей щеки и погладил Мишель по лицу.

Вопреки законам жанра, ладони у него были мягкие и нежные, и у Мишель сладко заныло внутри.

Это не было возбуждением в прямом смысле этого слова. Нет, это была какая-то странная мешанина чувств: благодарность, нежность и немного желания. Такие чувства в пору испытывать к любимому, а не к залетному любовнику.

— Кофе хочешь? — спросил Михаэль, поглаживая ее губы. — Или еще поваляемся?

— Полдень, — напомнила Мишель.

— Первое января, можем себе позволить, — улыбнулся Михаэль. — Или у тебя планы?

— Нет.

— Вот и хорошо, — мужская рука переместилась на плечи, трубочист притянул ее к себе поближе, устраивая голову Мишель у себя на груди.

Она уткнулась лицом в жесткую поросль у него на груди, вдохнула его запах. Мята, дорогой табак, немного алкоголя и что-то еще, его личное, но безумно приятное. Пах трубочист замечательно, но кофе все равно хотелось.

— М-м-м, — промычал Михаэль ей в макушку.

— Что?

— Кофе хочется, — ответил мужчина.

— А вставать не хочется?

— Абсолютно.

— Вот и мне, абсолютно, — согласилась Мишель.

После ее слов Михаэль вздохнул и отстранился.

— Ты куда? — спросила она, глядя, как трубочист скатывается к углу кровати с явным намерением подняться.

— Кофе варить, — ответил Михаэль.

— Да? — удивилась Мишель.

Михаэль ловко поднялся с постели, натянул на себя спортивные штаны и пояснил:

— Кофе хотим мы оба, и оба не хотим вставать.

— Но?

- Но я мужчина, — ответил он. — Добытчик.

Он говорил таким серьезным тоном, слегка коверкая русские слова, и у Мишель защемило сердце. Какой же он трогательный!

— Добытчик, — с нежностью повторила она вслед за трубочистом, смакуя это слово. — Иди, добывай нам кофе. Я буду тебя ждать, как Пенелопа.

И тут этот невозможный человек испортил всю романтику момента, он просто неприлично весело и громко заржал. Мишель не смогла этого снести, выудила из-под кровати мужской тапочек и швырнула в трубочиста. Он успел уклониться и ушел на кухню, через мгновенье откуда раздалось веселое:

— Пенелопа!

А Мишель лениво потянулась и откинулась на подушки в ожидании обещанного кофе.

И он не замедлил появиться. Михаэль вернулся с подносом, на котором красовались две чашки, мандаринка и елочный стеклянный шар. Заметив ее веселый взгляд, трубочист пояснил, ткнув пальцем в шар:

— Это для настроения.

— Я так и поняла.

— У меня ликер есть, будешь? В кофе?

— В двенадцать-то утра? — усмехнулась Мишель. — Нет уж, уволь.

— В двенадцать утра первого января, — скрупулезно поправил Михаэль.

— Зануда, — Мишель взяла чашку с кофе.

— Я не зануда, — он последовал ее примеру, — я обстоятельный.

— Обстоятельная зануда.

Михаэль усмехнулся, ничего не ответил и продолжил пить кофе.

— Чем сегодня займемся? — спросил, возвращая чашку на поднос.

— А какие варианты? — уточнила Мишель.

Она вообще-то думала, что у него будут свои планы, и она вернется в квартиру.

— Надо забрать твои вещи, — начал перечислять трубочист, — потом зайти в магазин, а потом можно отдыхать.

— От чего?

— Ну, просто отдыхать. Сегодня же выходной.

— Ну, если выходной, будем отдыхать, — согласилась Мишель. — А зачем в магазин?

— За продуктами. У меня, признаться, практически пустой холодильник.

— Но я, же принесла еду.

— Я почти все уже съел, — сознался Михаэль.

— Когда успел? — Мишель удивленно распахнула глаза.

— Когда — когда, — проворчал он, — ночью.

— Ночью мы были вместе, и ты почти ничего не ел.

— Проснулся часа полтора назад, так есть хотелось ужасно. Встал и поел.

— Тогда нам обязательно нужно в магазин, — согласилась Мишель, прикидывая, сколько же нужно продуктов, чтобы прокормить этого обжору.

— Будем вставать?

— Будем. Давай я завтрак приготовлю. У тебя молоко есть? Яйца? Мука?

— Поищу. Ты пока сходи в ванную.

А после ванной, найдя на кухонном столе искомые продукты, она занялась блинами. Тонкими, нежными и ужасно вкусными. Виннер блины обожал, и за пять лет мастерство Мишель в приготовлении этого блюда поднялось до небес. Конечно, вслух она этого говорить не стала. Зачем одному мужчине знать о том, как она готовила для другого?

Михаэль, похоже, был солидарен с ее бывшим мужем в любви

к жаренному тесту, во всяком случае, блины, с медом и вареньем, уписывал за милую душу.

Мишель тесто не ела, не любила. Сидела с очередной чашкой кофе и любовалась, как мужчина завтракает. Приятно было смотреть, как Михаэль, намазав тонкое тесто медом и свернув его в трубочку, откусывает большой кусок и жмурится от удовольствия.

— Ты где остановилась? — спросил он в перерыве между блинами.

Мишель назвала адрес.

— А вещей много?

— Сумка.

— Тогда можно обойтись без машины. В крайнем случае, после магазина, вызовем такси.

— Не любишь сидеть за рулем?

— Нет, не в этом дело.

— Машина в ремонте?

— На парковке у соседнего дома.

— В чем тогда?

— Люблю гулять, — признался трубочист. — К сожалению, это у меня редко получается. А ты?

— Гулять? Люблю. Да и город и вас красивый, с удовольствием пройдусь, — ответила Мишель.

— Тогда пошли собираться?

Потом ей предстояло выдержать еще один бой …. За одежду.

— Я же тебе сказал, в этом пальто ты не пойдешь.

— Оно теплое, — Мишель пыталась отстоять свой гардероб.

— Для Италии, может быть. Но не для Таллинна.

— Ты хочешь, чтобы я снова надела твою дубленку?

— А чем она плоха?

— Она же мужская и мне велика.

— Ерунда, — отрезал Михаэль. — Этого совершенно не видно, к тому же тебе идет.

— Что идет? Ходить в твоих вещах?

— И это тоже, — покладисто согласился трубочист. — Но главное, в ней ты не замерзнешь.

— Я и в пальто не мерзла, — пробурчала Мишель, просовывая руки в предложенную дубленку.

— Это потому, что ты мало ходила.

— Нормально я ходила.

— Надевай и не спорь со мной, — Михаэль помог ей одеться.

— Только не шапку! — попыталась его остановить.

Напрасно, легче было остановить бронепоезд.

— Ты менингитом заболеть решила? А еще доктор.

— Врач, — возразила Мишель, пристраивая головной убор так, чтобы он не съезжал на глаза.

— Сейчас это совершенно неважно, — ее продолжали кутать, на сей раз в шарф.

— Это всегда важно. Слушай, а зачем мы вообще идем за моими вещами?

Михаэль настолько растерялся от ее вопроса, что замер со своей паркой в руках.

— Чтобы ты их носила?

— Ну, я могу переодеться в квартире, — предложила Мишель.

— А завтра? Опять пойдем?

— Ты предлагаешь мне снова заночевать у тебя?

Михаэль серьезно на нее посмотрел и так же серьезно ответил:

— Я предлагаю тебе сдать билет, задержаться в городе и пожить у меня.

9

Если бы он сообщил Мишель, что земля плоская и стоит на четырех китах, она бы и то удивилась меньше. Нет, ну предложение пожить немного, конечно, не тянет на предложение руки и сердца, но все же, все же…

— Тебе когда нужно быть в Москве? — делая вид, что не заметил ее ошарашенного взгляда, спросил Михаэль.

Все еще пребывая под впечатлением от сказанного им, Мишель ответила правду:

— Десятого.

Правда, она собиралась поменяться с коллегами дежурствами, чтобы не сидеть дома в выходные, но сейчас даже порадовалась, что еще не успела никого осчастливить. Обрадовалась как-то по-детски — ей совершенно не хотелось расставаться с трубочистом. Бывает ведь так: умом понимаешь, что все это глупости, от лукавого, а сердцем ….. Сердцем надеешься — вдруг это то самое, заветное, о чем мечтают все женщины мира. И она, Мишель, не была исключением. А ведь взрослая, циничная женщина, да еще и врач.

— Вот и хорошо. Нужно аннулировать билет. И взять на девятое.

— Не успею на работу, ехать почти сутки.

— Не на автобус же. На самолет. Есть рейс через Ригу.

И видя, что Мишель не торопится с ответом, продолжил:

— Я постараюсь разгрести дела и довести тебя до Риги.

— Спасибо, — на автомате ответила Мишель, потом спохватилась: — Я даже не знаю…. Мне надо подумать.

— Тебя кто-то ждет в Москве? — прямо спросил Михаэль.

— Кто меня может ждать? — вопросом на вопрос ответила она. — Я же тебе рассказывала…

— Какие-то планы?

— У меня?

Он только вздохнул и кивнул.

— Да нет у меня никаких особенных планов.

— Ты что-то имеешь против меня?

— С чего ты так решил? — недоуменно спросила Мишель.

— Тебе на работу только десятого, планов нет, никто не ждет. Может ты просто не хочешь провести это время со мной? Так скажи, я не обижусь.

Мишель прислушалась к себе и ответила честно:

— Твое предложение прозвучало очень неожиданно. Но я его принимаю. Мне будет приятно провести праздники с тобой.

Ей показалось, или после ее слов Михаэль постарался незаметно выдохнуть? Нет, с чего бы? Показалось.

Мишель присмотрелась внимательнее, но трубочист ответил ей спокойным и уверенным взглядом. Точно, показалось.

— Аннулировать билет можно по интернету, — сказал Михаэль.

— Да, — согласилась Мишель. — Вечером все сделаю.

— Ты варежки взяла? — она кивнула. — Тогда пошли.

И закрутилось первое января.

Они забрали вещи из квартиры, и Мишель написала хозяйке, что вынуждена съехать раньше договоренного времени. Поблагодарила за гостеприимство и оставила ключи в мини-сейфе.

Потом они с Михаэлем зашли в супермаркет. Михаэль катил перед собой огромную тележку, буквально набивая ее продуктами.

— Ты собираешься все это съесть? — спросила Мишель.

Он оглядел содержимое тележки.

— Конечно. И ты мне поможешь.

— А, по-моему, мы не справимся, — засомневалась Мишель.

— Справимся, — заверил ее Михаэль. — Обязательно справимся.

Им все-таки пришлось вызвать такси, уж больно много всего они купили. И, сидя на заднем сидении, рядом с трубочистом, Мишель вдруг ощутила, что ей очень хочется его поцеловать. Прижаться губами к его рту. Ощутить, какой он на вкус.

— Что-то не так? — спросил Михаэль, глядя ей в глаза.

— Все в порядке.

— Ты хмуришься.

— Нет, это я так, задумалась.

— Можно спросить, о чем?

Как бы ей хотелось сказать, что задумалась она о сущей ерунде, только ведь это неправда. Такие желания для нее, Мишель, совсем не ерунда. Что-то с ней происходит. И, поди, разбери — хорошее или плохое.

— Давай я тебе попозже расскажу, — предложила Мишель.

— Хорошо, — покладисто согласился Михаэль. — Попозже, так попозже. Как скажешь.

Но больше к этой теме не возвращался. И Мишель стало даже как-то обидно, ведь она уже приготовила ответ на его вопрос, а Михаэль не торопился его задавать.

Билет в Москву она сдала и даже заказала другой, на самолет. Причем Михаэль настоял не только на том, чтобы заплатить самому, но и что до Риги он довезет ее сам.

— Ты же говорил, что у тебя могут быть дела?

— Подождут, — отмахнулся трубочист, — ничего с ними не сделается. Начальник я или кто?

— А ты начальник?

В ответ он болезненно скривился, словно у него заныли все зубы разом, и Мишель постеснялась выспрашивать дальше. Захочет, сам расскажет.

Вместо этого она попробовала освоиться на кухне.

Что и говорить, кухня у Михаэля была знатная. Большая и навороченная. Но Мишель как-то сразу со всем разобралась, и вот уже мясо пеклось в духовом шкафу, а на варочной панели шкварчали на сковороде грибы и поспевала молодая картошечка. А Мишель, стоя у разделочного стала, ловко рубила зелень.

Михаэль сидел в сторонке, явно любуясь, как она крутится с готовкой.

— Я могу помочь, — предложил он в самом начале.

Но Мишель отмахнулась, не забыв, конечно, поблагодарить.

Не любила она, когда под рукой кто-то крутился. И трубочист сразу это понял, предоставив ей единолично царствовать на кухне, но сам не ушел, нет. Сидел и смотрел. Улыбался довольно. То ли от того, что ему нравилось наблюдать, как она хозяйничает, то ли в предвкушении вкусного ужина.

— Ты не передумала пойти на прогулку?

— Нет, — отозвалась Мишель, смешивая тесно для яблочного пирога. — А ты?

— Знаешь, я вот смотрю на все это, — он обвел рукой кухню, — и понимаю, что после такого стола, мне будет остро необходима длительная прогулка.

А вечером пошел снег. Не просто мелкий новогодний снежок, а настоящая метель. И надо ли говорить, что ее опять упаковали в мужскую дубленку? И про шапку, шарф и варежки въедливый трубочист тоже не забыл.

Он водил Мишель по Старому городу, держа за руку, как ребенка. Рассказывал об истории города, показывал интересные места, поил глинтвейном.

Этого глинтвейна она за день выпила столько, сколько не пила за всю свою жизнь. Вообще, Мишель была абсолютно равнодушна к этому напитку, но в Таллинне пристрастилась.

Крепкий, горячий, с нотками корицы, гвоздики и мускатного ореха, с кусочками яблока и апельсина, он не только прекрасно согревал на холоде, но и замечательно поднимал настроение. И Мишель с удовольствием его пила. Пока не ощутила, что язык стал как-то подозрительно заплетаться.

— Так о чем ты думала в машине? — неожиданно спросил Михаэль. — Когда хмурилась.

Нет, это ответила не она. Это все глинтвейн, будь он неладен. А еще сказочное настроение и просто какой-то волшебный мужчина рядом. Все вместе взятое сделало свое грязное дело, и вместо того, чтобы озвучить заранее подготовленный ответ, она сказала правду.

— Я думала о том, что хочу тебя поцеловать, — выдохнули ее губы сами собой, без участия мозга.

И правильно, зачем ей вообще этот мозг. Ну, его, право слово!

— А хмурилась почему? — продолжил допытываться трубочист. — Что плохого в твоем желании?

— А хорошего, что? — задала она встречный вопрос.

— Поясни.

Мишель усмехнулась. Это она охотно, пояснит ему, если он в самом деле, не понимает. А он, похоже, и правда не понимает. Мужчина, что с него взять.

— Сначала поцеловать, потом остаться на несколько дней, — начала перечислять. — Следом завтрак приготовить, рубашку погладить.

— И что?

— Вот так незаметно, незаметно и все.

— Все? — переспросил мужчина.

— Все, — вздохнула Мишель. — Влюблюсь.

— Это очень плохо?

— Это просто катастрофа.

Он проследил, как Мишель допила очередную порцию глинтвейна, забрал стакан, поправил на ней шапку с шарфом и сказал:

— Да, катастрофа.

Сказал серьезно, без тени улыбки на лице, и Мишель из какого-то дурацкого чувства противоречия чуть не выпалила: а чего это?! Но сдержалась и ничего не сказала. Потому что Михаэль прав, и она права. Нельзя влюбляться в этого мужчину. Очень много против этого чувства, и прежде всего, место жительства.

Мишель считала себя достаточно серьезным человеком, что бы не понимать: даже если их чувства будут взаимны, ничего из этого не получится. Ее дом в Москве, его в Таллинне, и вряд ли кто-либо из них захочет что-либо изменить. Жизнь сложилась и начинать все заново на новом месте …. Нет, это не для нее.

— Но пока же ничего плохого не случилось, — голос Михаэля вклинился в ее невеселые думы. — Может быть, не стоит огорчаться заранее?

«А вот это правильно», — решила Мишель и ответила:

— Давай не будем об этом, хорошо?

— Может быть, еще глинтвейна? — провокационного предложил Михаэль, резко меняя тему.

Глинтвейна хотелось, но Мишель понимала, что ей, пожалуй, достаточно.

— Увы, — вздохнула она, — вынуждена отказаться. Иначе тебе придется нести меня на руках.

— Могу и отнести.

Она посмотрела на мужчину. Да, этот может. И дело даже в не том, что высок и физически силен. Просто сразу видно — мужик.

Готовый принимать решения и нести ответственность за свои поступки. Дело ведь не в глинтвейне. Что глинтвейн, тьфу, ерунда. Дело в том ощущении защищенности, что возникало у Мишель, когда трубочист был рядом.

С Виннером такого не было. С Павлом они были партнерами. Все пополам — горе и радость. И Мишель это вполне устраивало. Раньше устраивало. До того, как выяснилось, что у Павла были свои, личные радости.

Глядя на Михаэля, сразу было видно: он, не задумываясь, возьмёт все горе себе, оставив женщине только радость. Такие как он искренне считают, что женщина имеет право быть слабой, а мужчина это прежде всего защитник.

«А ведь это здорово, хоть чуточку побыть слабой», — мелькнула в голове мысль.

— Так что, нести? — Михаэль взял ее за руку.

— Пока не надо, — Мишель улыбнулась.

— А глинтвейн еще взять?

— Тоже не надо, — отказалась Мишель и предложила: — Пойдем уже домой, я устала.

— Пойдем, — покладисто согласился трубочист.

И они медленно двинулись в сторону его дома.

— Послезавтра поедем в Тарту, — сказал Михаэль.

— А завтра?

— А завтра я покажу тебе Пириту.

— Мы пойдем на пляж?

— Как можно побывать в Таллинне и не сходить на залив?

- Так ведь зима, — сказала Мишель, хотя сама планировала погулять по пляжу.

— Вот и хорошо, что зима. Свежий воздух и нет людей.

С этим Мишель не могла не согласиться. Продолжая улыбаться, сама подхватила трубочиста под руку и пошла, стараясь попасть с ним в шаг.

Дома, пока Мишель мыла руки, Михаэль разжег камин.

— Голодный? — спросила она машинально, подходя к огню.

— Ужасно.

— Я разогрею мясо.

— Нет, сиди, отдыхай. Я сам.

Он помог Мишель устроиться на диване, укрыл пледом и пошел на кухню. Мишель запоздало подумала, что ему, возможно, просто хочется побыть одному. Может быть, она была слишком навязчивой?

От камина шло приятное тепло, пахло сосной. Мишель пригрелась, закрыла глаза и погрузилась в приятную дрему.

Там, на кухне раздавались звуки — Михаэль грел еду, сервировал стол, ужинал. Ее мысли крутились вокруг последних дней. Все, что происходило с ней в этом городе, было настолько необычно, что вполне могло стать сюжетом для романа. От этой мысли Мишель улыбнулась, не раскрывая глаз. Ее жизнь сделала крутой поворот.

«Сама ведь этого хотела, — напомнила себе Мишель. — Вот и получай».

Тут она сообразила две вещи. Во-первых, что желание, которое она загадала, начинает сбываться. А во-вторых, что на кухне уже никто не шумит.

Мишель прислушалась. Чуткое ухо уловило мужские шаги в сторону спальни. Она приподнялась на диване и повернула голову в сторону ниши, где у Михаэля стояла кровать. Мишель только глянула и уже не могла оторвать глаз.

Там, в полумраке, стоял Аполлон. Нет, Тор. Или Один. Или другой какой-нибудь скандинавский бог, иначе и не скажешь.

Михаэль собирался переодеться и снял с себя одежду, оставшись только в боксерах. Он не был массивен, скорее жилист и сухощав. Но Мишель сразу оценила силу, исходящую от его обнаженного тела. Она, затаив дыхание, смотрела на широкие плечи, длинные мускулистые ноги, гладкую кожу и грацию, с которой двигался мужчина.

Мишель очень захотелось дотронуться до трубочиста.

«Вот и иди, — раздался в голове внутренний голос, — трогай. Чего ты теряешься?»

«А ведь на самом деле, — ответила самой себе, — чего я теряюсь?»

Мужская спина под ее рукой оказалась неожиданно горячей, но очень приятной наощупь. Мишель провела ладонью от затылка до поясницы, пальцы замерли на границе мужского белья.

«Что я творю? — пронеслось у нее в голове. — Это просто неприлично!»

Но внутренний голос, ехидно посмеиваясь, тут же напомнил, что конкретно с этим мужчиной у нее все уже было. Даже если близость с ним не нашла отклика в ее душе, это ничего не меняет. Было, и нечего строить из себя бог весть кого.

Еще секунду Мишель колебалась: продолжить или отступить? А потом словно ее кто-то толкнул под руку, и Мишель отпустила себя.

Михаэль шумно выдохнул и не стал медлить. Резко повернулся и притянул Мишель к себе.

Губы у него были мягкие и неимоверно наглые, а поцелуй просто крышесносным.

И да, это был лучший секс в ее жизни.

А потом они лежали, тесно прижавшись друг к другу и слушали, как где-то вдалеке играет музыка.

— Это на улице? — спросила Мишель, забыв на минуточку, что за окном зима, мороз и метель.

— Нет, — Михаэль провел кончиками пальцев по ее бедру, выводя замысловатые узоры на чувствительный коже, — это соседи.

— У тебя есть соседи? — удивилась Мишель.

— Конечно. Как у всякого обычного человека.

Мишель подняла голову и смотрела, как шевелятся его губы. Сюда, в нишу с кроватью еле — еле доходил свет от камина, и в легкой полутьме его лицо казалось каким-то нереальным.

— Я никого не видела, — сказала Мишель, чуть меняя позу, чтобы его рука легла ей на попу.

— А кого ты хотела видеть? — Михаэль провокационно сжал мягкое полушарие.

— Никого, просто почему-то мне показалось, что ты живешь тут один.

— Нет, внизу еще несколько квартир.

— Странно, — задумчиво сказала Мишель.

— Ничего странного.

— Этот дом очень идет тебе. Странно, что приходится его с кем-то делить.

— Боюсь, что этот дом был бы слишком велик для меня одного. Мне вполне достаточно чердака. Чердак мне идет, как ты считаешь?

Вместо ответа Мишель примерилась и лизнула его бок.

— Щекотно!

— Ты боишься щекотки?

— Представь себе, боюсь.

— Значит, ревнивый.

— В смысле? — не понял Михаэль.

— Говорят, если человек боится щекотки, значит он ревнивый, — пояснила Мишель. — Неужели не слышал?

— Ни разу. Но, кажется, это правда.

— Ты ревнивый?

Михаэль приподнялся, крепко поцеловал ее в губы и ответил:

— Да! Я очень ревнивый. Просто ужасно.

Они полежали еще немного, а потом Михаэль сел в постели.

— Мне надо немного поработать, — сказал чуть виновато. — Прости.

— Работай на здоровье, — расслаблено ответила она. — А я буду валяться.

— Отлично.

— Миша, — позвала Мишель.

Трубочист остановился и удивленно посмотрел на нее.

— Что? — спросила Мишель.

— Ничего, — он продолжил улыбаться.

— Что я такого сказала?

— Меня никто так не называет — Миша.

— Тебе не нравится?

— Нравится.

— Мне нельзя тебя так называть? — допытывалась Мишель.

— Тебе — можно.

— Миша, — повторила она.

— Тогда я тоже буду называть тебя Миша. Можно? — спросил Михаэль.

— Тебе — можно, — согласно кивнула Мишель и вытянулась на кровати.

— Пойду я от греха подальше, — сказал Михаэль.

— Иди, — царственно разрешила Мишель. — Иди и думай обо мне!

— Миш, мне бы поработать хоть чуточку, — взмолился мужчина.

— Хорошо, поработай чуточку, а потом думай обо мне.

— Я лучше приду к тебе в кровать, — хохотнул Михаэль.

— Я буду ждать.

— Нет, спи. Завтра рано вставать.

Когда он ушел, Мишель укрылась одеялом, закрыла глаза и улыбнулась. Какая же она молодец, что приехала в Таллин!

10

В январе пляж Пирита прекрасен.

Возможно, он прекрасен и летом, но Мишель ни за что не променяла бы эти январские дни на какие-либо другие.

Замерзший песок и скованный льдом берег Финского залива, пронизывающий насквозь острый, соленый ветер и никого, кроме них двоих.

На пляж они едут на машине. У Михаэля большой и надежный Ровер, не новый, но вполне приличный. Эта машина ему удивительно идет, и Михаэль уверенно держит руль, следя за дорогой и изредка поглядывая на Мишель.

Она сидит рядом, на пассажирском сидении и позволяет себе любоваться мужчиной.

Да и как им не любоваться? Ведь он такой…. Такой….. Красивый, сильный, заботливый.

Вот и сейчас, перед поездкой, сделал кофе и налил его в большой термос, а на вопросительный взгляд Мишель пояснил:

— Зима. Все кафе на пляже закрыты.

И Мишель с трудом сдерживает себя, чтобы не повиснуть у него на шее и расцеловать, до того она тронута этим простым жестом.

На пляже они гуляют, крепко держась за руки. Ветер бьет им в лицо, и теперь очередь Мишель проявить заботу о мужчине.

Она натягивает ему на голову меховой капюшон, поправляет шарф, требует надеть перчатки. Михаэль сопротивляется, уверят, что ему не холодно, но она каким-то шестым чувством знает, что ему просто очень нравиться ощущать ее руку в своей. Даже через шерсть ее варежек.

Несколько часов на пляже, потом поездка по окрестностям Таллинна и, вернувшись домой, они засыпают сразу после еды. Спят крепко, почти до утра. И во сне все также держаться за руки.

А на следующий день Мишель везут в Тарту, к бабушке.

Вопреки ее представлениям о бабушке Михаэля, пожилая родственница оказывается совершенно другой, не такой, какой представлялась. Это не бабушка, в понимании Мишель. Это немолодая дама в строгом темном платье с белоснежным кружевным воротничком и гранатовой брошью. Бабушка преподавала высшую математику и сейчас еще занимается со студентами в частной порядке. Она строга, но доброжелательна. Принимает Мишель по высшему разряду — в гостиной сервирован кофе.

Тонкий белоснежный фарфор, горячие, истекающие маслом

булочки и джем домашнего приготовления. Разговор вроде и ни о чем, но Мишель понимает, что ее пристально изучают, оценивают, возможно даже с кем-то сравнивают. Только делается это так ненавязчиво и интеллигентно, что не вызывает у нее отторжения. Наоборот, хочется сделать все возможное, чтобы понравиться этой строгой даме. Кажется, ей удается произвести положительное впечатление — уже прощаясь, Мишель удостаивается вполне искренней улыбки и повторного приглашения в гости, на этот раз на пироги.

Один день сменяет другой, и Мишель начинает казаться, что это и есть ее настоящая жизнь, а Москва, Павел и даже любимая работа видятся далеким воспоминанием, если не почти забытым сном.

Все меняется накануне православного Рождества.

Утром, когда за окном еще темно, Михаэль, поговорив с кем-то по телефону, целует ее в губы и шепчет:

— Мне надо съездить на работу.

— Я провожу, — делает Мишель попытку встать с кровати.

— Нет — нет, — он придерживает ее за плечо, — еще рано, поспи.

— Я сварю тебе кофе, — настаивает Мишель.

— Не надо, я уже уезжаю. Выпью на работе.

— Ты надолго?

— Постараюсь побыстрее, — он снова целует. — Не скучай. И выспись за меня.

Входная дверь за Михаэлем успевает закрыться, а Мишель растягивается ровно посередине кровати, утыкаясь лицом в его подушку и вдыхая уже ставший родным мужской запах, когда раздается звонок ее телефона.

Мишель долго не может сообразить, откуда идет звук, пока наконец не догадывается заглянуть под кровать. Так и есть, ее мобильным каким-то чудом оказывается там.

— Мишка! — кричит в трубку подруга Настя. — Ты где?

— В Таллинне, — отвечает еще сонная Мишель.

— До сих пор?! — удивляется Настя.

— Да.

— Что ты там делаешь? — продолжает бушевать Настя.

И Мишель с трудом подавляет в себе желание честно ответить, что именно она делает в Таллинне. Нет, она не будет ничего рассказывать. Не будет хвастаться интимными подробностями, она не такая. Хотя впервые ей хочется именно этого. Рассказать. Да так рассказать, чтобы подруга Настя, барышня весьма легкомысленного нрава, лопнула от зависти. Из горячих мыслей ее вырывает очередной Настин крик.

— Приезжай скорее! С Павлом беда!

Мишель очень хочется ответить, что и беды, и радости бывшего мужа ее давно уже не касаются, но пять лет, проведенные вместе не дают ей этого сделать. Глупо отрицать, несмотря ни на что, Павел не стал ей чужим. К тому же голос у Насти звучит настолько испуганным, что Мишель садится на кровати и задает вопрос:

— Что с ним?

— Пневмония, — выдыхает подруга в трубку. — Он в больнице на ИВЛ. Мишка, врачи говорят, что прогнозы очень плохие!

И сомнений никаких не остается, как не остается и сна.

— Еду, — отвечает Мишель совершенно другим, серьезным тоном. — Скинь адрес больницы.

Времени на душ она себе не дает, быстро умывается у раковины, собирает волосы в хвост. Вещи решает оставить здесь, ведь она еще вернется. Проверяет сумку — паспорт, деньги, ключи от квартиры и зарядник для телефона. Машинально натягивает на себя дубленку Михаэля и только тут соображает — нужно же ему позвонить!

Увы, но сделать этого не представляется возможным — Мишель не знает номера его телефона. Да что там номера, она и фамилию его не удосужилась спросить.

Тут же в голову приходит мысль оставить записку, и Мишель мечется в мужской дубленке по чердаку. Сначала в поисках бумаги, потом ручки. К сожалению, ничего подходящего ей не попадается, и она совсем уже готова отчаяться и убежать, как глаза останавливаются на зеркале в коридоре.

Помада находится в сумке. Мишель лишь остается удивляться, откуда у нее взялся столь яркий цвет, но думать об этом некогда, нужно ехать в аэропорт, постараться сесть на самолет до Риги, а оттуда уже и до Москвы.

Поэтому она быстро пишет на зеркале всего одну фразу: «Я вернусь» и убегает, каким-то чудом сообразив оставить Михаэлю его дубленку.

Собственное пальто кажется непривычным и не по погоде легким, и Мишель решает повязать мужской шарф.

«Чтобы не замерзнуть», — говорит она себе. На самом деле, ей мучительно хочется, чтобы хоть что-то напоминало ей о нем.

Дверь с тихим щелчком закрывается за ее спиной, но Мишель ничего не слышит. Перепрыгивая через ступеньки, она мчится на улицу. Ей надо в Москву.

****

Москва встретила ее то ли дождем, то ли мокрым снегом. Слякотью. Странной болью где-то в левом подреберье.

Мишель старалась убедить себя, что это ничего не значит. Подумаешь, болит. Сейчас самое главное, добраться до больницы и убедиться, что с бывшим мужем все в порядке.

Из аэропорта она прямиком поехала к Павлу. Поначалу ее не хотели пускать, да что там, с ней и говорить не желали, особенно, когда она не смогла внятно объяснить, кем приходится пациенту. Но Мишель, еще совсем недавно мягкая и покладистая со своим трубочистом, потребовала провести ее к заведующему отделением, а когда оказалась в нужном кабинете, представилась, пояснила ситуацию, попросила войти в положение и помочь.

Из разговора с заведующим стало ясно — Настя не шутила и не преувеличивала. У Павла действительно двусторонняя пневмония.

— Как же он так умудрился? — недоумевала Мишель.

Виннер был вполне вменяемым человеком и всегда следил за здоровьем, стараясь не запускать болезни.

В ответ на ее вопрос, врач только закатил глаза.

— Что? — не поняла Мишель.

— Дама…., - врач замялся, — которая вызвала «скорую помощь» вашему мужу, что-то лепетала, что она не виновата, не хотела и вообще, не нарочно. Я так понимаю, что они были где-то за городом, он пролежал несколько дней с температурой, прежде, чем вернуться в Москву.

За городом? Что Павлу там понадобилось? Да, у них была дача. Мишель отказалась от нее, они так договорились: квартиру Павел оставляет ей, взамен получает дачу. Но дача у них была вполне себе современная. Не дача даже, а загородный дом, с водопроводом, отоплением и прочими благами цивилизации. Может, Павел ездил не на их дачу, а куда-то еще?

— Я могу его увидеть? — спросила Мишель.

— Строго говоря, не положено, — ответил врач, — вы же понимаете. Но для вас, как для коллеги, сделаю исключение. Пойдемте, я вас провожу. Только наденьте халат.

— Конечно.

В коридоре, у палаты Павла, ее ждал сюрприз.

Бледная, зареванная девушка, в которой Мишель без труда узнала ту самую барышню, с которой бывший муж так трогательно объяснялся в аэропорту больше полугода назад.

Судя по всему, девушка тоже узнала Мишель. Во всяком случае, заметив ее, она вскочила с банкетки, на которой до этого сидела и рыдала, и вытянулась перед Мишель испуганным

сусликом.

— Добрый день, — спокойно поздоровалась Мишель, не испытывая к девушке никаких отрицательных чувств.

Положительных, впрочем, тоже.

— Я не виновата, — всхлипнула девушка.

Мишель не стала ее слушать, махнула рукой, давая понять, что не готова сейчас беседовать, есть дела поважнее, и прошла вслед за врачом в палату к Павлу.

— И кто ее только пропустил, — буркнул врач.

— Да бог с ней, — отмахнулась Мишель.

Она сделала шаг, увидела Павла и почувствовала, как тревожно забилось сердце.

Как бы она не относилась к бывшему мужу, как бы не винила его за их сломанных брак и свои разбитые надежды, она никогда не желала Виннеру ничего плохого. И сейчас, глядя на него, бледного, почти белого, как снятое молоко, с остро очерченными скулами, похудевшего на несколько килограммов и дышащего при помощи аппарата, Мишель от всего сердца желала ему скорейшего выздоровления.

— Вы в порядке? — спросил врач, осторожно дотрагиваясь до ее руки.

— Да, спасибо.

— Пойдемте, — он потянул ее из палаты.

— Я могу остаться?

— Нет, — отрезал врач и добавил, словно извиняясь: — Вы ничем сейчас ему не поможете.

— Да, — кивнула Мишель, приходя в себя. — Да, я понимаю. Конечно.

— Приезжайте завтра, возможно будут новости.

— Спасибо.

Мишель вышла из палаты.

— Вы позвоните мне, если будут изменения?

— Да, оставьте номер телефона медсестре, — ответил врач, выходя следом за ней.

— Спасибо вам большое, — от души поблагодарила Мишель и пошла по коридору.

Мужчина посмотрел ей вслед, грустно улыбнулся каким-то своим мыслям и ушел в противоположную сторону.

Мишель, все еще под впечатлением от увиденного, вышла на крыльцо и замерла, подставив лицо то ли дождю, то ли мокрому снегу. Больше всего ей хотелось сейчас проснуться и обнаружить, что это был дурацкий просто сон.

А в действительности она лежит в большой кровати на чердаке дома в Старом городе. И Михаэль где-то рядом, возможно

на кухне, уже варит утренний кофе. При мысли о Михаэле у нее опять заныло в груди. Господи, она даже позвонить ему не может! Почему, ну почему она не взяла номер его телефона? Что за легкомыслие в ее годы!

— Мишель, — раздалось откуда-тот сбоку.

Она повернулась на голос и снова наткнулась на девушку. Та стояла рядом, зябко кутаясь в большой пуховик, курила. Мишель вдруг поняла, что тоже с удовольствием закурила бы, да нечего. Не стрелять же сигарету у любовницы Павла. Или она уже не любовница? Кажется, кто-то говорил, что Виннер собирается жениться. Или она что-то путает? Это было так давно, будто в другой жизни.

— Я не виновата, — жалобно сказала девушка.

— Вас никто и не винит, — ответила Мишель излишне резко.

Ей не хотелось стоять на этом крыльце, не хотелось говорить с неизвестной девушкой, вообще не хотелось быть в Москве. Ей хотелось туда, в заснеженный Таллинн. Гулять с трубочистом, пить глинтвейн и ездить в гости к его бабушке. Зачем она сняла трубку? Зачем помчалась в Москву, сломя голову?

Пришлось одернуть себя. Как не стыдно! Ведь речь шла о Павле, мужчине с которым она прожила пять лет.

«И который тебе изменил. Вот с этой барышней, между прочим,» — напомнила она себе.

— Я не знала, — прошептала девушка.

Господи, вот ей-то что нужно?!

— Послушайте, — обратилась к ней Мишель, но замялась, сообразив, что не знает, как обращаться к собеседнице.

— Вика. Меня зовут Вика.

— Послушайте, Вика, вас никто ни в чем не обвиняет. Извините, мне пора идти.

— Не уходите! — Вика ухватила Мишель за рукав, потянула назад.

— Что вы себе позволяете? — взвилась Мишель. — Не смейте ко мне прикасаться.

— Простите, — всхлипнула Вика.

И Мишель устыдилась своей несдержанности. Что она, в самом деле? Видно же, что девчонка переживает, вон как заходится слезами.

— Ничего страшного, — сказала она. — Но мне действительно нужно ехать.

Девушка то ли не заметила, то ли не сделала вид, что не заметила ее последней фразы и начала сбивчиво рассказывать, что же произошло с Виннером.

Они действительно поехали за город, где у подруги Вики была дача. На дачу к Павлу девушка ехать категорически отказалась, ей не хотелось пользоваться домом, где еще совсем недавно была другая хозяйка. Звучало это, конечно, путано и странно, но Мишель поняла, что Вика хотела сказать.

Они взяли ключи у ее подруги поехали встречать Новый год вдвоем.

По приезду оказалось, что дом вовсе не такой, каким представлялся. Маленький, старый, из отопления только бабушкина печка, туалет на улице. Павел тут же предложил вернуться в Москву, благо до нового года была еще неделя, они бы нашли, где отпраздновать. Но Вика отказалась, уж очень ее впечатлило место, где был расположен дом — живописное и романтичное. И она уговорила Виннера остаться.

А вечером они пошли гулять в лес. Ночь, звезды, романтика. Вот эта самая романтика Павла и сгубила.

Сначала Мишель не поняла, о чем пытается намекнуть ей Вика, а когда сообразила, то тихо выругалась. Видимо у бывшего мужа мозги отшибло напрочь, или он настолько потерял голову от любви к этой невинной деве, что перестал соображать. Но заниматься сексом в зимнем лесу не самое благоразумное занятие. Нет, может для кого-то это прошло бы без последствий, но у Павла слабое горло, он с детства был предрасположен к простудам. В общем, он промерз и, как следствие, уже к утру стал покашливать. Озвучил желание вернуться в город, но Вика сказала, что небольшая простуда не повод портить праздник. Двадцать шестого декабря у Виннера поднялась температура. Лекарств на даче, конечно, не было, и Вика отпаивала его горячим чаем с медом. Пару дней он пролежал в кровати, потом вроде стало лучше, кашель почти прошел. Новый год влюбленные встретили под заснеженной елкой, попивая ледяное шампанское.

«Идиот!» — припечатала Мишель.

В Москву пара вернулась только третьего января, и в тот же вечер температура у Павла подскочила до сорока. Вика вызвал «скорую» помощь. К моменту приезда врачей Павел был без сознаний, и его тут же госпитализировали. Вика, как настоящая декабристка, поехала за любимым в больницу.

— Если бы я только знала! — причитала она, размазывая по лицу сопли.

Мишель ничего не ответила, не смогла найти приличных слов.

— А вдруг он умрет? — вопросила у нее девушка, шмыгая носом.

— Похороните, — резко ответила Мишель, разрываясь между

двумя желаниями: дать Вике по голове или уйти, брезгливо отряхнув рукав, до которого та дотрагивалась.

— Почему я? — некрасиво икнула Вика.

— Ну, не я же, — ответила Мишель, развернулась и пошла прочь.

— Куда же вы?

— Домой.

— А мне что делать?

— Что хотите, что и делайте, — спокойно ответила Мишель.

Кажется, Вика хотела еще что-то сказалась, но у Мишель не было никакого желания стоять и слушать. С нее на сегодня вполне достаточно.

11

— Мишенька, — раздалось из соседней комнаты, — ты где?

Мишель отодвинула ноутбук, на котором до этого работала, потерла лицо и громко ответила:

— Я здесь!

— Подойдешь ко мне?

— Уже иду.

Она поднялась из-за стола и пошла в спальню, где в кровати лежал слабый еще после болезни Павел.

****

Он пришел в себя примерно через неделю после ее приезда из Таллинна.

Она вышла на работу (а что еще оставалось делать), продолжая ломать голову над тем, как связаться с Михаэлем. Даже залезла в Гугл карты, пытаясь определить адрес его чердака. Напрасно — дома в том районе были понаставлены таким образом, что Мишель никак не могла решить: в каком из них живет ее трубочист. С другой стороны, ну определи она его адрес, и что? Будет писать письмо: «На деревню дедушке»? Нет, это не выход. Нужно было искать другие варианты.

Когда Павел очнулся и смог дышать самостоятельно, ей позвонили. Мишель приехала в больницу и чуть не столкнулась в дверях палаты с Викой, спешащей навестить любимого. Мишель отступила в сторону, не желая бодаться лбами. Да и зачем ей? На Виннера она давно уже не претендовала, скорее опекала, как опекают родственника, да и чувствовала ответственность по старой привычке. Все равно ситуация получилась крайне неприятной, тем более, что Вика вышла от Павла буквально через пару минут с красным, обиженным лицом и, глядя куда-то в сторону, обратилась к Мишель:

— Он вас ждет.

Мишель некогда было разбираться в хитросплетениях чужих отношений, ей бы со своими разобраться, и она спокойно вошла в палату. При виде нее Павел сделал движение, словно намереваясь подняться навстречу.

— Лежи, — опередила его Мишель.

Подошла к кровати, присела на стоящий тут же стул.

Виннер был еще очень слаб, ее предупредили, что ему и говорить-то трудно, не то, что двигаться.

— Как ты? — спросила Мишель и погладила бывшего мужа по небритой щеке.

В этом ее жесте не было ничего от той огромной любви,

которую когда-то она к нему испытывала. Мишель понимала: ушла любовь. Безвозвратно ушла. Куда-то далеко, за синие моря, за высокие горы, за непроходимые леса. Просто так нестерпимо жалко было видеть этого сильного, волевого мужчину сейчас беспомощно лежащим на больничной кровати.

Павел прижался щекой к ее руке. Повернул лицо так, чтобы губы коснулись ее ладони.

— Мишенька, — прошептал еле слышно.

— Все будет хорошо, — ласково сказала Мишель, не находя в себе сил, чтобы отнять руку от его губ.

— Я думал, что все. Конец.

— Не говори так, — ответила она строго. — Ты поправишься. Ты просто обязан выздороветь. У тебя работа, родные, друзья.

— И ты, — проговорил Павел с вопросительной интонацией.

Что можно было на это ответить? Что меня ты давно вычеркнул из своей жизни? Сам, своими собственными поступками? Да что там вычеркнул! Выбросил, вытолкнул из всех своих немалых сил!

Наверное, будь она постервознее, так бы и сказала. Но Мишель, глядя на бывшего мужа, больного и беспомощного, не испытывала к нему той всепоглощающей ненависти, которую так лелеяла в себе когда-то. Ей просто было по-человечески его жалко, как бывало жалко и своих же пациентов. К тому же, как ни крути, но совсем чужим Виннер ей не был.

— И я, — согласилась Мишель.

Ни к чему сейчас выяснять с ним отношения. Вот встанет на ноги, тогда и можно будет поговорить, если во этом разговоре еще останется нужда.

— Не уйдешь? — добывался Павел.

— Ну, куда я уйду? — спросила Мишель тоном, которым говорят с маленькими детьми.

— Хорошо.

Павел прикрыл глаза, а через минуту уже крепко спал, так и прижимаясь щекой к ее ладони.

Пока он лежал в больнице, Мишель ездила к нему каждый день.

После выписки, когда Павел оказался — таки дома, в своей новой квартире, купленной им уже после развода, Мишель продолжала заезжать к бывшему мужу. Привозила фермерский творог и молоко, иногда готовила что-то вкусненькое, присматривала за домработницей. Ей был несложно навещать Павла, а ему эти визиты доставляли столько радости, что Мишель не находила в себе силы отказать бывшему мужу в такой малости.

К Виннеру Мишель приезжала, как правило, после работы.

Потом ехала домой. Но иногда, после особенно тяжелых смен, оставалась ночевать у бывшего мужа.

Когда Павел впервые предложил ей переночевать у него, чтобы не тащиться по ночному городу домой, Мишель отказалась. Уже в дороге, борясь с усталостью за рулем машины, ругала себя за глупость. В самом деле, что за ребячество. Надо было или оставаться или не приезжать к нему вовсе. Поэтому в следующий раз, когда сложилась та же ситуация, Мишель не стала изображать из себя бог весть какую принципиальную, а просто поблагодарила Павла и постелила себе на диване в гостиной.

С тех пор, хоть ее ночевки у бывшего мужа были и редки, Павел купил ей все необходимые принадлежности: зубную щетку, гели, кремы и даже халат, а Мишель завела привычку возить в машине ноутбук, чтобы было чем заняться, оставаясь ночевать в чужом доме.

Пару раз Павел пытался завести разговор об их отношениях, но Мишель по-прежнему избегала этой темы. Как впрочем, и попыток Павла сблизиться. Нет, он не приставал к ней в прямом смысле. Но смотрел на нее с тихой грустью, словно все время прося прощение. Будь Мишель сентиментальна, она бы от этих его взглядов расчувствовалась до слез и соплей. Но ей было все равно.

Продолжая присматривать за бывшим мужем, Мишель все искала возможность связаться с Михаэлем. Безумная мысль — нанять частного детектива — стала все чаще появляться в ее голове.

Так прошел январь, февраль уже перевалил за середину.

Однажды Мишель не выдержала, написала заявление на отпуск и пошла к главному врачу.

— Хорошо, что пришла, — сказал главный вместо приветствия. — Я, как раз, собирался за тобой послать.

У нее проскользнула мысль, что ее заявление сейчас не ко времени, но Мишель не могла больше оставаться в неведении — ей нужно было увидеть Михаэля, по которому она страшно, прямо-таки позорно, скучала.

Главный, обладающий поистине орлиным взором, заметил бумагу в ее руке.

— Что это у тебя? — спросил, протянув руку.

Мишель ничего не оставалось, как отдать ему свое заявление об отпуске.

— С ума сошла? — пробежавшись глазами по бумаге, тут же отреагировал начальник. — Ты что, не знаешь, какая у вас в отделении обстановка?

Она знала, конечно, не слепая же. И про то, что почти треть врачей их отделения гриппуют на больничном, и про безумные смены, и про наплыв пациентов. Но ей очень — очень нужен был этот отпуск. Хотя бы на несколько дней!

— Мне очень надо, — ответила Мишель, особо выделив голосом слово «надо».

— Всем надо, — отмахнулся главный. — И каждому второму — очень надо. Ты знаешь, что ваш заведующий ногу сломал?

— Когда? — удивилась Мишель.

Она же только что была в отделении, там об этом еще ни слуху, ни духу.

— Вчера после работы, — ответил главный. — Понесло его, дурака, с дочкой на каток. Звезда конькобежного спорта, не иначе!

И главный громко фыркнул, демонстрируя тем самым все, что он думал и о завотделении, которого нелегкая понесла на каток, и о Мишель с ее заявлением, и о жизни, в целом.

— Значит так, — продолжил главный, — ни о каком отпуске не может быть и речи. Сегодня попишу приказ на тебя. Пока не выйдет этот Шумахер, возглавишь отделение.

— Шумахер не конькобежец, — зачем-то поправила главного Мишель.

— А мне плевать, — припечатал главный. — Один ноги ломает, вторая вообще намылилась куда-то. Развели в отделении черти что! Демократы выискались.

Мишель по опыту знала, что когда главный на пределе, лучше молчать и смотреть в пол, целее будешь. Вот она и молчала.

— Все, — быстро выдохнулся главный на этот раз. — Иди и работай.

Она понимала, что спорить совершенно бесполезно, но не предпринять еще одной, последней, попытки не смогла.

— Хоть на пятницу отпустите. Я к понедельнику вернусь.

— А дежурить за тебя будет святой апостол Петр? — едко поинтересовался главный.

И Мишель вспомнила о предстоящем дежурстве. Да, прав главный. Заменить ее некому, в отделении и так не хватает врачей. Разве что на самом деле святой апостол Петр снизойдет до их госпиталя? Но надежды на это было мало.

— Я тогда пойду, — сказала Мишель, поднимаясь из-за стола.

— Иди, — согласился главный и, разорвав ее заявление пополам, отточенным жестом отправил его в мусорную корзину.

Мишель тяжело вздохнула и пошла назад, в отделение.

Вторая половина февраля прошла в полном безумии на

работе и вечерах в квартире Павла. Он шел на поправку, но все еще сидел на больничном, занимаясь делами своего факультета в онлайн режиме.

Мишель зверски уставала, приезжала домой к бывшему мужу, как выжатый лимон, и уже там, сидя на кухне за чашкой чая и слушая Павла, никак не могла понять: что она вообще здесь делает? Почему не поехала к себе домой, ведь жизни бывшего уже ничего не угрожает?

Вопросы, ответы на которые у нее никак не находились, множились в голове и не давали спокойно спать по ночам.

Но Мишель, словно загипнотизированная, продолжала приезжать к Виннеру. Ужинала с ним, сидя за одним столом, вела неспешные разговоры о работе, ложилась спать на диване в гостиной, чтобы наутро проснуться и поехать на работу.

В один из первых дней марта она осознала: больше так продолжаться не может. Нет, она многое бы выдержала: и руководство отделением, и сложные операции и даже общество бывшего мужа. Но тоска, поселившаяся с момента отъезда из Таллинна, все не желала проходить. Наоборот, становилась все больше и больше, грозя затопить все сердце. Да и боль в левом подреберье продолжала беспокоить.

Ко всему прочему, ее стали приглашать на консультации в НИИ неотложной детской хирургии и травматологии. Как выразился главный, «в качестве заезжей звезды». В другое время и при других обстоятельствах, Мишель очень гордилась бы оказанным ей доверием, но сейчас с трудом выделила пару дней для этих консультаций.

****

Пока она мешкала в коридоре, Павел опять позвал:

— Мишенька!

Мишель с трудом поборола искушение послать бывшего в далекое эротическое путешествие.

Павел совсем заигрался, пора было его притормаживать.

Именно для этого она сегодня и приехала к бывшему мужу. Сказать, что решила завязать с визитами, ведь Павел достаточно хорошо себя чувствует, скоро его выпишут, и надобность в ее помощи отпадет.

Она даже придумала небольшую речь, прекрасно осознавая, что так просто, без боя, Павел свои позиции не сдаст, будет сопротивляться до последнего. Конечно, в этом была львиная доля ее, Мишель, вины. Это она его разбаловала. Понимала, что надо быть построже, но сама мысль о том, что Виннер несколько недель находился между жизнью и смертью, заставляла Мишель быть снисходительной к его слабостям и желаниям.

— Да, Павел, — сказала, входя в спальню.

Виннер сидел в глубоком кресле. Домашние брюки и бархатная бонжурка (и где только он ее откопал?) делали его похожим на престарелого профессора. Но молодое, крепкое тело, стильная стрижка, гладковыбритая физиономия и наглый взгляд напрочь рассеивали данное впечатление.

— Миш, ты садись, — Павел махнул рукой в сторону кровати. — Нам поговорить нужно.

Мишель немного замялась, вот не хотелось ей сидеть на чужом спальном месте. Но выбора у нее не было — кресло в спальне было только одно. Так что или она останется стоять перед Павлом, как солдат — новобранец перед генералом, или устроится на его кровати.

Секунду помедлив, Мишель села на застеленную темным покрывалом постель бывшего мужа.

— Да, нужно, — согласилась она, устраивая руки на коленях.

Как школьница, ей богу.

— Я тут подумал, — начал нерешительно Павел, и Мишель, прекрасно зная все его замашки, напряглась, — хватит нам уже дурью маяться.

— В смысле? — не поняла Мишель.

— В смысле, переезжай сюда, — немного раздраженно ответил Павел.

— Зачем?

— Затем, — в тон ей сказал Павел.

— Павел, — вздохнула Мишель, — давай поговорим серьезно.

— А я совершенно серьезно тебе говорю: переезжай ко мне. Что мы как дети малые.

— Паш, — Мишель растерялась после его слов, — зачем мне сюда переезжать? Ты почти здоров, моя помощь не нужна. Какой смысл нам жить вместе?

Павел внимательно на нее посмотрел, резко поднялся с кресла и пересел к ней на кровать.

— Мишка, — он взял Мишель за руку и переплел пальцы, — я совершил огромную ошибку. Принял за настоящее чувство легкое увлечение. Знаю, что этим обидел, предал тебя. Знаю, что виноват. Но когда я лежал в больнице, понял — никто, кроме тебя, мне не нужен. Только ты, Мишка. Ты. Навсегда.

12

— Пишите заявление по собственному, — спокойно ответила Мишель.

Она слушала его вкрадчивый шепот и только диву давалась — почему слова Павла не находят никакого отклика в ее душе?

Господи, еще полгода назад, да что там полгода, еще три месяца назад, она бы душу заложила дьяволу, только чтобы услышать от Павла такое! А теперь — ничего. Лишь легкое раздражение, потому что слова бывшего мужа ставили ее в совершенно неудобное положение. Как после его предложения жить вместе, она объявит ему, что ее визиты вежливости закончились?!

Павел растолковал ее молчание по-своему.

— Твою квартиру мы можем сдать, — продолжал шептать он почти на ухо. — Недвижимость должна приносить доход. Если не хочешь жить здесь, я куплю другое жилье. Там, где скажешь. Хочешь, оформлю его на твое имя? Через несколько месяцев я окончательно восстановлюсь, и мы можем планировать ребенка. Мишка, мы же хотели детей, помнишь? Мальчика и девочку.

Да, детей они действительно хотели, Мишель помнила. Старшим обязательно должен был быть сын, младшей — дочка. Они даже имена подбирали и спорили до хрипоты. Однажды такой спор перешел в сумасшедший секс прямо на полу в гостиной….

— Подожди, — Мишель почти оттолкнула Павла, прерывая его пылкую речь и свои неуместные воспоминания, — а как же твоя…. Девушка?

Она не издевалась, просто имя напрочь выскочило из головы. Настя? Лиза? Кажется, Вика.

— Как же Вика? — повторила вопрос Мишель.

— А что Вика? С Викой все нормально, — спокойно ответил Павел, тщательно гася раздражение в голосе. — Мы расстались, она не в претензии.

Мишель, наверное, должна была пожалеть бывшую соперницу и разлучницу, но никакой жалости она не испытала. Не было жалости. В общем-то, ничего не было, только в голове крутился один вопрос: как же ему сказать?!

Пока она мучительно пыталась перехватить инициативу у Павла, он опять придвинулся и стал строить радужные планы их будущей совместной жизни. Когда Виннер дошел до дома в Испании (и зачем им дом в другой стране?), Мишель обрела способность говорить, поднялась на ноги и отошла к окну,

прерывая бывшего мужа:

— Нет.

— Что? — удивился Павел.

— Я. Говорю. Нет, — отчетливо, с интервалами произнесла Мишель.

— Не хочешь дом в Испании? — уточнил Павел.

— И дом в Испании тоже.

— Тогда давай в Сочи или Крыму, даже лучше. Ближе летать, и виза не нужна, — тут же нашелся с ответом Павел.

— Нет, — повторила Мишель и пояснила: — Павел, я не перееду к тебе. Мы не будем жить вместе, не поженимся заново, не родим детей и не купим дом. Ни в Испании, ни в Сочи, ни в Крыму. Нигде и никогда.

— Почему?

«Вот и настал мой звездный час, — подумала Мишель. — Самое время рассказать ему о том, что я чувствовала, когда он меня предал. Как жила все эти месяцы после развода».

Мишель понимала, сейчас она могла бы высказать Виннеру многое. Вылить на него всю грязь, искупать в той боли, что пережила она сама. Вот только делать этой ей, почему-то, совершенно не хотелось.

— Я тебя не люблю, — просто ответила она Павлу.

— Ты говоришь так из чувства мести, — убежденно возразил Павел.

— Паш, — Мишель присела в его кресло, — ну о чем ты говоришь? Какое чувство мести? Зачем? Пойми, все прошло.

— То самое, — сказал Виннер, не жалея признавать поражение, — которое заставило тебя уехать в другую страну и закрутить роман с каким-то неандертальцем.

Мишель так удивилась, что не обратила внимания на нелестный эпитет, сказанный в сторону Михаэля.

— Откуда ты?….

— Знаю? — продолжил за нее бывший муж. — Да уж знаю! Он заявился сюда. Предстать, хватило же наглости!

— Сюда?!

— Да, прямо в мой дом!

— Почему к тебе?

— А об этом спроси у себя в отделении, — рявкнул Виннер. — Почему они дают твой адрес кому ни попадя! Разбойникам и террористам!

— В отделении дали твой адрес? — не поняла Мишель.

— А что тебя удивляет? Сама же его оставила на случай, если срочно понадобишься.

И Мишель вспомнила. Да, было такое. Оставила адрес

бывшего мужа на экстренный случай, мало ли что.

Но все эти мысли вытеснила одна: Михаэль искал ее! Он был здесь!

— Когда он приходил?

— Еще недели две назад, — едко ответил Павел.

— А я где была?

— Консультировала.

Две недели здесь был Михаэль. Но почему же он не позвонил?! Куда делся потом?!

— Почему он мне не позвонил? — спросила у Павла.

— Вот и я его об этом спросил, — хмыкнул тот в ответ.

— И что?

— Сказал, что хотел сделать сюрприз. А может, он не умеет пользоваться мобильным телефоном? — сарказм в голосе Павла уже можно было черпать половником.

— Что ты ему сказал?!

— Сказал, что он зря приехал. Мы теперь вместе, и его помощь, — Павел выплюнул последнее слово, — больше не нужна.

— И он поверил?

— А почему он должен был не поверить?

— Да, — согласилась Мишель, представляя себе, как выглядело ее поведение в глазах Михаэля.

Уехала неожиданно, написав на зеркале, что вернется. И пропала на несколько месяцев. А когда Михаэль ее нашел и приехал, его встретил бывший муж с сообщением, что они теперь снова вместе. Понятно, почему трубочист ей после этого не позвонил, даже если и узнал номер телефона. Она бы и сама на его месте не позвонила.

— Да, — повторила Мишель то ли себе, то ли Павлу.

Поднялась и вышла из спальни.

— Ты куда? — взревел за спиной Виннер.

Но ей было не до бывшего мужа. Мишель взяла ноутбук, окинула взглядом гостиную, пытаясь понять: ничего ли она не оставила. Так и не сообразив, махнула рукой и пошла в коридор. Надела совершенно неподходящее для холодной зимы пальто, сунула ноги в ботинки, замотала колючий шерстяной шарф.

— Ты куда собралась? — в дверях спальни стоял Павел.

Мишель взяла сумку, поправила под мышкой ноутбук и ответила от всей души:

— Пошел ты к черту.

Лифта дожидаться не стала, пошла по ступенькам. В спину донесся обиженный голос Павла:

— Он мне чуть челюсть не сломал, этот твой!

— Жаль, что не сломал, — пробормотала тихо Мишель.

— Не знал, что у тебя такой плохой вкус, — продолжил Павел, выйдя на лестничную клетку.

— На себя посмотри, — буркнула Мишель под нос.

Отчего-то захотелось остановиться и всласть повыяснять отношения с бывшим мужем, порадовать, так сказать, соседей. Но Мишель запретила себе это делать. Во-первых, он всегда считала себя выше подобного мещанства, а во-вторых, мысль о том, что Михаэль разыскивал ее, будоражила и заставляла думать совсем о другом.

Нужно поскорее вернуться в госпиталь и выяснить, с кем он общался, и кто из персонала дал ее трубочисту адрес бывшего мужа. Неужели было так сложно обойтись номером мобильного, если уж решили нарушить конфиденциальность?!

Поэтому Мишель бодро спускалась по лестнице, никак не реагируя на гневные и обидные реплики бывшего мужа. Черт с тобой, Павел Петрович Виннер.

Уже сидя в машине, она сообразила, что вечером возвращаться в отделение, особенно с целью провести расследование и выяснить, кто там у них такой общительный, не имеет никакого смысла — многих просто уже нет на рабочих местах. Ну, ничего! Вот завтра, с утра пораньше, она приедет и устроит подчиненным кровавый террор.

В этот момент Мишель, как никогда, понимала главного: бывают моменты, когда без разбора полетов просто не обойтись.

Прийдя утром на работу, Мишель сразу потребовала список тех, кто дежурил на прошлой неделе. И в первую очередь, на стойке администрации. Вряд ли ее «сдал» кто-то из врачей. Скорее уже, инициативу проявили сердобольные медсестры.

Ближе к обеду Мишель поняла — выяснить «доносчика» путем разговоров с глазу на глаз будет сложно.

Никто не хотел сознаваться в содеянном. Шутка ли, кто-то из сотрудников выдал домашний адрес врача постороннему человеку. За такое и уволить могут.

Но Мишель, всегда спокойная и доброжелательная, особенно с подчиненными, не собиралась сдаваться.

Она собрала весь средний и младший медицинский персонал отделения после обеда и прямо заявила, что лишит всех премии за месяц, если в течение часа не узнает, кто так легкомысленно разбрасывается личными данными исполняющего обязанности заведующего отделением. Ее заявление было встречено гробовым молчанием и испуганными взглядами. Все знали, что если Мишель Виннер рассердить, последствия будут самыми

печальными.

В общем, ее тактика принесла плоды: через полчаса после того, как Мишель отпустила медсестер и санитарок по рабочим местам, в ее кабинет бочком протиснулась молоденькая медсестра.

— Вы что-то хотели? — строго поинтересовалась Мишель.

— Это я, — шмыгнула носом девушка. — Я дала ваш адрес.

— Пишите заявление по собственному, — спокойно ответила Мишель.

— Я…., - девушка всхлипнула, — не хотела….

— Вы понимаете, что вы наделали?

— Я хотела, как лучше, — продолжила оправдываться медсестра. — Он был такой вежливый, паспорт показал.

— Паспорт? — оживилась Мишель. — И что там было написано, в его паспорте?

Вот сейчас она узнает фамилию Михаэля!

— Я не знаю!

— Вы неграмотная? — возмутилась Мишель.

— Там не по-русски было, я не смогла прочитать.

Ну, естественно, «не по-русски»! Мишель тяжело вздохнула.

— Почему вы просто со мной не связались? Если этот человек так вас к себе расположил.

— Я не подимала.

— Почему тогда не дали номер моего телефона? Зачем сразу адрес?

— Я дала, — быстро ответила девушка. — Но он попросил адрес. Сказал, что хочет сделать сюрприз.

«Сюрприз ему удался», — мрачно констатировала про себя Мишель.

Она внимательно посмотрела на медсестру. Конечно, Михаэль наверняка предложил той приличную сумму денег, иначе и быть не может. Вот что за люди такие, а? Ведь и зарплату хорошую получают, а все норовят то с родственников пациентов вытянуть, то домой что-то утащить. Не далее, как третьего дня Мишель застала санитарку, отливающую моющее средство в отдельную бутылку — для дома.

С трубочистом еще ладно, хоть и нехорошо вышло. Но ведь у врачей полно недоброжелателей, все могло очень плохо закончится. Нет, держать такого работника в отделении попросту опасно.

— Пишете заявление по собственному желанию, — повторила Мишель.

— А если не напишу? — вскинулась девушка.

— Напишу докладную главному, подключим службу

безопасности госпиталя, — ответила Мишель. — Вылетите по статье и хорошо, если обойдется без уголовного дела.

— За что?! — возмутилась девушка.

— А вы чем думали, уважаемая, когда давали мой адрес постороннему человеку?

— Почему постороннему?

— А кому?

— Он сказал, что ваш друг.

— Друг, который не знает номера моего мобильного? — Мишель демонстративно подняла брови.

— Он же из Таллинна, — пояснила медсестра, — давно вас не видел. И номер вы меняли в том году. Помните?

— Помню, — согласилась Мишель.

— Ну вот, я тоже вспомнила, когда он сказал, что не может вам дозвониться. А еще он фотографию показал.

— Какую?

— Ну, где вы с ним вдвоем.

Мишель грустно улыбнулась. Ну да, было дело. По дороге из Тарту они остановились на заправке выпить кофе. Сидели в маленьком кафе, дурачились. Там-то она и сделала этот снимок. На его телефон. Дура, лучше бы номер его мобильного записала.

— Идите, — сказала Мишель подчиненной, — работайте.

— А заявление?

Мишель только махнула рукой.

— Подобное больше не повторится, — заверила ее медсестра и мышкой шмыгнула к двери.

Мишель еще посидела немного, глянула на часы. Пока собираться на плановую. Потом посмотрела на календарь. Скоро восьмое марта, законный выходной. Если рвануть в Таллинн на самолете, можно уложиться в выходные. Главное, поставить в известность начальство.

Она снова бросила взгляд на часы. Сейчас не успеет, но после операции обязательно зайдет к главному, скажет, что ее не будет в городе три дня. Ей нужно к Михаэлю. И в этот раз никто ее не остановит.

13

Мишель пристегнула ремни безопасности и выдохнула. Она наконец-то летела! В Таллинн! К Михаэлю!

****

После операции, поднимаясь на лифте к главному, Мишель и не подозревала, какой бой ей придется принять, чтобы в буквальном смысле вырвать себе эти пару выходных.

Главный стоял, как наши под Москвой — ни шагу назад. Уперся рогом — заведующий отделением должен быть в городе, а то, мало ли что.

— Что?! — в сердцах спросила Мишель. — Что это за «что», которого вы так опасаетесь?! У всей страны законные три дня выходных! И почему я не могу распорядиться ими так, как считаю нужным?

— Я тебя не отпускаю, — стоял на своем главный.

— А я и не прошу, чтобы вы меня отпустили. Я ставлю вас в известность, что эти дни меня в Москве не будет. И вам остается только это принять, — припечатала Мишель.

— Я против!

— Хорошо.

Мишель метнулась к принтеру и вынула оттуда лист белой бумаги, взяла ручку со стола у главного, села.

— Заявление писать надумала? — насмешливо спросил главный. — Думаешь, оно того стоит?

Мишель посмотрела на чистый лист бумаги и задумалась.

Стоит ли Михаэль, чтобы она рисковала своей карьерой? Ведь как ни крути, но прошло почти два месяца, как она вынуждена было срочно улететь из Таллинна, не сказав ему ни слова. Послание на зеркале, торопливо написанное губной помадой, вряд ли можно считать достойный объяснением причины, по которой она столь спешно вернулась в Москву. Он ждал, а потом приехал сюда, к ней. И с чем он здесь столкнулся? С новостью о том, что Мишель живет с другим мужчиной? Неужели поверил?

«Поверил, — решила Мишель. — Иначе бы позвонил».

Мысль о том, что Михаэль просто вернулся к себе, не попытавшись даже поговорить с ней, и гнала Мишель в Таллинн. Им нужно объясниться. Срочно. Еще вчера. Пока он не придумал еще чего-нибудь. Хотя, чего уж больше.

Она сама себе не сознавалась, но больше всего Мишель боялась, что трубочист решит забыть о ней в чьих-нибудь объятиях. Она же не дура, понимала, что такой мужчина, как Михаэль, пользуется повышенным вниманием у женщин. Вот

приедет она к нему, а он уже с другой. Нет, скорее в Таллинн!

Но рисковать карьерой ради мужчины?

А на белой бумаге одна за другой менялись картинки: Михаэль, в костюме трубочиста улыбается ей на Ратушной площади. Михаэль ведет ее по крутой лестнице на свой чердак. Михаэль с чашкой кофе что-то рассказывает. Уверенно управляет машиной. Крепко держит на руку, показывая пляж Пирита. Нежно целует в губы, укрывая на ночь одеялом. Везде — он и это потрясающее чувство защищенности, которое появляется у Мишель рядом с ним. Словно он заворачивает ее в свою заботу. Как в одеяло ночью. Как в теплый шарф на улице. Было ли ей когда-либо так спокойно? Нет. Разве что только в детстве, рядом с мамой, на руках у отца.

— Стоит, — твердо ответила Мишель.

«Что я, работу себе не найду?» — пронеслось у нее в голове, а пальцы крепче сжали ручку.

— Повезло мужику, — с легкой завистью констатировал главный.

— С чего вы взяли?

— Брось, не слепой, — хмыкнул начальник и побарабанил пальцами по столу. — Ладно, езжай в свой Таллинн. Но чтобы через три дня, как штык!

— Буду, — ответила Мишель, положила ручку на стол и отодвинула от себя бумажный лист.

— Иначе… — разошелся главный, но, так и не придумав для Мишель достойной кары, продолжил: — Все, иди. Работай.

****

И снова она летела со стыковкой в Риге. Почему-то прямых рейсов в Таллинн не было. Зато была мысль поехать на машине, но Мишель, обдумав все, как следует, от нее отказалась. Идея, конечно, хорошая, но слишком уж затратная по времени.

Она представила себе, как приедет к Михаэлю, и не успев его даже поцеловать, сядет в машину, чтобы ехать обратно, в Москву.

«В следующий раз», — пообещала себе Мишель, отчего-то ни секунды не сомневаясь, что он обязательно будет, это следующий раз.

Стыковка в Риге заняла всего-то полтора часа. Паспортный контроль и чашка кофе, вот и все время.

И вот она в самолете Рига — Таллинн, смотрит в иллюминатор. Еще совсем немного, и она увидит его. Скажет…

А что она скажет? И Мишель решила, что нужно подготовить хоть какие-то слова, чтобы объяснить трубочисту, почему вместо того, чтобы вернуться к нему, она проводила столько времени в

доме бывшего мужа.

Всю дорогу из аэропорта до дома Михаэля, она старательно репетировала, что скажет, когда он откроет ей дверь.

Сидя на заднем сидении такси, проезжающего мимо Александро-Невского собора, Мишель показалось, что она нашла-таки подходящие слова.

Если бы она только знала, что они ей не понадобятся…

Мишель стояла у его дома, тщетно пытаясь справиться с волнением.

Как ее встретит Михаэль? Она понимала, что на теплый прием рассчитывать не стоит. Хорошо, если он сразу, прямо с порога, не укажет ей на дверь.

Она протянула руку и нажала на практически незаметную панель у двери. Еще в январе Михаэль показал ей, как попасть в подъезд. Это было несложно — все-то и нужно, что отодвинуть в сторону пластинку, скрывающую кодовый замок. Но если не знать о существовании этой пластинки, то найти ее очень трудно.

Мишель по памяти набрала четыре цифры и услышала тихий щелчок. Потянула на себя дверь и вошла в подъезд. По ступенькам поднималась медленно, как старушка, не сомневаясь, что впереди ждет очень сложный, неприятный даже, разговор.

«Сама виновата», — сказала себе Мишель и пошла быстрее.

Остановилась у знакомой двери, отдышалась и постучала — звонка тут не было.

Пару секунд ничего не происходило, и Мишель постучала сильнее, пытаясь представить, что станет делать, если ей не откроют.

«Буду бомжевать», — решила Мишель и огляделась вокруг, уже прикидывая, где здесь можно устроиться.

Но вскоре из глубин квартиры раздались торопливые шаги, щелкнул замок, бешено застучало сердце, и дверь распахнулась.

Мишель качнулась вперед, но увидев открывшего ей, резко дернулась назад.

Мысли заметались в голове, как испуганные птички. Она умудрилась ошибиться домом? Или Михаэль переехал? Или….?

— Tere, — поздоровалась с Мишель незнакомая молодая женщина. — Kes teil vaja on?*

Мишель поняла только первое слово, об остальном проходилось лишь догадываться.

— Tere, — повторила вслед за незнакомкой и перешла на русский в надежде, что женщина сможет ее понять: — Я могу увидеть Михаэля?

Услышав русскую речь, женщина недовольно поджала губы и внимательно осмотрела Мишель с ног до головы.

— Вы ему кто? — спросила по-русски медленно, с сильным акцентом.

Мишель подавила в себе желание задать незнакомке тот же вопрос. В конце концов, это могла быть его родственница, домработница или просто знакомая.

В ответ Мишель пристально посмотрела на собеседницу, опустила глаза и заметила, что на ногах у женщины тапочки. Нет, в это не было ничего необычного, если бы не тот факт, что тапочки были женскими, а ведь еще в январе сама Мишель ходила в тапках Михаэля, других у него не было. А значит….. Мишель закусила губу. Что может означать появление в квартире холостого мужчины женских тапок, Мишель очень хорошо понимала. И тут же появилось желание отомстить этой незнакомой женщине. Хотя причем здесь она?

— Я Мишель, — сказала и сделала решительный шаг в квартиру, заставляя собеседницу потесниться в коридор.

Нет уж, не для того она пролетела больше тысячи километров, чтобы позорно отступить при первой же неудаче.

— Вы из Москвы? — спросила девушка.

— Из Москвы, — подтвердила Мишель и повторила свой вопрос: — Я могу увидеть Михаэля?

— Его нет.

— Хорошо, я подожду, — сказала Мишель, расстегивая куртку.

Тут же раздался категоричный ответ:

— Он сегодня не придет.

— А где он?

— Уехал. В Хельсинки. Будет через два дня.

Первой мыслью было тут же, не сходя с места осчастливить незнакомку известием, что она готова подождать Михаэля в его квартире. Какое-то внутреннее чутье подсказало Мишель, что женщина здесь не жила. Возможно, часто бывала, вот и тапки себе купила (Мишель старалась не думать о том, что это мог сделать трубочист), но эта квартира не была ее домой. Пока не была.

Женщина смотрела на Мишель, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь. Именно эти взгляды заставили Мишель задать вопрос:

— А вы кто?

— Илзе, — коротко ответила женщина и посмотрела торжествующе.

Это имя должно было ей что-то сказать? Мишель кивнула, давая понять, что приняла ответ к сведению, и продолжила:

— Очень приятно. Но вы ведь здесь не живете?

Илзе заметно напряглась. Мишель смотрела на нее вопросительно, ожидая ответа.

— Нет, — ответила Илзе и замолчала.

В этом ее молчании Мишель послышалось продолжение — пока нет, но…

— Вы не угостите меня кофе, Илзе? Я только что с самолета, — и Мишель вежливо улыбнулась.

Она уже прикинула, что вполне может задержаться на пару дней, нужно только предупредить главного (тут она поморщилась, представив, как он отреагирует) и снять номер в отеле.

По лицу Илзе было хорошо видно, как ей хочется отказать Мишель в кофе и выпроводить ее из дома. Но она сама же сказала, что тут не живет, а значит, как ни крути, не ей и командовать в чужом доме.

— Проходите, — буркнула Илзе, махнув рукой в сторону кухни.

Мишель сняла куртку и обувь, нарочно надела тапочки Михаэля и пошла на кухню.

В полной тишине Илзе быстро сварила кофе и поставила чашку перед Мишель.

— Вы зачем приехали? — спросила прямо.

Мишель посмотрела на нее.

Молодая, не больше двадцати пяти. Светлые, почти белые волосы, брови и ресницы, льдистые глаза и неожиданно красные губы. Женщина была похожа на снежную статую. Красивая, что уж скрывать. И кажется, она Михаэлю не чужая, вон как шустро ориентируется у него на кухне.

Но Мишель не собиралась сдаваться.

— Я приехала к Михаэлю, — ответила спокойно.

— Зачем? — упрямо повторила Илзе.

Она действительно такая бесцеремонная? Или плохо знает русский язык?

— Не думаю, что это качается вас, — прямо ответила Мишель.

Илзе хмыкнула. Бросила еще один недовольный взгляд на Мишель.

— Михаэль на вас поспорил, — заявила презрительно.

В ответ Мишель лишь вежливо приподняла брови.

— Да?

— Да! — кивнула Илзе.

— Прямо таки на меня?

— Нет. Не совсем.

— И в чем же заключался спор? — спросила Мишель, смутно припоминая, что Михаэль упоминал о чем-то таком.

Хотя она уже и догадывалась, что услышит. Новогодняя ночь,

костюм трубочиста. Дальше просчитать было несложно. Хотя, возможны варианты.

— Он поспорил с другом, что сможет познакомиться с женщиной, — ответила Илзе.

— Не думаю, что Михаэль испытывает сложности при знакомствах с женщинами, — безмятежно ответила Мишель.

— Он специально переоделся трубочистом, — сказала Илзе.

— Ему пошел этот костюм, — продолжила вежливо улыбаться Мишель.

Нет, она не будет ничего выяснять у этой непонятной женщины. Вот увидится с Михаэлем и устроит ему… Выволочку. Спорщик нашелся, тоже мне.

— Он выиграл спор, — заявила Илзе и победно посмотрела на Мишель.

— Я очень за него рада. Можно еще кофе?

Илзе налила еще чашку кофе. Потом подумала, полезла в холодильник и поставила на стол перед Мишель сырную нарезку.

— А вы здесь цветы поливаете? — спросила Мишель, отпивая горячий кофе. — Или зашли смахнуть мыль?

От ее вопросов молодая женщина резко дернулась и ответила гневно:

— Я ему!….

— Кто? — вкрадчиво поинтересовалась Мишель.

— Вы его бросили, — неожиданно выдала Илзе.

— А вы хотели подобрать? — спросила Мишель. — Но, кажется, у вас не получилось.

Весь этот разговор был совсем не в ее стиле. Мишель никогда не была стервой и терпеть не могла выяснять отношения.

Но здесь и сейчас ей вдруг стало важно не просто выяснить все, а еще и застолбить это место за собой.

Илзе явно растерялась от ее ироничного тона. Немного смущенно оглядела кухню, набрала побольше воздуха в легкие и выдала:

— У вас есть муж! Михаэля вы бросили! А я… я его невеста! И мы поженимся весной!

Что-то оборвалось внутри. Очень хотелось крикнуть, как Станиславский: не верю! Но не получалось. Илзе здесь, в отсутствие хозяина квартиры. Что ей здесь делать? На счет цветов и пыли Мишель подшутила, очень ей хотелось подколоть собеседницу. Не было в доме Михаэля цветов. Значит, пришла за чем-то другим. Ключ у нее явно есть. Да и тапки, украшавшие ноги Илзе, просто кричали о том, что она здесь частая гостья.

— Уже весна, — произнесла Мишель.

— В мае, — поправилась Илзе. — Мы поженимся в мае. Когда будет тепло и зацветут сады.

«Как романтично», — мелькнуло в голове.

— Зря вы приехали, — продолжила Илзе.

Видя, что ей удалось смутить Мишель, она заметно приободрилась.

— Он не хочет вас видеть.

— Пусть скажет мне об этом сам, — возразила Мишель.

Илзе снова хмыкнула и, ничего не сказав, вышла из кухни.

А Мишель осталась, пытаясь решить, что ей теперь делать.

Уезжать? Или все-таки дождаться Михаэля и попытаться с ним поговорить? Но если Илзе сказала правду, и они действительно собираются пожениться в мае, зачем нужны эти разговоры? О чем им тогда вообще говорить?

Внезапно вспомнилась давнишняя сцена в аэропорту, когда она столкнулась с Павлом и его любовницей. И то чувство неловкости и жгучего стыда, которое затопило ее, Мишель. Она готова пережить это заново?

— Вот, — прерывая ее внутренний диалог, сказала Илзе и бросила под ноги знакомую сумку. — Вашим вещам не место в моем доме.

«Пока еще не в твоем», — мысленно возразила Мишель и посмотрела на сумку.

Ее. Та самая, которую, уезжая в спешке к Павлу, она оставила здесь.

— Забирайте и уходите, — раздалось над ухом.

У Мишель случилось какое-то раздвоение личности. Одна ее часть готова была подчиниться требованию невесты Михаэля. Другая, сомневающаяся в том, что Илзе сказала ей правду, шептала, что нужно остаться и выяснить все до конца. Потребовать, чтобы женщина позвонила Михаэлю и сообщила ему о приезде Мишель. Переговорить с ним самой.

Внезапно потом ее мысленных рассуждений прервал телефонный звонок. Звонили Илзе. Женщина посмотрела на телефон и вышла.

Мишель слышала, как она сказала несколько фраз на эстонском.

— Мне надо уходить, — вернувшись на кухню, сказала Илзе. — Вам пора.

— Да, пожалуй, — согласилась Мишель, подхватывая свою сумку.

В коридоре, под пристальным взглядом Илзе, она оделась, аккуратно вернула тапочки Михаэля на обувную полку.

— Вы уедете? — напряженно спросила женщина. — Вернетесь

в Москву?

— Разумеется.

— Вы не будете ждать Михаэля?

Мишель замерла в дверях.

Ждать трубочиста или уезжать домой, этого она пока не решила. Ее обратный билет на самолет через день. Мишель придется или менять билет, или искать отель. Сам по себе, отель не проблема. Только что ей делать теперь в этом чужом городе? Бродить по улицам в ожидании, когда трубочист вернется?

«Нужно успокоиться и все хорошенько обдумать», — решила Мишель.

— Вы сейчас уедете, — продолжила бесцеремонно допытываться у нее Илзе. — Не будете его ждать?

И Мишель не смогла удержаться от маленькой шпильки.

— А вот это совершенно не ваше дело. Всего вам доброго.

_____

* Привет. Кто вам нужен? (эстонский)

14

Мишель сняла номер в отеле «Old Town» в Старом городе у Конской мельницы. Улыбчивая девушка за стойкой регистрации сказала, что Мишель очень повезло — в преддверии международного женского дня город наводнили туристы из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, и найти свободный номер в хорошем месте довольно проблематично.

Она выслушала служащую гостиницы, вежливо покивала, из последних сил удерживая на лице искусственную улыбку, и поднялась к себе в номер.

Вот там-то Мишель и накрыло осознание того, что она сама, своими руками, разрушила возможное счастье с Михаэлем.

Что ее понесло спасать бывшего мужа? Да, как врач, она прекрасно понимала всю опасность его положения. Да, боялась, что Виннер может умереть. Да, сработала многолетняя привычка быть рядом «в болезни и здравии».

Но почему, черт возьми, она не могла дождаться Михаэля?! Объяснить ему сложившуюся ситуацию с бывшим мужем? Или хотя бы оставить номер своего телефона на том проклятом зеркале? Почему потом, когда Павлу стало лучше, вместо того, чтобы варить ему супы и ночевать на его диване, она не плюнула на всех и не прилетела к своему трубочисту? Не наняла частного детектива, чтобы выяснить фамилию и координаты Михаэля, в конце концов?

«Потому, что считала, что у меня еще вагон времени», — ответила она сама себе.

Да, считала. И вот этот вагон промелькнул перед глазами и скрылся в тумане. Теперь Михаэль в Хельсинки, и неизвестно, захочет ли он вообще с ней разговаривать, а в его доме хозяйничает женщина, похожая на ледяную скульптуру.

Характер Мишель был такого склада, что сама мысль о борьбе и соперничестве за мужчину ей претила. Ну, не умела она всего этого. Ей были чужды женские штучки, эти маленькие уловки, позволяющие заинтересовать и захомутать понравившийся экземпляр. С Павлом у них получилось как-то сразу, без накала страстей и любовных драм. Познакомились, стали встречаться, решили пожениться и жили. Хорошо, в общем-то, жили. Дружно.

«Ага, — сказал внутренний голос, — дружно. Пока он не завел себе новую любовь. А там и драма, и накал страстей. Может ему этого не хватало в браке с тобой?»

«Да какая теперь разница, — отмахнулась Мишель. —

Плевать на Павла. Что мне делать сейчас?»

«Дождаться и взять штурмом!»

Легко сказать. А как это сделать, если она никогда никого штурмом не брала?

«Но на работе же ты можешь быть жесткой, — продолжил уговаривать кто-то внутри нее. — Вспомни, как ты построила все отделение. А как спорила с главным?»

«Кстати, о главном, — кивнула она самой себе. — Самое время осчастливить его информацией о том, что я задержусь здесь еще на один — два дня».

«Ну, удачи».

Мишель вдохнула поглубже, взяла мобильный и набрала номер главного.

Вопреки ее уверенности в том, что будет скандал, начальник отреагировал спокойно. Судя по всему, он был готов к чему-то подобному.

— Оформлю тебе пару дней в счет отпуска, — сказал в ответ на сообщение Мишель о том, что она задержится и будет в Москве во вторник.

— Спасибо, — только и смогла ответить Мишель, находясь под впечатлением от легкой победы над этим огнедышащим драконом.

— Должна будешь, — хмыкнул главный.

— Я отработаю.

— Это само собой. Привези мне бутылочку «Vana Tallinn», — с налетом легкой ностальгии скомандовал главный.

— Обязательно.

Они простились, и Мишель отложила трубку в сторону, пытаясь придумать, чем бы ей заняться.

Два дня до возвращения Михаэля она провела на Пирите.

Утром завтракала, брала с собой термос с горячим чаем и ехала на пляж. Гуляла до гудящих ног.

Под завывания ветра и шум прибоя, уходила вдоль кромки воды далеко от города, завернувшись в шарф и спрятав руки глубоко в карманы, пока не промерзала насквозь. Иногда останавливалась и согревалась горячим чаем, сдобренным этим самым «Vana Tallinn». Редко позволяла себе выкурить сигарету.

Уже по темноте возвращалась в город, шла к «Компрессор» и ужинала. Пила обязательный глинтвейн, вспоминая, как гуляла по узким улочкам Старого города с Михаэлем. Поздно вечером, ближе в одиннадцати, шла в отель.

Стоя под жесткими струями очень горячей воды, уговаривала себя потерпеть еще немного, считала часы до заветного дня. Он приедет, и все как-то разрешится.

Ко дню возвращения трубочиста, Мишель накрутила себя до того, что проснулась в пять утра и уже не смогла заснуть.

Сегодня он вернется в город. Жаль, что она не спросила у Илзе, в котором часу это произойдет. Но даже если бы и спросила, где гарантия, что та ответила бы. А ответив, сказала бы правду.

«Дотерплю до вечера и пойду к нему, — решила Мишель. — А днем погуляю по городу».

И она гуляла, старательно запрещая себе не то, что идти, даже смотреть в сторону его дома.

Нарезала круги по Старому городу, заходила во все магазины сувениров, внимательно рассматривая каждую безделушку, только что бы не смотреть на часы и не думать о предстоящем разговоре.

Ей уже просто хотелось определенности. Ну, хоть какой-то, только чтобы не так, болтаться в подвешенном состоянии.

Где-то в районе шести вечера, находившись вдоволь по городу, ноги сами понесли ее в сторону дома Михаэля.

Вот она прошла по переулку, где они встретились тридцатого декабря. Миновала Александро — Невский собор. Потом неожиданно вернулась и зашла в него. Купила свечку и поставила у какой-то иконы. Мишель не была истово верующей, скорее допускала существование бога, но сейчас, как никогда, остро ощутила необходимость поддержки высших сил.

Постояла в соборе, немного погрелась в свете горящих свечей и поняла, что нужно идти, сил ждать у нее уже не осталось.

Мишель, набравшись смелости, решительно спустилась по ступенькам собора и быстро, чуть ли не бегом, двинулась к дому трубочиста.

Шла недолго, всего пару минут, оставалось только свернуть за угол. Но тут мимо нее медленно проехала знакомая машина. Мишель сделала еще пару шагов и замерла.

Машина остановилась у двери в дом Михаэля. Тут дверь подъезда распахнулась, и из него вышла Илзе. В светлых брюках, коротеньком белом полушубке и пушистой, белой же, шапочке, она была похожа на Снежную королеву. Мишель невольно залюбовалась молодой женщиной. А из машины навстречу Илзе вышел Михаэль. Илзе что-то ему сказала по-эстонски, потом обняла и крепко поцеловала в губы. Михаэль мотнул головой, снял с себя загребущие ручонки предполагаемой невесты и отступил назад, к машине.

Нужно было плюнуть на приличия и манеры и просто подойти к ним. Но Мишель опять, как тогда в аэропорту при

встрече с Павлом, ощутила какую-то неловкость, словно она подглядывала в замочную скважину. И осталась стоять на месте, не в силах оторвать взгляд от разворачивающейся перед ней сцены.

А эти двое, не подозревая, что за ними наблюдают, громко спорили о чем-то. Михаэль что-то пытался объяснить женщине, она с жаром возражала. Сделала еще попытку повиснуть на трубочисте.

Мишель, как завороженная, наблюдала за ними. И когда она уже совсем было решилась подойти, Илзе сказала что-то резкое, потом решительно притянула к себе Михаэля за воротник дубленки и, как вампир, впилась в его губы. Несколько мгновений пара страстно целовалась, потом они сели в машину и уехали, оставив растерянную и подавленную Мишель одну в переулке.

И что ей теперь делать? Сидеть в подъезде и ждать, когда Михаэль вернется?

А потом что?

Видела она, как он целовался с этой своей, Снежной королевой. Может, не солгала Илзе, и она действительно его невеста, и в мае у них свадьба? А что, милые бранятся, только тешатся. Побранились и поехали мириться, а Мишель будет, дура дурой, ждать, надеяться, пытаться придумать хоть какое-то мало-мальски достойное объяснение, вместо того, что бы уже честно признаться самой себе, что она безнадежно опоздала, ее поезд давно уехал. Так бывает в жизни: встретились два человека и, казалось, все у них есть для того, чтобы быть счастливыми вместе. Но не судьба.

«Причем здесь судьба? — хмыкнул внутренний голос. — Сама виновата. Если бы не мялась всякими глупостями, как девочка, сидела бы сейчас со своим трубочистом у него на чердаке».

«Скорее, лежала бы», — поправила Мишель, ощутив горечь во рту.

Да, все сама, нечего пенять на судьбу. Звезды не сложились. Глупости. Звезды складываются у тех, кто складывает, а не сидит сиднем в надежде на чудо.

Ждать тут и дальше было глупо, Мишель это прекрасно понимала. Оттого решила вернуться в отель, а там — посмотрим.

В номере было тепло, даже немного душновато, но окно открывать не хотелось. Наоборот, хотелось еще завернуться в толстое пуховое одеяло и лежать так долго — долго.

Вместо этого Мишель открыла вновь обретенную сумку и решительно вытряхнула на кровать ее содержимое. Осмотрела. Да, неизвестно кто собирал ее вещи, но точно решил ничего не оставлять себе на память. Даже зубная щетка была завернута в

маленький бумажный пакет, за неимением специального футляра.

Мишель засунула руку в сумку, нащупала молнию, закрывавшую маленький внутренний кармашек. Потянула за язычок, провела пальцами по подкладке. Неожиданно нащупала что-то круглое. Достала и …..

Глядя на золотую пуговицу, лежащую на ее раскрытой ладони, ощутила, как слезы застилают глаза, а в горле появился огромный, холодный ком, будто Мишель проглотила снежок. Это ведь та самая пуговица с форменной куртки трубочиста, которую Михаэль торжественно вручил ей на новый год. Пуговица, на которой она загадала свое самое заветное желание.

Мишель положила свой трофей в карман куртки, оделась и вышла из номера. Ей нужно вернуться к дому Михаэля.

Ее путь занял минут десять, не больше. Мишель снова набрала код, поднялась по крутой лестнице и постучала в дверь. Тишина. Никто не торопился ей открывать. Она опять постучала, уже погромче. И опять, и снова. В последний раз, от души шарахнув по двери кулаком, осознала, что в квартире никого нет, и медленно опустилась на корточки, прижавшись спиной к злосчастной двери. Она так просто не сдастся, будет ждать столько, сколько понадобится.

Когда рассвело, Мишель осторожно поднялась, размяла затекшие за ночь ноги, сделала пару наклонов. Она просидела под дверью Михаэля восемь часов. Напрасно, он не вернулся.

Посмотрела на часы, прикинула, сколько ей надо, чтобы вернуться в отель, собрать вещи и доехать до аэропорта.

Пора было уходить, но что-то продолжало держать ее на месте.

Неожиданно для самой себя, Мишель прижалась лицом к двери и втянула в себя ее запах. Ей показалось, что на секунду она ощутила аромат Михаэля — мята, дорогой табак, немного алкоголя.

«Чушь, — попыталась убедить себя Мишель, — галлюцинация от недосыпа».

Но продолжала стоять, ощущая щекой прохладную кожаную обивку. Запах все усиливался, пробивался в нос, достиг уже мозга и прочно засел в нем, отчего Мишель совсем потерялась.

— Я люблю тебя, — шепнула она, касаясь губами плотной кожи.

Где-то внизу хлопнула дверь, раздались шаги. Кто-то из соседей спускался вниз, на улицу.

Эти звуки привели Мишель в чувство. Что она творит?! Мало того, что просидела, словно сирота казанская, всю ночь под дверью, так еще и говорит всякие глупости. И кому? Вернее,

чему?! Господи, она совсем с ума сошла!

Любит она, видите ли! Кого? Того, кто вчера на ее глазах целовался со своей невестой, а потом уехал неизвестно куда?

Она еще раз посмотрела на часы. Время шло, пора было что-то решать. Или оставаться тут в надежде, что рано или поздно, но им с Михаэлем удастся встретиться и поговорить, или возвращаться в отель, сдавать номер и ехать в аэропорт. У нее еще есть время успеть на московский рейс.

Можно было и дальше стоять, кусать губы и размазывать сопли, но это не в ее характере. Какая из Мишель романтическая героиня? Смех, да и только.

— Прощай, — шепнула она двери и быстро стала спускаться по ступеням, не давая себе возможности остановиться и передумать.

Ей повезло, в аэропорт она успела. В Риге опять была пересадка, на этот раз — два часа.

Мишель выпила кофе в уже знакомом кафе и решила прогуляться по магазинам. Не то, чтобы ей было что-нибудь нужно, но не сидеть же все время в ожидании рейса.

В отделе алкоголя купила обещанный главному ликер. С пакетом в руках прошлась вдоль ярких витрин. Чем бы еще себя занять? Ее не прельщали ни косметика, ни модные аксессуары.

Взгляд остановился на знакомом логотипе — большая буква «О» и корона сверху. Мишель не была поклонницей марки, но иногда покупала что-нибудь по случаю — серьги себе на каждый день или кулон в подарок приятельнице.

— Здравствуйте, — поприветствовал ее консультант. — Чем я могу вам помочь?

Мишель нащупала в кармане куртки пуговицу, и мысль родилась сама собой.

— Мне нужен браслет, — ответила она консультанту.

— У нас очень большой выбор. Вас интересует что-то конкретное?

— Мне нужен жесткий серебряный браслет, — сформулировала Мишель свое желание.

— Бейгл. Такой браслет называется бейгл, — просветила ее консультант. — Вам в подарок или себе?

— Себе.

— Можно вашу руку?

Мишель протянула руку. Консультант посмотрела на ее запястье, нырнула под прилавок и вынырнула оттуда с коробкой в руках.

— Сейчас найдем ваш размер, — пояснила она Мишель. — Вот. Думаю, подойдет.

Она помогла Мишель надеть браслет, застегнула тугую застежку.

— У нас есть очень красивые шармы.

— Спасибо, — ответила Мишель. — Помогите снять, пожалуйста.

Девушка помогла ей избавиться от браслета. Мишель достала из кармана золотую пуговицу и нанизала ее на браслет. Консультант с искренним интересом наблюдала за ее действиями.

— Помогите, — снова попросила Мишель.

Когда щелкнула застежка браслета, Мишель сказала:

— Шармов не надо, браслет я беру.

Она успела оплатить свою покупку прежде, чем объявили посадку на московский рейс.

Уже в самолете, прокручивая на тонком запястье серебряный браслет с золотой пуговицей, Мишель тщательно обдумала мысль, родившуюся у нее в голове, когда она мерила браслет.

«Суровые времена требуют суровых решений», — сказала она самой себе.

И, о чудо, внутренний голос не только не стал с ней спорить, но и активно поддержал ее решение.

«В конце концов, жизнь не кончилась. А он несчастной любви не умирают, — убеждала себя Мишель. — Вот и я не умру. Я просто научусь с этим жить».

15

— Ты что, с ума сошла? — разбушевался главный, когда по возвращению в Москву, Мишель озвучила свои планы. — Куда тебя несет?! Ты хоть представляешь себе, где он находится, этот Магадан?!

— Видела на карте, — огрызнулась Мишель.

— Ты знаешь, какие там условия?! Эту больницу, небось, строили еще при царе Горохе! А погода? Да там летом холоднее, чем в Москве зимой!

— А вот это неправда! — Вскинулась Мишель.

— Господи, да зачем тебе это? — главный вскочил и пробежался по кабинету. — Чего тебе не хватает?!

— Всего мне хватает.

— У тебя здесь работа, карьера, пациенты. Квартира, в конце концов. Я бы еще понял, если бы должность хорошая, но — простым хирургом в областную больницу! Мишель, я повторяю свой вопрос: ты с ума сошла?

Мишель только вздохнула. Как объяснить начальнику, что она не может остаться в Москве. Не может и не хочет. Потому что, если останется — точно сойдет с ума.

****

Идея уехать из Москвы родилась еще в аэропорту Риги.

В самолете Мишель обдумала все, как следует, и решила: да, она уедет. Вот только — куда? Первое, что пришло в голову: поехать навестить родителей. Но что она там будет делать? Погостит недельку или две, месяц от силы. Побездельничает. Наговорится с мамой, нагуляется с отцом. И все. Вернется в Москву.

А Мишель хотела не просто уехать. Она хотела изменить свою жизнь. Значит, нужно найти работу. Была даже мысль поехать поработать в Сирию. Или в Африку. Вот уж где, действительно, не останется времени оплакивать свою несчастную любовь. Но все решил случай.

В день ее возвращения домой позвонил бывший одногруппник. Они поболтали немного о том, о сем. А после одногруппник поинтересовался, нет ли у нее знакомого детского хирурга, готового переехать в славный город Магадан — столицу Колымского края. В детской областной больнице есть острая нужна в хорошем специалисте. Мишель со смехом ответила, что таких энтузиастов среди ее знакомых не имеется.

— Конечно, никто не хочет туда ехать, — вздохнул приятель.

— А сам-то чего?

— У меня, между прочим, семья. К тому же, боюсь — не потяну. Сама знаешь, я уже сто лет на бумажной работе. Не поверишь, забыл, как скальпель выглядит.

Мишель вполуха слушала стенания бывшего одногруппника, думая о том, что его поиски вряд ли увенчаются успехом. А потом словно что-то щелкнуло в голове, и картинка сложилась. Она хочет уехать из Москвы, а в Магадане есть место хирурга.

— А условия там какие? — спросила Мишель. — Что с жильем?

— Служебная квартира, — ответил одногруппник. — Зарплата, конечно, не московская. Но у них надбавки за особые условия. Коллектив хороший. А охота какая! Рыбалка! Воздух чистейший!

— Мне твоя охота с рыбалкой без надобности, — возразила Мишель. — Меня больше интересует, что там с оборудованием и персоналом. С кем работать придется?

— Подожди, — опешил одногруппник, — ты это… я не понял …. Для себя интересуешься?

— А что, я не подойду? — хмыкнула Мишель.

— Мишка, ты с ума сошла? Или натворила чего? Хотя нет, чтобы ты, да натворила, быть такого не может. Да и я бы уже был в курсе. Нет, правда для себя?!

— Правда. Решила сменить место жительства.

— Зачем?!

— Да какая разница! Решила и все.

В серьезность ее намерений одногруппник поверил не сразу, Мишель пришлось три раза повторить и один раз поклясться, что она действительно серьезно хочет уехать из Москвы. Но когда поверил, вцепился в Мишень руками и ногами и развил бурную деятельность, опасаясь, как бы она не передумала.

А на следующий день Мишель пошла к главному.

****

— Чего молчишь?

— Я все решила, — ответила главному.

— Простым хирургом в областную больницу? Да еще на другом конце света? Хороший карьерный взлет, — хмыкнул главный.

— Почему нет? Там такие же пациенты. Врачи везде нужны.

— Да разве я спорю? — вздохнул главный.

— Вообще-то, спорите.

- Тебе показалось. Что у тебя случилось, что тебя несет через всю страну?

— Все со мной хорошо. Просто решила, что нужно что-то

изменить в своей жизни.

— Так перекрасила бы волосы. Или обои бы переклеила в квартире. На худой конец, поменяла бы машину. Так нет, ты на мелочи не размениваешься, да? Если уж менять, так кардинально. Москву на Магадан.

— Там воздух чистейший, — повторила Мишель слова одногруппника. — Охота знатная. Рыбалка.

— А ты что, тайно состоишь в обществе охотников и рыболовов?

— Почему тайно? — удивилась Мишель.

— Потому что я впервые за все годы, что тебя знаю, слышу, что тебя интересуют рыбалка с охотой.

Главный встал из-за стола, подошел к шкафу и достал бутылку коньяка.

— Тебе не предлагаю, у тебя рабочий день в самом разгаре. А мне для успокоения нервов жизненно необходимо несколько капель.

— Когда лететь собираешься? — спросил главный, успокоив расшатанные нервы.

— Как только распоряжение будет готово, — ответила Мишель. — Я переводом пойду.

— То есть мне еще ждать бумажку из министерства? Какой гад тебе этот перевод организует? Убил бы, честно слово.

— Не надо, он хороший.

— Хороший, — передразнил главный. — Ладно. Вижу, что ты все для себя решила. Надолго-то собралась?

— Не знаю, — ответила Мишель. — Планирую пока на год, а там, посмотрю, как пойдет.

— Что там может пойти?! — главный в сердцах махнул рукой. — Уговаривать тебя остаться бесполезно?

— Абсолютно.

— Ты хоть осознаешь, во что ввязываешься? Или там, в Таллинне, сильные атмосферные выбросы, и ты совсем соображать перестала?

— Выбросы, — грустно улыбнулась Мишель, — это вы верно подметили.

Главный только покачал головой.

— Почему, чем умнее женщина, тем больше проблем на свою голову она себе находит?

— Вы ждете, что я вам отвечу?

— Нет, это я размышляю вслух.

— Тогда я пойду. У меня еще плановая сегодня.

По дороге в отделение Мишель подумала о том, что вечером

ей еще предстоит беседа с родителями.

****

Сколько себя помнила Мишель, родители всегда поддерживали ее во всех начинаниях. Но никогда она так круто не меняла свою жизнь, даже когда собралась выйти замуж за Павла Виннера.

Что замуж? Большинство женщин рано или поздно это делают. К тому же потенциальный муж был интеллигентен, перспективен и души не чаял в невесте. Так что, сообщая маме с папой, что Павел предложил ей выйти за него замуж, и она ответила согласием, Мишель нисколечко не волновалась. Радовалась, это да. Всей душой желала, чтобы родители разделили ее счастье — тоже да. А вот мысли, что ее не поддержат или начнут отговаривать, не было абсолютно.

А много ли коренных москвичей, имеющих отличную квартиру в центре и занимающих перспективную должность, решают бросить все это и переехать на Колыму? Наверное, чтобы сосчитать таких, хватит пальцев одной руки.

Поэтому Мишель и волновалась, когда набирала номер мобильного матери.

****

Но, вопреки всем ее опасениям, родители не то, чтобы были против, они даже не очень и удивились.

Из нескольких фраз, брошенных в разговоре матерью и молчаливо поддержанных отцом, Мишель поняла: родители решили, что она уезжает из Москвы, чтобы не жить в одном городе с бывшим мужем. А что еще они могли подумать? И Мишель не стала пускаться в объяснения. Не знала она, какие слова подобрать, чтобы объяснить то, что случилось с ней в Таллинне, и чувства, что испытывала к своему трубочисту.

— Ты, главное, не сдавайся, — сказал отец.

— И помни, — подхватила мама, — все пройдет. И это тоже.

— Конечно, — оптимистично согласилась Мишель.

— Если что, — продолжил папа, — мы всегда тебя ждем.

— И ужасно скучаем, — улыбнулась мама.

— Я тоже очень соскучилась. А с новой работой даже не знаю, когда мы сможем увидится, — извиняющимся тоном ответила Мишель.

— Если будут проблемы с отпуском, мы сможем к тебе прилететь, — заметила мама.

— В Магадан?!

— Почему бы и нет? — поддержал жену папа. — Никогда не был на Колыме.

Она еще немного поговорила с родителями и простилась,

клятвенно пообещав тепло одеваться, не работать сутками напролет и познакомиться с перспективным мужчиной. Последнее пожелание исходило от мамы, и бог знает, что она вкладывала в понятие «перспективный».

У Мишель, помимо воли, промелькнула мысль: а посчитала бы мать перспективным Михаэля, если бы ей было суждено представить его своим родителям?

Одногруппник, сосватавший ей новое место работы, сделал все возможное и невозможное, чтобы распоряжение о ее переводе в Магадан было подписано в кратчайшие сроки. Мишель еще даже не успела привыкнуть к мысли о том, что она уезжает из Москвы, а ей уже позвонили из министерства и сообщили, что главный врач Магаданской областной детской больнице ждет своего нового хирурга.

Уже традиционно ей достался билет с пересадкой, на этот раз в Новосибирске. И она просидела два часа в аэропорту «Толмачево», пытаясь представить себе, что ждет ее на новом месте.

А Магадан встретил Мишель солнцем, морозом минус пятнадцать и молодым мужчиной с табличкой, на которой было написано ее имя. Мужчина стоял на выходе из зоны прилета, и пропустить его было невозможно.

— Здравствуйте, — поздоровалась с ним Мишель. — Вы ждете меня. Я Мишель Виннер.

И она протянула мужчине руку. Тот одарил Мишель внимательным взглядом, облегченно выдохнул и радостно улыбнулся.

— Господи, — сказал мужчина, — неужели я, наконец, выиграл в лотерею?

— В лотерею? — не поняла Мишель.

— Лотерею жизни, — пояснил мужчина. — Позвольте представиться — Сергей Волжский, заместитель главного врача, ваш гид и водитель на сегодня.

Протянутую руку он не пожал, а галантно облобызал и не спешил отпускать.

— Очень приятно, — с некоторым усилием, но Мишель удалось вернуть себе свою конечность. — Мы поедем сразу в больницу?

— Нет, — Сергей ловко отобрал у нее ручку огромного чемодана, — я отвезу вас на квартиру. И город покажу, заодно. Это все ваши вещи?

— Пока все, — ответила Мишель.

— Удивительно мало для женщины, — прокомментировал Сергей. — Вы уверены, что сможете обходиться таким небольшим

запасом? Или вы к нам ненадолго?

Он комично сложил брови домиком, и Мишель не смогла не улыбнуться.

— Планирую надолго. Что до вещей, то если что-то понадобиться, мне пришлют из дома.

Сергей кивнул.

— Предлагаю поехать. Вы не против?

— Нет, что вы. Далеко до города?

— Километров пятьдесят. По дороге нужно заехать в магазин, ваш новый холодильник тоскует без продуктов.

— Я не готова разделить его тоску, так что едем в магазин, — пошутила Мишель.

— Отлично, тогда в «Мегамаг», — ответил Сергей и повел Мишель к выходу.

Она спешно надела капюшон нового пуховика, длинного и теплого, купленного специально для этой поездки, и натянула варежки. Белые с вышитой серой овечкой — подарок Михаэля. Пусть это было малодушно, но Мишель не могла расстаться с ними, как и с золотой пуговицей, болтающейся на браслете.

Выйдя вслед за Сергеем из здания аэропорта, Мишель увидела перед собой небольшую парковку, украшенную растяжкой с надписью «Добро пожаловать на Колыму — золотое сердце России!»

— Моя машина совсем рядом, — сказал Сергей и подвел ее к мощному внедорожнику «Тойота».

Тихо фырчал мотор, в салоне было тепло, и Мишель, успевшая продрогнуть после теплого нутра самолета, с удовольствием устроилась на сидении с подогревом.

— Готовы увидеть город? — весело спросил ее временный гид и водитель, занимая место за рулем.

— Готова.

— У нас, конечно, не Москва, — Сергей пристегнул ремень безопасности, — но, думаю, вам понравится. Первая остановка «Мегамаг».

Машина выехала с парковки.

Всю дорогу до магазина Мишель смотрела в окно, лишь изредка бросая короткие взгляды на мужчину за рулем.

На вид ему было не больше тридцати — тридцати пяти. Симпатичное, открытое лицо, короткий ежик темно-русых волос, сильные руки с ухоженными ногтями. Он был чуть выше ее, на ладонь примерно, фигуру под толстым пуховиком не разглядишь, но Сергей производил впечатление физически крепкого человека.

— Вы местный? — спросила она, когда Сергей все-таки

перехватил ее взгляд.

— Да, я здесь родился.

— Тогда вы должны хорошо знать здешние места.

— Вас интересует что-то конкретное? — Сергей на мгновение оторвался от дороги и посмотрел на Мишель.

— Меня интересует все. Я никогда не видела ничего подобного.

— То ли еще будет, — ответил Сергей и загадочно улыбнулся.

Вскоре они подъехали к супермаркету. Мишель очень хотелось задержаться в нем подольше. Она любила гулять по продуктовым магазинам в новых городах и странах, пробуя незнакомые продукты. Но сейчас она не решилась задерживать нового знакомого, мало ли, какие у него могут быть дела. Поэтому быстро взяла хлеб, молоко, немного разнообразных овощей и кусок мяса. Наверняка, около ее новой квартиры есть какой-нибудь продуктовый магазин, там-то она и докупит остальное.

— Недалеко от вашей квартиры есть хороший магазин «ГастрономЪ» этой же торговой сети, — пояснил Сергей, словно прочитав ее мысли. — Я сам там часто закупаюсь, очень рекомендую.

— Спасибо, обязательно зайду туда, — с благодарностью ответила Мишель.

— Вы почти ничего не взяли, — он кивнул на тележку.

— Никак не могу сообразить, что мне нужно, — покаялась Мишель. — А зря занимать ваше время не хочется.

— Этого добра у меня сегодня навалом, — рассмеялся Сергей. — Так что не стесняйтесь. Давайте сделаем еще круг по магазину, и вы спокойно решите, что вам нужно купить.

Мишель посмотрела на него, в надежде понять, были ли это просто слова вежливости или Сергей действительно готов потратить на нее свое время.

— Я совершенно серьезно, — покивал он.

И Мишель решила не отказываться от предложенной помощи.

Как итог, они потратили на покупку продуктов больше часа, зато теперь у Мишель было все. Сахар, крупы, чай и кофе, сыр и йогурты и еще много другого.

— Ну вот, сейчас я уверен, что от голода вы не умрете, — сказал Сергей, помогая упаковывать покупки.

— Я с удовольствием приглашу вас на ужин, — неожиданно для себя сказала Мишель, — но только не сегодня.

— Признаться, я и не рассчитывал. Понимаю, вам надо обжиться на новом месте. Кстати, на работу вам только

послезавтра, так что весь завтрашний день в вашем полном распоряжении.

Это был прямо-таки королевский подарок. Мишель тут же решила, что завтра, как только она распакует вещи, тут же пойдет знакомиться с городом.

— Квартиру вам выделили в центре, на проспекте Ленина, — продолжил Сергей. — Около городского парка.

— А до работы далеко?

— Километра два с половиной. Прямо по проспекту Карла Маркса.

— Какие у вас в городе названия улиц, — улыбнулась Мишель, — прямо, как в детстве.

Город ей нравился. Он не был похож на ни строгий, средневековый Таллинн, ни на древнюю Москву с ее варварским великолепием. Малоэтажные дома, прямые улицы, вроде и ничего особенного. Но было в Магадане что-то такое, что заставляло сердце стучать быстрее. Возможно, виной тому была природа, окружавшая этот город. Никогда до этого Мишель не видела столько простора и силы. А воздух? Чистый, звенящий от мороза. Кажется, будто хрустальный. Махни рукой — запоет.

— Вам у нас понравится, — повторил Сергей. — Здесь совершенно особенные места.

— Да, — согласилась Мишель, — особенные.

Дом ей приглянулся — четырехэтажный, с красивой башенкой. На первом этаже — банк и какие-то магазины, а через дорогу действительно парк.

— Моя квартира наверху? — предположила Мишель.

— Да, — немного удивился Сергей, — как вы догадались? Вы ясновидящая?

— Цыганка Аза, — пошутила Мишель.

— Мне уже начинать бояться?

— Не стоит. На самом деле все значительно проще, — пояснила она, — последние этажи просто преследуют меня. Там, случайно, не чердак?

— Помилосердствуйте, как можно, — шутя взмолился Сергей. — Вы к нам из самой столицы, а мы вас — на чердак? Никак нельзя.

— Вы сняли огромную тяжесть с моей души. А лифта ведь тут нет?

— Увы.

— Ничего, для здоровья полезнее, чтобы без лифта.

Серей припарковал машину, достал ее чемодан и скомандовал:

— Вперед! За продуктами я спущусь сам.

— Никак нельзя, — передразнила его Мишель.

— В любом случае, сразу мы все не поднимем, — возразил он.

— Тогда я возьму хотя бы пару пакетов, чтобы не бегать сто раз вверх — вниз по лестнице.

Квартира оказалась двухкомнатной, что для Мишель стало приятным сюрпризом.

— А вы как думали? — ответил на ее немой вопрос Сергей. — Все-таки столичная звезда….

— Прямо уж звезда.

— Наш главный, как узнал, что вы к нам приедете, все уши прожужжал: доктор Виннер, да доктор Виннер. Так что мы о вас наслышаны.

— Спасибо за добрые слова, — ответила Мишель, — но вы явно преувеличиваете мои более, чем скромные, заслуги.

— А я было понадеялся, что за комплименты меня напоят чаем, — расстроился мужчина.

— Всенепременно напою, — заверила его Мишель. — Вот только продукты занесем, и сразу поставлю чайник. Если он здесь есть.

— Найдем, — оптимистично заявил Сергей и стал спускаться вниз по лестнице.

16

Новая жизнь нравилась Мишель.

Нравился город, окруженный со всех сторон дикой, суровой природой. Нравилось гулять по проспекту Ленина, доходя до самого края города, и стоя у памятника Высоцкому, любоваться скованной льдом бухтой Нагаева. Нравилась больница, где она работала, и ее новые коллеги, принявшие ее хоть и настороженно, но по-доброму. Нравилась пожилая интеллигентная соседка, с которой они случайно столкнулись на лестничной клетке, поздоровались, познакомились, а потом и подружились. Нравились магазины, где продавались такие экзотические для Мишель продукты, как, например, пельмени из марала. Господи, как он хоть выглядит, этот марал? И очень нравился Сергей с его прямыми, безыскусными ухаживаниями.

Пожалуй, именно благодаря ему, Мишель так быстро освоилась на новом месте. И уже вовсю пила чай и шутила с коллегами во время обеда, здоровалась с продавцами в магазине у дома, помогала своей немолодой соседке донести продукты и строила планы, как на выходные, когда потеплеет, она обязательно поедет в санаторий «Талая». Об этой «Талой» на работе ей все уши прожужжали, и Мишель хотела увидеть знамений курорт Колымского края своими глазами.

А пока, до настоящей весны, она носила теплые свитера, радовалась, что так вовремя купила пуховик и ждала, ждала, ждала. Весны. Как чуда. С надежной, что с приходом тепла тоска по серым глазам трубочиста растает, как лед в Нагаевской бухте, и боль в левом подреберье пройдет, и она, Мишель, вздохнет, наконец, полной грудью и с удовольствием ответит на ухаживания Сергея.

Но столбик термометра каждый день поднимался все выше и выше, солнце уже грело вовсю, а днем слышно было, как стучит капель, а у Мишель ничего не менялось. По ночам ей все так же снился Михаэль, и одинаково не было сил ни смотреть эти выматывающие душу сны, ни проснуться.

Неожиданно родители прислали посылку. Мишель, распаковав коробку и посмотрев на ворох теплых вещей из шерсти альпаки, звонко рассмеялась — мама, несмотря на все ее заверения, что в Магадане потеплело, была уверена, что здесь стоят жуткие холода, и ее дочь отчаянно мерзнет. Среди вещей почему-то оказалась пряжа. Серая, с голубым отливом. Мишель, когда-то давно увлекавшаяся вязанием, прикинула на глаз и решила, что пряжи вполне хватит на большой шарф. Как раз для

высокого мужчины. Да, высокого мужчины с серыми глазами.

Сообразив, о чем, вернее, о ком, она опять думает, Мишель готова была надавать себе пощечин. Фыркнула рассержено и отложила пряжу подальше. Примерила один из свитеров и пошла звонить маме, прикидывая в уме, что там сейчас у родителей — утро или ночь. С этой разницей во времени она ужасно путалась и постоянно по нескольку раз перепроверяла, чтобы не ошибиться и не поднять маму с постели.

Подсчитав разницу во времени, Мишель поняла, что у родителей уже глубокая ночь и беспокоить их, даже для того, чтобы поблагодарить, будет форменным свинством.

Она решила отложить разговор на потом и стала собирать мамины подарки, тут же наткнувшись на пряжу.

Покрутила моток в руках, поднесла к лицу и вдохнула, словно надеясь вновь услышать такой желанный запах. Мята, дорогой табак, немного алкоголя. Разумеется, ничего такого не было и в помине. Пряжа пахла, как и должна была пахнуть — новой шерстью. Помимо воли у Мишель вырвался разочарованный вздох. И на что она надеялась, глупая?

А главное, что ей делать с этими нитками? Может, не мудрствуя лукаво, просто взять и подарить соседке?

«Утро вечера мудренее», — повторила про себя расхожую поговорку и отложила решение на завтра.

А завтра была суббота.

И утром, когда Мишель встала и варила себе кофе, пришел Сергей. Принес свежую булку к завтраку и предложил составить ему компанию для похода в краеведческий музей. Мишель сильно сомневалась, что Сергею так уж интересно было идти в этот музей, наверняка он там бывал уже не раз, но она была благодарна за заботу и согласилась. Тем более что принесенная Сергеем булка была еще теплой, и Мишель совершенно точно знала, что за выпечкой он заехал не куда-нибудь, а на хлебозавод. Именно там предпочитали покупать хлеб магаданцы. Мишель тоже старалась отовариться в магазинчике на хлебозаводе, но, к сожалению, это не всегда у нее получалось. Магазин был ей не по пути, приходилось делать внушительный крюк.

— С тебя кофе, — сказал Сергей, устраиваясь за столом на кухне. — И масло.

— Есть еще сыр, — гостеприимно предложила Мишель. — И сливки. Еще могу пожарить яйца.

— Спасибо, я уже позавтракал. Но от кофе и хлеба с маслом не откажусь.

Мишель налила ему кофе, нарезала булку и поставила на стол масленку. Села напротив Сергея, уже привычно наблюдая за

тем, как он намазал хлеб маслом и посыпал сверху сахаром.

Сергей был сладкоежкой и не скрывал своего пристрастия, наоборот, во всеуслышание шутил над собой, утверждая, что любовь к углеводам через пару лет сделает из него самого толстого человека в городе.

Тут он лукавил. Несмотря на слабость к конфетам и шоколаду, Сергей оставался подтянутым, чему немало способствовали часы, проведенные им в спортивном зале со штангой и прочими снарядами. Кстати, из всех лакомств, он предпочитал свежий хлеб с маслом и сахаром, объясняя, что подобная привязанность родилась у него еще в детстве и изменять ей он не намерен.

— У меня конфеты есть, — сказала Мишель.

— Конфеты это хорошо, но я лучше так, по старинке.

Они выпили кофе и отправились в краеведческий музей, где Мишель просто влюбилась в резьбу по кости. Это было какое-то чудо, до того изящно и красиво. И она с удовольствием зависала над каждым экспонатом, рассматривая мелкие детали рисунка. И именно в этот момент пришло решение — нельзя сдаваться своей паранойе. Если нельзя ее победить, то нужно возглавить. И на выходе из музея она спросила у Сергея:

— А где тут у вас можно купить спицы?

— Спицы? — переспросил Сергей немного удивленно.

— Да, спицы, — повторила Мишель и пояснила: — Для вязания.

— Ты вяжешь?

— Иногда, — ответила она уклончиво.

Не то, чтобы Мишель стыдилась своего давнишнего хобби, просто не хотела о нем говорить. Но Сергей продолжал смотреть в ожидании, и пришлось продолжить:

— Мама прислала удивительно красивую шерсть. Вот, хочу связать шарф.

И зачем-то пояснила:

— Себе.

Сергей почесал в затылке, подумал и заявил:

— Поехали искать тебе спицы. Не силен я в этих делах, но, думаю, если постараться, то можно будет найти что-нибудь подходящее.

И ей стало неудобно. Все-таки суббота, а она тащит человека незнамо куда, да еще за какими-то спицами. Вот приспичило ей.

— Давай, может, в следующий раз, — предложила Мишель.

— Шутишь? — весело спросил Сергей. — У меня появился шанс провести с красивой женщиной весь выходной день. Что я,

дурак что ли, от такой удачи отказываться? Поехали, моя машина стоит в твоем дворе.

Краеведческий музей, как и многое другое, находился неподалеку от ее квартиры, и сюда они, по настоянию Мишель, пришли пешком. Ей нравилось гулять. К тому же, после плотного завтрака организму требовались хотя бы минимальные физические нагрузки.

— В бассейн, что ли, начать ходить? — вслух задала она вопрос самой себе.

— Давай, — с энтузиазмом согласился Сергей. — Тем более что бассейн у тебя под боком, через парк. Будем плавать после работы, стресс снимать.

— Тебе-то зачем?

— Стресс снимать? — удивился Сергей. — Да у меня вся работа сплошные нервы. Это вы, хирурги, режете себе спокойненько, горя не знаете. А я, бедолага, все кручусь целыми днями, как заведенный. То — это для больницы выбью, то — то достану.

И он лукаво подмигнул.

— Ты же в зал ходишь?

— Зал это совершенно не то. Зал это для физической формы. А бассейн лучшее средство для расшатанной нервной системы, — авторитетно заявил Сергей.

Мишель не хотелось, чтобы он ходил с ней еще и в бассейн, но повода отказаться у нее не нашлось и прошлось согласиться.

Спицы они все же купили. Во втором или третьем по счету магазине. И хорошие спицы. Мишель, глядя на них, даже ощутила что-то вроде предвкушения. Она уже очень давно ничего не вязала, как-то не было времени и желания. А вот сейчас, рассматривая спицы, Мишель поняла, что с удовольствием займется давним хобби.

Сергей, наблюдая за тем, с каким предвкушением она смотрит на две деревянные палочки, соединенные тонкой леской, заметил вслух:

— Видимо напрашиваться в гости на вечерний чай не имеет никакого смысла.

— Прости, — они чуть виновато улыбнулась. — Я так давно не вязала, а сейчас захотелось, даже пальцы зудят.

— Тогда я не буду тебя отвлекать. Но в следующий раз ты так просто от меня не отделаешься.

— Обещаю, что в следующие выходные приглашу тебя на чай с пирогом.

— С вишневым пирогом? — уточнил Сергей.

— Если хочешь, будет вишневый, — заверила его Мишель,

прикидывая, где она возьмет вишню.

Наверняка даже в Магадане можно купить заморозку. Или лучше взять варенье?

— За пирог с вишней я готов отвезти тебя домой и покорно удалиться.

— Спасибо.

— И ты обязательно покажешь свою готовую работу, — категорично заявил Сергей.

— Покажу, — согласилась Мишель.

Они доехали до ее квартиры, Сергей по-джентельменски помог Мишель выйти из машины, проводил ее до подъезда и, пожелав приятного вечера, отбыл домой.

А Мишель, переодевшись в теплый домашний костюм, заварила себе чаю с лимоном и устроилась в кресле, предвкушая удовольствие. Но начать вязание не получилось, позвонила мама.

— Господи, — сказала Мишель, ставя телефон на громкую связь, — у вас же ночь в самом разгаре.

— Только час ночи, — поправила ее мама. — Как ты в своем Магадане? Сильно мерзнешь?

— Вообще не мерзну, — ответила Мишель. — А с твоими подарками никакие морозы мне не страшны. Спасибо, мамуль.

— Рада, что тебе понравилось.

— И пряжу я уже пристроила, — продолжила Мишель. — Вот спицы купила, буду взять.

— Какую пряжу? — удивилась мама.

— Как какую? Ты же сама ее в посылку положила.

— Никакой пряжи я не клала, — возразила мама. — Я же знаю, что ты уже не вяжешь.

— Тогда откуда она там взялась? Не сама же влезла.

— Постой, — сказала мама, — какого цвета пряжа?

— Серо-голубая альпака.

— Так вот куда она делась! — эмоционально воскликнула мама. — А я весь дом перерыла, никак не могу найти и голову сломала, куда же я могла ее засунуть.

— Мне в посылку, — рассмеялась Мишель.

— Остался твой отец без подарка, — вздохнула мама.

- Только не говори, что папа решил начать вязать.

— Нет, до этого, слава богу, еще не дошло. Это я хотела ему свитер связать.

— Мам, там пряжи — только на младенца.

— Серой — да, — согласилась мама, — но я купила разных цветов. Хотела разноцветный свитер сделать.

— Папе? — удивилась Мишель.

— Папе, папе, — подтвердила мама. — Ты не представляешь,

какие безумные сочетания цветов здесь в моде. Просто взрыв мозга. Для тебя я долго выбирала, искала, что поспокойнее, чтобы ты могла у себя в Магадане носить, а не в шкаф положить.

— Придется тебе еще пряжу докупать, — ответила Мишель.

— Да, с этой пряжей целая история. Ее у нас не продают. Нужно лететь в Куско, там очень хороший магазин пряжи, здесь такой нет. А та, что есть — подороже, все-таки столица.

— Хочешь, отправлю ее обратно? — немного расстроено предложила Мишель.

Она уже настроилась на вязание шарфа, но если с этой пряжей такие сложности, то Мишель отправит ее обратно матери на другой континент.

— Вот еще, — отмахнулась мама, — глупости какие. Лучше расскажи, что ты вязать-то собралась?

— Шарф. К моему пальто этот оттенок очень подойдет, — ответила Мишель.

— Господи, — вздохнула мама, — лето почти на носу, а ты в пальто и шарфе ходишь. В мае сапоги-то снимешь или все лето в них проходишь?

— Ма-аам, — протянула Мишель, — не нагнетай. Мне здесь нравится. И город, и люди.

— Вот о людях поподробнее, пожалуйста, — оживилась та.

— Коллеги хорошие, соседи приятные, — послушно стала перечислять Мишель, но маме явно было неинтересно слушать про коллег и соседей, она сразу перешла к делу:

— А кавалеры?

— Да нет у меня никаких кавалеров!

— Только не говори, что в столице Колымского края нет подходящих мужчин, — сказала мама. — А где же отважные охотники? Брутальные золотоискатели? Харизматичные геологи?

— Мамуль, ты насмотрелась фильмов. И судя по твоим вопросам, какой-то фантастики, — весело хмыкнула Мишель.

— Что, даже там нет настоящих мужчин? — расстроенно спросила ее мама. — А в больнице твоей тоже дефицит этого товара?

— Никакого дефицита, есть у нас мужчины, — ответила Мишель.

— Достойные? — оживилась мама.

— Смотря для чего, — неопределенно ответила дочь.

— Мало я тебя в детстве порола, — пришла к выводу мама.

— Ты меня вообще не порола.

— И, как теперь выясняется, очень зря. Очень сложно ответить единственной мамочке на такой простой вопрос?

Мишель застыдилась.

— Задавай свой вопрос, клянусь: отвечу, как на духу.

— За тобой уже кто-то ухаживает? — тут же спросила мама.

— Вроде, да.

— Это как?

— Мам, он ухаживает. Наверное. За мной сто лет никто, кроме Виннера, не ухаживал, и я могу неправильно понять.

— Он тебя куда-то приглашает? Говорит комплименты? Дарит цветы?

— Сегодня были с ним в краеведческом музее, а до этого он принес свежую выпечку мне на завтрак, — отрапортовала Мишель.

— А кто он?

— Заместитель главного врача нашей больницы, — послушно ответила она. — Зовут Сергей.

— Но он тебе не нравится, — догадалась мама.

— Нравится, — Мишень пожала плечами.

— Видимо не слишком сильно, раз ты рассказываешь о нем таким тоном.

— Каким таким?

— Не симулируй общую недоразвитость, — ответила мама. — Все ты прекрасно поняла.

— Мам, я не знаю, что тебе сказать, — ответила Мишель честно. — Он неплохой, но как-то…

— Как?

— Да никак.

— Ты не спеши, — посоветовала мама. — Присмотрись к нему получше. Может, и придется тебе по сердцу.

— Я и не спешу.

— Вот и молодец. Павел не звонил?

— С чего бы?

— Мало ли, — неопределенно ответила мама.

— Он что, тебе звонил? — спросила Мишель.

— Нет, с чего ты взяла?

— Ты сама начала о нем разговор. Мне он может и звонил, но московский номер я отключила. Ты же сама звонишь мне на магаданскую симку.

— Забыла, — ответила мама и зевнула.

— Иди спать, у вас поздно уже, — сказала Мишель. — Папе привет.

— Передам. Вот завтра проснется, тут же передам. Он еще ругать меня будет, что не разбудила его, он бы с тобой поговорил.

— Не надо его будить, — попросила Мишель. — Ему же наверняка рано вставать.

— Да, в шесть он выходит на пробежку, — подтвердила мама. — Спокойно ночи. И не спеши отшивать своего Сергея.

— Уговорила. Спешить не буду, присмотрюсь, — пообещала Мишель. — Спокойной ночи.

Она отложила телефон, потянулась и потрогала чашку — так и есть, чай успел остыть. Сходила на кухню, налила свежего чай и вернулась в гостиную, чтобы предаться давно забытому удовольствию.

17

Шарф был связан за четыре вечера, выстиран, высушен и отпарен по всем правилам вязального искусства. Замороженная вишня нашлась в супермаркете рядом с домом.

Приближались очередные выходные. В четверг Мишель была вызвана в кабинет к заместителю главного врача больницы.

— Привет, — поздоровался Сергей, как только она вошла и закрыла за собой дверь.

— Привет. Что-то случилось?

— По работе ничего, — ответил Сергей. — Просто хотел напомнить тебе, что с тебя вишневый пирог и демонстрация нового шарфа.

В его устах это прозвучало немного двусмысленно, как будто он предлагал Мишель продемонстрировать связанный ей шарф голой, в чем мать родила. Мишель сморгнула, решила, что намек ей показался и ответила, как ни в чем не бывало:

— Я помню. Вишня ждет своего часа в морозилке.

— В субботу вечером? Или в воскресенье?

Она прикинула: нужно будет убрать квартиру, сходить в магазин, испечь пирог и хоть немного, но привести себя в порядок. Все-таки ей гостя принимать. Сергей, правда, уже неоднократно бывал у нее дома, но вот так, по ее официальному приглашению, придет впервые.

— В субботу, — решила Мишель. — Часов в пять вечера. Тебе будет удобно?

— Удобно, — ответил Сергей и даже покивал, чтобы она не сомневалась. — Какое вино ты пьешь?

— Я вообще не пью, — слукавила Мишель.

Нет, одно дело пригласить его на вечерний чай и совсем другое — на бокальчик вина. Мишель ведь не наивная девушка, понимает: начнется с бокала вина, а закончится утренним кофе. Она, может, и против кофе утром в компании Сергея ничего не имела, но только если в промежутке он отправится к себе домой, а не решит заночевать в ее постели.

— Совсем? — уточнил Сергей.

— Абсолютно.

— Тогда придется довольствоваться чаем, — и он смешно сложил брови домиком.

Можно было предложить ему выпить бокальчик в одиночестве, но Мишель решила — пусть пьет в другом месте, от греха подальше. Никакой романтики, просто дружеская встреча.

Хотя она не очень верила в дружбу между мужчиной и

женщиной. Считала, что в такой дружбе всегда присутствует некий сексуальный подтекст. Но одно дело — подтекст, и совсем другое — переход дружбы в горизонтальную, так сказать, плоскость.

— У меня очень хороший чай, — заверила она Сергея. — И мама прислала мне мате де кока.

— Что прислала?

— Мате де кока, — повторила Мишель и пояснила: — Это чай из листьев коки.

— Звучит … интригующе, — заметил Серей. — Кока это же, кажется, наркотик? Кокаин, если я не путаю?

— Листья коки имеют такое же отношение к кокаину, как булочки с маком — к героину, — ответила Мишель.

— То есть кокаиновой вечеринки не будет? — пошутил Сергей.

— Даже не рассчитывай, — улыбнулась она и посмотрела на часы.

Через десять минут у Мишель должен был начаться прием пациентов, и она совершенно не собиралась заставлять себя ждать.

Поначалу Мишель опасалась, что Сергей будет заигрывать с ней на работе, и это создаст трудности в общении с другими врачами, но он вел себя предельно корректно, и в больнице ничем не демонстрировал, что симпатизирует Мишель больше, чем остальным своим подчиненным. Вообще не выделял ее среди сотрудников больницы.

На работе его любили. За профессионализм, деловую хватку и прекрасное чувство юмора. Он всегда мог поддержать добрым словом и хорошей шуткой после трудного дня, искренне болел за больницу и, по мере сил, старался помогать подчиненным в личных вопросах — устройство ребенка в детский сад поближе к работе, путевка в санаторий или такой нужный отгул. Сотрудники всегда могли рассчитывать на помощь заместителя главного врача при условии, что это не повредит работе. К тому же, он был привлекателен и холост, что поднимало его личный рейтинг в глазах работающих в больнице дам до заоблачных высот, даже если они были давно и глубоко замужем. Женщины, они такие женщины.

Мишель очень органично вписалась в коллектив. Ей нравились и главный врач — возрастная дама с манерами королевы — матери и железной хваткой белой акулы, и врачи ее отделения, по достоинству оценившие ее профессионализм и ровный характер, и медсестры, искренне старающиеся ей помочь, и даже санитарка тетя Валя, которая в первый же рабочий день

попыталась накормить Мишель пирожками с рыбой и довольно прозрачно намекнула, что у нее есть замечательный, к тому же, разведенный сын.

— Мне пора, — сказала Мишель, делая шаг к двери. — У меня прием начинается.

— Не смею тебя задерживать, — ответил Сергей. — До субботы.

— Завтра тебя не будет? — удивилась она.

— Завтра я должен быть в министерстве, — пояснил Сергей. — Боюсь, это может растянуться на весь день.

— Тебя вызывают? Что-то случилось?

— Нет, хочу договориться, чтобы нам выделили новое оборудование в инфекционный стационар, — ответил он.

— Тогда удачи тебе.

— До субботы, — Сергей поднялся из-за стола, подошел и распахнул перед Мишель дверь. — С нетерпением буду ждать дегустации пирога и чая из коки.

— Надеюсь, тебе понравится.

Мишель вышла из кабинета заместителя, прошла через приемную и отправилась на свое рабочее место. По дороге она напомнила себе, что обещала матери не торопиться и присмотреться к этому мужчине.

Субботний день получился немножечко безумным.

Началось все с того, что Мишель безбожно проспала. И уже это, само по себе, было удивительным. Она никогда, с тех самых пор, как ей исполнилось десять лет, не позволяла себе такого. А в этот раз так опростоволосилась!

Она проснулась с восхитительным ощущением полностью выспавшегося человека, взяла телефон и, только увидев время, подпрыгнула на кровати. Весь ее тщательно выстроенный план на субботний день грозил улететь к чертям.

Мишель буквально скатилась с кровати и побежала в ванную, умываться. Пока заваривался полезный зеленый чай с жасмином, она успела убрать постель, одеться и кое-как причесалась.

Потом попыталась сделать несколько дел одновременно: пропылесосить квартиру, выпить чай и написать список покупок. Удивительно, но у нее почти получилось. Во всяком случае, чай был выпит, а дом убран. Со списком возникли технические сложности, и Мишель искренне позавидовала неизвестным ей и науке в целом редким трехруким женщинам. Она бы сегодня тоже не отказалась иметь третью руку.

В магазине Мишель пронеслась, как смерч, между прилавками, тормозя у нужных продуктов и очень радуясь, что

Магадан город небольшой, здесь все, что называется, «под рукой».

В два часа пополудни квартира сияла чистотой, холодильник был забит продуктами на неделю, в духовке подходил вишневый пирог, а у Мишель появилось время привести себя в божеский вид. Особенно наряжаться она не собиралась, но сменила домашний костюм на джинсы и белую рубашку и собрала волосы в высокий хвост.

Ровно в одну минуту шестого зазвонил дверной звонок.

Мишель открыла дверь — на пороге стоял Сергей с букетом цветов в одной руке и красивым, ярким пакетов в другой.

— Добрый вечер, — Мишель посторонилась, пропуская своего гостя.

— Добрый, — Сергей улыбнулся и протянул ей сначала букет, а потом и бумажную сумку.

— Спасибо, — поблагодарила она, запоздало вспоминая, что у нее дома нет ни одной вазы.

Она собиралась купить, просто так, на всякий случай, но все руки не доходили. Кажется, в холодильнике стоит банка с маринованными огурцами. Если переложить огурцы в пластиковый контейнер, то цветы можно будет поставить в эту банку.

— С пустыми руками в гости ходить неприлично, — сказал Сергей, снимая пуховик. — Я принес тебе настоящих колымских деликатесов.

— И что там? — Мишель заглянула в пакет.

— Медвежья колбаса, колбаса из тюленя и домашние пельмени из оленины.

— Спасибо, — с оторопью поблагодарила Мишель.

А про себя подумала, что она не скоро решиться все это попробовать. Как-то не готова была Мишель лопать тюленя с оленем, не говоря уже о медведе.

— Проходи, — предложила она Сергею. — Я на кухне накрыла. Ты не против?

— Наоборот, — заверил ее Сергей, — я очень даже за. У тебя очень уютная кухня и пахнет оттуда божественно. Только никак не пойму, чем. Это пирог и что-то еще. Но что?

— Мясо потушила, — ответила Мишель. — Будешь?

— Боюсь, не смогу отказаться, — он улыбнулся. — Эти запахи меня искушают. Придется завтра провести в зале на пару часов дольше.

Они устроились за кухонным столом, и поначалу все было нормально.

Ровно до того момента, как Мишель подала на стол заказанный Сергеем пирог и поставила перед ним калебас с

обещанным мате де кока.

Сергей откусил кусок пирога, вдумчиво прожевал и попробовал напиток.

— Вкусно, — констатировал он. — Пирог вообще выше всяких похвал.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Мишель, делая глоток мате.

Сама она есть мучное не собиралась — судя по отражению в зеркале, Мишель успела наесть лишние два — три килограмма и собиралась решительно от них избавиться.

Сергей разделался с первой порцией, и она недрогнувшей рукой положила ему еще.

— Я лопну, — сказал он.

— Тебе придется съесть весь пирог, — сообщила ему Мишель и пояснила: — Я на диете, мне мучного нельзя.

— Смеешься, я все просто не осилю.

— Тогда я тебе его с собой упакую.

— Ты уже меня выгоняешь?

Мишель только головой покачала. Сергей съел и второй кусок, отказался от добавки, допил мате и выдал:

— Знаешь, я хочу с тобой поговорить.

— О чем? — спросила Мишель, убирая посуду со стола.

— Подожди, пожалуйста, — попросил Сергей, беря ее за руку. — Присядь.

— Что-то случилось?

— Ничего страшного. Просто хочу тебе кое-что сказать.

Мишель послушно села за стол, в душе проклиная и этот день, и пирог, и саму идею пригласить мужчину в гости.

А ведь все было так хорошо. И вот сейчас Сергей скажет что-то такое, что напрочь испортит их отношения. Не готова она к новому роману! Да и не уверена, что это ей нужно.

— Я тебя слушаю, — сказала Мишель, приготовившись.

Сергей не стал ходить вокруг да около, а начал с главного:

— Ты мне очень нравишься.

— Спасибо, — Мишель не нашла другого ответа.

— Я хотел бы с тобой серьезных отношений.

Мишель глубоко вздохнула, и Сергей продолжил:

— Я понимаю, что после развода тебе тяжело довериться другому мужчине. Но ты сама говорила, что прошло уже много времени. Возможно, тебе стоит рискнуть. Я хороший парень. Клянусь, ты не пожалеешь.

От такой прямоты Мишель невольно улыбнулась. Она сидела, вертела в пальцах бомбилью и мучительно пыталась придумать, как бы повежливее отказать Сергею. Нельзя встречаться с одним

мужчиной, будучи влюбленной в другого. Ничего хорошего из этого все равно не выйдет.

А потом она вспомнила свою последнюю поездку в Таллинн. Молодую женщину с белыми волосами и холодными голубыми глазами в квартире Михаэля, его машину, увозящую парочку в неизвестном направлении и то чувство мучительного одиночества, что овладело ею, когда она, прождав своего трубочиста, вернулась в гостиницу. Затекшую спину после бессонной ночи в подъезде и вещи, которые с презрительной ухмылкой передала ей якобы невеста Михаэля.

И контрольным в голову голос матери в телефонной трубке: не спеши, приглядись к нему.

Так может хватит витать в облаках и ждать чуда? Вот перед ней сидит хороший мужчина и признается в серьезности своих намерений.

В том, что Сергей хороший, Мишель не сомневалась. Возможно, в нем нет столичного лоска, как у Павла Виннера. Возможно, он не так брутален, как Михаэль. Он простой, милый, без затей. Будет покупать горячий хлеб, и кормить ее пельменями из оленины. Он покажет ей красоту Колымского края и познакомит с родителями. Починит кран в ванной, который что-то стал подтекать, а у Мишель почему-то никак не доходили руки вызвать сантехника. С Сергеем будет легко, просто и комфортно. Так, может быть права мама, и ей стоит дать ему шанс? Вдруг у них что-то получится.

«А если нет, что будешь делать? — задала она вопрос самой себе. — Вам же потом вместе работать».

«Уеду, — отмахнулась Мишель. — Подумаешь, дел-то. Опыт переезда в другой город у меня уже есть, а Россия страна большая, и везде нужны хорошие детские хирурги. В крайнем случае, улечу к родителям».

— Ты придумываешь, как послать меня к черту? — спросил Сергей, после паузы.

И она решилась.

— Нет, — ответила Мишель. — Просто я задумалась о том, что мне с тобой повезло.

****

— Мама приглашает тебя в гости, — сказал Сергей, когда они встретились на стоянке перед больницей.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Мишель прилетела в Магадан. Она совсем освоилась в городе, наладила свой быт и даже обзавелась машиной.

Пригонять свою из Москвы было глупо, покупать здесь

другую — расточительно, но Мишель, которая предпочитала передвигаться на личном транспорте, нашла — таки выход.

Через коллег она договорилась и взяла в аренду вполне приличного японца, с правым рулем, но достаточно шустрого. Конечно, аренда была дороговата, но, во-первых, у Мишель были сбережения. А во-вторых, арендовать все равно получалось дешевле, чем если бы она решилась купить автомобиль. К тому же, обслуживание автомобиля входило в стоимость аренды, что тоже было очень удобным.

Теперь она ездила на работу и по магазинам самостоятельно и с чистой совестью отказывалась от помощи Сергея. Не то, чтобы ей не нравилось его общество, просто иногда Мишель очень не хватало личного пространства. Сергей трогательно заботился о ней, но Мишель держала дистанцию, несмотря на то, что они встречались. Кажется, так это называется?

Они не стали любовниками — Мишель не хотела, а Сергей не настаивал, вел себя по-джентельменски, давая ей возможность привыкнуть к нему. На работе свои «особые» отношения они старались не демонстрировать, тем не менее, большинство персонала было в курсе того, что заместитель главного врача ухаживает на хирургом из Москвы. Но вот странное дело, даже многочисленные поклонницы Сергея не затаили зла на Мишель.

Весна уже вовсю вступила в свои права. В городе почти сошел снег и на деревьях стали пробиваться почки. Днем воздух прогревался до пяти градусов, и Мишель сменила пуховик на то самое зимнее пальто, в котором ездила в Таллинн. И это в мае месяце! Но она не унывала. Подумаешь, погода. Разве может такая мелочь расстроить ее?

— Мама приглашает тебя в гости, — терпеливо повторил Сергей еще раз и уставился на нее в ожидании ответа.

Мишель почувствовала себя загнанной в ловушку.

Сергей не в первый раз заводил разговор о необходимости ее знакомства с его родителями, но Мишель под разными благовидными предлогами удавалось избежать этой чести — быть представленной отцу и матери своего кавалера. Не хотела она с ними знакомится, но и обижать Сергея постоянными отказами было, по меньшей мере, некрасиво.

Да, не очень-то работал мамин совет — как Мишель ни старалась приглядеться, не помогало. Хороший парень Сергей был ей не нужен. Хоть плачь.

Гуляя по вечерам по городскому парку и кутаясь в серый пушистый шарф, Мишель пыталась убедить себя, что все у нее в порядке. Стерпится — слюбится. А пока не то, что не «слюбилось», но даже не «стерпелось». И когда наступит это

«стерпится» одному богу было известно.

Сергей стоял около своей машины и ждал, когда Мишель ему ответит.

— Это очень любезно с ее стороны, — нашлась она с ответом.

— Тогда предлагаю тебе ответить любезностью на любезность и согласиться.

— Да, — кивнула Мишель, понимая, что знакомства не избежать. — А когда?

— В выходные.

И Мишель вдруг вспомнила: в выходные ее не будет в городе, ура! Она, наслушавшись рассказов коллег о красотах Талой, забронировала себе номер на выходные на этом местном курорте.

— Я бы с удовольствием, — Мишель сделала грустное лицо, — но у меня путевка в Талую.

— Ты мне ничего не сказала.

Мишель чуть раздраженно нахмурилась — с чего это Сергей решил, что она будет рассказывать ему все о своей жизни? В конце концов, он ей кто? Сват? Брат? Муж? Да он ей даже не любовник!

— Как-то не представилось случая, — ровно ответила Мишель.

— Мама расстроится. Она так рассчитывала наконец-то увидеть тебя.

— Ну, я ведь еще не уезжаю, — пошутила Мишель. — Успеем познакомиться.

После ее слов Сергей нахмурился, но ее шутливый тон поддержал:

— Конечно.

****

До курорта Талая было около двухсот восьмидесяти километров, и Мишель рассчитывала добраться туда часа за три — четыре с учетом местных дорог. Сергей сделал попытку предложить себя качестве водителя, но Мишель сделала вид, что не поняла его намеков, и он деликатно отступил.

Она взяла с собой в дорогу пару бутербродов и термос с чаем. На всякий случай положила пачку сигарет. Выехала еще затемно, не забыв заехать на заправку. Мишель не хотелось остаться на трассе без бензина.

Играла музыка, ровно работал мотор. Мишель наслаждалась поездкой. Давно она не каталась вот так: с ветерком по шоссе. А впереди ее ждут два дня полного релакса — грязевые ванны, баня с бассейном, массаж и хорошая книга на десерт.

Где-то на середине пути ей пришла в голову мысль остановиться и позавтракать. Мишель притормозила на обочине,

достала бутерброды и налила себе в кружку горячего чая, попутно ругая себя за то, что забыла захватить в дорогу лимон. С удовольствием поела, потом вышла из машины и закурила.

В кармане завибрировал телефон. Мишель достала гаджет и посмотрела на экран — звонила мама.

— Привет, — обрадовалась родительнице Мишель.

— Здравствуй, родня, — тепло отозвалась мама. — Звоню, чтобы узнать — как дела у моей единственной дочери?

— Замечательно, — искренне ответила Мишель. — Еду отдыхать на курорт.

— У вас там даже курорты есть? — удивилась мама.

Но когда Мишель стала подробно рассказывать то, что знала о Талой, мама ее перебила:

— Дорогая, тут такое дело…

— Что случилось? Что-то с отцом?

— Нет. Ничего не случилось. Просто сначала мне позвонил твой бывший муж, — ответила мама.

Мишель так удивилась, что не сразу обратила внимания на слово «сначала».

18

— А что Павлушке надо было от тебя?

Она так и назвала бывшего — Павлушка, чего никогда не позволяла себе раньше. Виннер ненавидел, когда его так называли, и раньше Мишель даже в мыслях не позволяла себе обижать мужа.

— Он горел желанием высказать тебе свои претензии, — ответила мама. — Но поскольку твой московский телефон выключен, а магаданского номера у него нет, Виннер решил, что я смогу заменить тебя и выслушать его возмущенные вопли.

— Его надежды были напрасны? — хмыкнула Мишель.

— Могла бы даже и не спрашивать, — подтвердила мать ее догадку.

— А по какому поводу претензии? Он наконец-то удосужился составить список всех моих прегрешений за пять лет нашего идеального брака? — поинтересовалась Мишель.

— Не знаю, как по поводу списка твоих прегрешений, до него мы в разговоре не дошли, но из его эмоциональных выкриков я с трудом смогла вычленить только одно: его буквально затерроризировал своими звонками некий твой знакомый.

— Какой знакомый? — дрогнувшим голосом спросила Мишель и ощутила жгучее желание сделать сразу несколько вещей: глотнуть воды, закурить еще одну сигарету и присесть, потому что ее ноги в единый миг отказались держать свою хозяйку.

— Ну, Павлик, — тут мама презрительно хмыкнула, выражая свое отношение к бывшему зятю, — утверждал, что речь едет о твоем любовнике.

— О ком?!

— А у тебя так много любовников, что сразу не можешь понять, о каком из них идет речь? — вовсю развеселились ехидна — мать.

— Мама! — с отчаянием в голосе прикрикнула на родительницу Мишель.

— Не мамкай, — продолжала развлекаться за ее счет мама.

Мишель почувствовала, что у нее от волнения совсем не осталось сил и прошептала в трубку:

— Пожалуйста…

— Даже так? — удивилась мама и сжалилась: — Твой знакомый из Таллинна.

— Михаэль?!

— Он измучил твоего бывшего звонками, прямо телефонный

террорист. Настоящий горячий эстонский парень.

— Зачем ему Павел?

— А у него тоже нет твоего магаданского номера, вот он и пытался выудить твой новый номер из Павлушки, — начала подробно докладывать мама. — На десятый раз Павел и рад бы был уже поделиться информацией, но, увы, сам не располагал такой ценностью. В общем, Виннер в грубой форме послал твоего эстонца, куда Макар телят не гонял, и отправил его в «черный» список. Но злость и обида на твоего знакомого, тебя и всю ситуацию в целом требовали выхода, и он решил позвонить мне. Я — то телефонный номер не меняла и от бывших мужей и любовников не прячусь.

Мишель запретила себе анализировать слова матери, она даже не хотела задумываться о них, иначе до курорта она сегодня не доберется, так и застрянет на трассе, посередине пути, поэтому только и смогла выдавить из себя:

— А дальше?

— Дальше? — весело переспросила ее мама и продолжила свой эпический рассказ: — Дальше было еще веселее. После того, как я послала Винннера с его претензиями к тебе, а заодно и к нам с отцом, как к твоим родителям, дескать, плохо мы тебя воспитали, к чертям собачьи, я выпила пятьдесят граммов коньяка в целях возвращения себе душевного равновесия…

— Мам, а можно ближе к делу? — взмолилась Мишель.

— Можно, — милостиво разрешила родительницы. — Я решила тебе ничего не говорить, мало ли, что у Павла за сексуальные фантазии. Ты, как врач, сама знаешь, какие могут быть осложнения после пневмонии. Может, у него повреждения мозга?

— Мама!

— Вчера в Фейсбуке некто Михаэль Адамсон в самых изысканных выражениях задал мне вопрос: а не знаю ли я детского хирурга из Москвы Мишель Виннер? Я бы, скорее всего, просто удалила чат, даже отвечать не стала бы, но вовремя вспомнила, что в своих довольно бессвязных выкриках, Пашка упоминал имя Михаэль. Так что сопоставила и поинтересовалась: откуда господин Адамсон из Таллинна знает мою единственную и горячо любимую доченьку? Так я узнала краткую историю вашего с ним знакомства.

— Что он хотел?!

— Тебя, — просто ответила мама. — А за неимением тебя, готов был согласиться на твой новый номер, но тут уже я была не согласна. Кстати, ты бы проверяла свои соцсети. Уверена, что там у тебя полный завал из его сообщений.

— Ты не дала Михаэлю мой номер?

— Конечно, нет. Кто он такой, чтобы я раздавала твои координаты? Может, он маньяк? Или ты специально от него прячешься?

Мишель не стала отвечать на риторический мамин вопрос, а из всего ее пылкого монолога сделала только один, самый важный для себя вывод: Михаэль ей не позвонит!

— Не слышу никакой реакции, — сказала мама чуть обеспокоенным тоном. — Миша, ау!

Мишель только всхлипнула в трубку.

— Миша не хнычь, — заявила мама. — Бери ручку и записывай.

— Что записывать? — с тоской спросила Мишель.

— Номер телефона своего Михаэля, конечно же, — ответила мама. — Твой я ему не дала, но его номер записала и клятвенно пообещала передать тебе. Что и выполняю оперативно, учитывая нашу разницу во времени.

— Мне не на чем записывать, — растерялась Мишель.

— Иногда ты бываешь ужасно бестолковой, моя любимая девочка. Значит так, ты пять минут посиди, можешь даже покурить. Успокойся и поезжай в эту свою, Малую.

— Талую, — поправила Мишель.

— Пусть будет Талую, — великодушно «разрешила» мама. — Я пришлю тебе его номер сообщением. И ради бога, перед тем, как ему звонить — посмотри на часы. Между Магаданом и Таллинном не такая разница во времени, как у нас с тобой, но она тоже есть. Все. Целую. Папе передам от тебя привет.

И мама повесила трубку.

Сердце билось так сильно, будто хотело разорвать грудную клетку и выпрыгнуть на свет божий. Она даже прижала ладонь к груди, пытаясь то ли проверить — не сломаны ли ребра, то ли удержать рвущееся наружу сумасшедшее сердце.

Михаэль нашел ее! Но зачем? Он женился? Или, быть может, передумал?

Мишель устроилась в машине и посмотрела на часы. Попробовала вспомнить: какая у них с Таллином разница во времени? Попыталась посчитать, и ничего не получилось. Сколько надо отнимать? Девять часов или десять? В любом случае, звонить Михаэлю уже поздно. Или еще рано?

Голова шла кругом, мысли путались, даже пальцы заледенели.

«Нужно взять себя в руки и ехать дальше», — велела она самой себе.

И куда ей теперь — назад, в Магадан или продолжить путь в Талую?

Мишель решила последовать совету матери и прикурила еще одну сигарету, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться. Курить не хотелось, она просто держала зажженную сигарету в пальцах, наблюдая за тлеющим табаком. Пахло вишневым дымом. Именно этот запах помог Мишель взять себя в руки — окурок был решительно выброшен в окно, мотор заведен, и она продолжила путь. В Талую. Отдохнуть, подумать и дождаться, когда у Михаэля наступит утро.

Еще никогда она не ездила так дисциплинированно. Мишель вдруг испугалась, что на дороге с ней может что-то случится, и это что-то помешает поговорить с трубочистом.

Спидометр показывал шестьдесят километров в час, редкие машины обгоняли ее японца. Казалось, водители даже притормаживали и удивленно смотрели на ее машину, проверяя — не случилось ли чего, не нужна ли ей помощь.

Мишель вела машину и поглядывала на экран телефона — ждала, когда мама пришлет номер Михаэля. Умом она понимала — делать так опасно, но ничего не могла с собой поделать. Ей до зареза нужно было увидеть номер его мобильного, чтобы убедиться, что разговор с матерью ей не привиделся, и Михаэль на самом деле разыскал ее маму и оставил свои координаты.

«Заселюсь в номер, тут же проверю все социальные сети», — пообещала она себе.

У Мишель, как и у всякой современной женщины, были аккаунты в популярных социальных сетях. Только времени на то, чтобы там сидеть, не говоря уже о том, чтобы что-то постить, у нее никогда не хватало.

А переехав в Магадан, она не только отключила свой московский номер, но и окончательно забросила все свои страницы. Другая жизнь — другие правила. Зато Мишель успела перечитать массу книг, которыми зачитывалась еще в юности, и даже открыла для себя пару новых авторов. А теперь выясняется, что иногда все же стоит высовывать нос наружу. Глядишь, Михаэль нашел бы ее раньше.

Спустя три часа она бросила дорожную сумку на кровать в одноместном номере. Было уже начало первого дня, а значит у Михаэля ночь в самом разгаре. Он сейчас спит и видит десятый сон.

«Интересно, он один?» — мелькнуло у нее в голове.

Мишель решила, что не будет сейчас думать об этом. Все равно ничего путного она не надумает, только накрутит себя понапрасну.

Чтобы хоть как-то отвлечься, было решено посмотреть свои страницы. Увы! Связи не было. Она несколько раз перезагрузила мобильный, и все напрасно. Тут же захотелось вернуться в город. Там и мобильная связь и интернет. Но Мишель волевым решением запретила себе паниковать. Для начала нужно спуститься к администратору и выяснить, что здесь случилось со связью.

Дородная и в меру приветливая дама за стойкой в холле заверила Мишель, что это всего лишь временные перебои и предложила, пока не появится сигнал, прогуляться по территории, осмотреть окрестности или сходить в баню.

Гулять не хотелось — пока будут заняты ноги, голова рискует лопнуть от переполняющих ее мыслей. Достаточно мусолить одно и тоже. И Мишель поднялась номер, взяла купальник и отправилась в баню. Горячая парная и холодная купель не только помогут ей скоротать время до вечера, но и хорошенько прочистят мозги.

Пока она отдавала должное местной парной и бассейну, связь восстановилась, и Мишель, в халате и с полотенцем на голове, расположилась на диване в комнате отдыха.

Ей принесли пузатый чайник, расписанный яркими цветами, варенье и сушки. Мишель плеснула себе в чашку из чайника, и по комнате поплыл чудесный аромат свежезаваренного чая с мятой — самое то, что нужно после бани.

В Директе было полно сообщений. Она и не подозревала, что такому количеству народа есть до нее дело. Прокручивая сообщения, и давая себе установку обязательно на них ответить, Мишель искала, искала, искала. И, наконец, наткнулась.

Михаэль Адамсом прислал ей ровно пятьдесят одно сообщение.

Трубочист не стал ходить вокруг до около, начал с главного:

«Я знаю, что ты приезжала ко мне».

Второе сообщение пришло через семь минут после первого:

«Все, что тебе обо мне рассказали — неправда.»

Еще через десять минут:

«Не могу до тебя дозвониться.»

Через два часа:

«Почему у тебя выключен телефон?»

На следующий день:

«Что случилось?»

«Что у тебя с телефоном???»

«Я не могу сейчас приехать в Москву.»

«Миша!!! Как мне тебя найти????»

И еще несколько десятков сообщений на ту же тему с кучей

восклицательных и вопросительных знаков. Мишель даже не подозревала, что спокойный с виду, Михаэль способен на такой взрыв эмоций.

И последнее:

«Я вынужден позвонить твоему бывшему мужу. Иначе не знаю, как тебя найти.»

И ведь позвонил. А что из этого вышло, и как они пообщались с Павлом, Мишель уже в красках рассказала мама.

«Все, что тебе обо мне рассказали — неправда», — крутилось у нее в голове.

Это значит, что белокурая Илзе ей соврала? Она ему не невеста? Но ведь Мишель своими глазами видела, как они целовались!

«Можно подумать, что целуются только женихи с невестами, — возразила Мишель сама себе. — Да и что такого я видела? Девушка сама повисла она нем. А он …. Ответил на ее поцелуй? Но я стояла далеко и точно сказать не могу. Потом трубочист увез ее куда-то. Нам надо поговорить и все выяснить».

Весь день прошел, как на иголках.

Когда в Таллинне было около восьми утра, Мишель решила, что достаточно ему спать и набрала номер, присланных ей матерью.

На звонок долго никто не отвечал, и Мишель, не отнимая трубку от уха, заметалась по комнате. Когда она совсем было отчаялась услышать голос Михаэля, тот взял трубку.

— Да? — спросил немного сонно.

В горле застрял огромный ком, и Мишель схватилась за шею и сглотнула в попытке избавиться от него.

— Это я, — только и смогла выдавить из себя.

— Миша!

Она кивнула, как будто Михаэль мог ее видеть.

— Миша! Это ты?

У нее словно бы отнялся язык.

— Пожалуйста, — взволнованно сказал Михаэль, — скажи, что это ты!

Его голос дрожал, и акцент стал намного заметнее.

— Миша, не молчи. Что случилось? Ты не можешь говорить?! — продолжал допытываться ее трубочист.

Мишель сглотнула и с усилием ответила:

— Могу.

Собственный ее голос звучал тихо и сипло, будто бы она разучилась говорить.

— Это правда ты? — с облегчением выдохнул Михаэль.

— Да.

— Точно ты? — допытывался он.

Мишель глубоко вдохнула, медленно выдохнула и ответила более или менее связно:

— Да. Это точно я.

— Наконец-то, — звенящим от радости голосом произнес Михаэль. — Господи, неужели ты действительно позвонила?

— Позвонила, — согласилась она и вдруг почувствовала, что щеки стали мокрыми.

Мишель дотронулась до лица — так и есть, из глаз текут слезы. Она шмыгнула носом в надежде, что Михаэль этого не услышит, но у него оказался острый слух. Или это она так громко всхлипнула?

— Миша, ты что? Плачешь? Не смей плакать! Слышишь? Я тебя нашел!

— Кто еще кого нашел, — попыталась она пошутить.

— Согласен. Но я нашел твою маму.

— Да. А до этого довел до истерики бывшего мужа.

— Кто же виноват, что он у тебя такой нервный? — судя по голову, Михаэль улыбался.

— Не у меня, — возразила Мишель. — У меня вообще никого нет.

— Как это нет? — возмутился трубочист. — А я?

— А ты жениться собрался.

— Да какое жениться! Это все неправда, понимаешь?!

— Я сама все видела, — упрямо гнула свое Мишель.

— Что ты видела?

— Тебя и эту, твою Илзе. Белоснежную, голубоглазую, как Снежная королева.

— Илзе не моя, — твердо ответил Михаэль. — Я все тебе объясню. И ты мне объяснишь: какого черта сбежала, ничего не сказав. Даже номера телефона не оставила.

— Прости, — покаянно попросила Мишель. — Я такая дура! Ты даже не представляешь, какая!

— Вот и расскажешь мне об этом подробно, — сказал трубочист и спохватился: — Ты где, вообще? Почему телефонный номер такой странный?

— А мама разве не сказала?

— Твоя мама может дать фору любому Штирлицу. Ничего она мне не сказала, как я ее ни просил и ни убеждал в своей благонадежности.

— Я в Магадане.

— Где???

— В Магадане, — повторила Мишель, удивленная его бурной реакцией.

— Что ты там забыла?!

— Я теперь тут живу. И работаю. В детской областной больнице.

Возникла пауза, видимо Михаэль пытался переварить ее новости. Надо отдать ему должное — в себя он пришел довольно быстро, гораздо быстрее, чем сама Мишель от того, что наконец услышала его голос.

— Хорошо, что в больнице, — сказал Михаэль после паузы. — Боюсь, сообщение о том, что ты поехала на Колыму мыть золото, убило бы меня окончательно.

Он шутил, и Мишель почувствовала, как ее отпустило.

— Нам надо поговорить, — сказала твердо.

— Обязательно поговорим, — согласился Михаэль. — Вот вернусь, и поговорим.

— Откуда вернешься? — ее голос дрогнул.

— Миша, я в Норвегии, — извиняющимся тоном ответил Михаэль.

— Что ты там делаешь?

— Тоже, что и ты в своем Магадане, — ответил он. — Работаю.

— И надолго?

— Через два месяца вернусь домой.

— Но как же…., - растерялась Мишель.

— Вот как-то так. Ты на Колыме, я в Норвегии.

— И как же нам встретиться? — спросила Мишель.

— Давай я вернусь в Таллинн, и мы решим, — предложил трубочист.

— Через два месяца?! — прозвучал возмущенный вопрос.

— Через два месяца. Я постараюсь прилететь пораньше, но ничего обещать не могу. Миша, ты только не пропадай больше, хорошо?

— Не пропаду.

— Два месяца пролетят незаметно, — продолжал уговаривать ее Михаэль, как будто она была маленьким ребенком.

Его ласковый тон невольно заставил ее улыбнуться.

— Конечно, — согласилась она.

— И сохрани, ради бога, мой номер, — взмолился Михаэль. — И свой телефон не выключай. Я чуть с ума не сошел, пока тебя искал.

— А я чуть с ума не сошла, когда тебя нашла, — напомнила ему Мишель.

— Я буду звонить тебе каждый день, — пообещал Михаэль, проигнорировав ее слова. — И писать тоже буду. А ты обязательно отвечай. Договорились?

— Договорились, — согласилась Мишель.

Конечно, она будет ему отвечать. И сама будет писать. И звонить. А два месяца на самом деле пролетят быстро, и они что-нибудь решат. Нужно только еще немножечко подождать.

Так начался их телефонный роман.

19

Михаэль

Ему по жизни как-то не очень везло с женщинами. Никаких трагедий, роковых страстей и разбитого сердца. Ничего такого, просто не складывалось.

Первые серьезные отношения случились с ним на последнем курсе университета. Они познакомились случайно, в шумной и веселой компании общих друзей, таких же беззаботных обормотов, каким был, вернее, каким хотел быть Михаэль. Правда, у него это плохо получалось. Еще на втором курсе Михаэль стал усердно подрабатывать, ему неловко было просить денег у родителей, тем более, у бабушки. В самом деле, в мужике роста под два метра, а он стреляет у мамы с папой деньги на презервативы. Так вот, Михаэль нашел работу, и на студенческие пирушки перестало хватать времени.

Но однажды, в его последнюю университетскую весну, Михаэля занесло к друзьям, и там он встретил ее. Молоденькая девушка, окончившая художественное училище и почему-то именующая себя дизайнером, как-то сразу привлекла к себе его внимание.

Они были совершенно разными, странно даже, что между ними завязались отношения.

Девушка очень быстро перебралась с вещами в его маленькую съемную комнатенку. И поначалу все у них было хорошо. Настолько хорошо, что Михаэль даже стал задумываться о женитьбе.

А чего ждать? Зачем искать чего-то еще, если вот она — красивая, добрая и любит его. Не умеет готовить? Да и бог с ним. Научится, а если нет, то Михаэль и сам может сварить себе кофе, поджарить яйца или сварить пельмени. А когда станет совсем невмоготу, можно сходить в гости к родной бабуле. Уж она-то не только накормит единственного и горячо любимого внука, но еще и с собой положит столько еды, что им с подружкой хватит на несколько дней.

Они продержались полгода, пока Михаэль не застал свою почти невесту в компании какого-то незнакомого парня при весьма компрометирующих обстоятельствах. Соперник отделался сломанным носом, девушка с вещами отправилась по месту постоянной регистрации, а Михаэль полночи убирал комнату и вынес на помойку почти всю мебель. Все равно она стала непригодна для дальнейшего использования. Естественно, что

при таких обстоятельствах ни о какой свадьбе речи уже не шло.

Несколько лет Михаэля вполне устраивали необременительные отношения с барышнями, тем более что недостатка в желающих скрасить досуг привлекательного и щедрого молодого человека не было.

Вторая попытка создать ячейку общества случилась ближе к тридцати, когда Михаэль уже был успешным бизнесменом.

Она была помощником его партнера. Познакомились в офисе, понравились друг другу, стали встречаться. Через год решили жить вместе.

Это была очень спокойная жизнь. Утром совместный завтрак, потом Михаэль отвозил ее на работу, чтобы вечером забрать и привезти назад. По дороге домой они заезжали в магазин за продуктами. В те дни, когда Михаэль был занят допоздна, она добиралась самостоятельно, что-то готовила, накрывала на стол и ждала его. Он приезжал, иногда далеко за полночь, когда его женщина уже спала, смотрел на полный еды холодильник, выглаженные рубашки, начищенные до зеркального блеска туфли, и думал о том, что ему повезло.

По субботам она занималась хозяйственными делами, а в воскресенье они ездили на пляж, если позволяла погода, или в гости. Иногда, в кино или театр.

Секс у них был два раза в неделю по пятницам и субботам. В другие дни она отговаривалась тем, что назавтра им обоим рано вставать.

Через год такой размеренной жизни Михаэль готов был выть и бегать по потолку от тоски. Когда она завела речь о свадьбе и детях, у него от ужаса волосы встали дыбом. Связать себя с этой женщиной на всю жизнь? Нет, только не это.

И самое главное, он ведь понимал, что она чувствует к нему тоже самое. Ей так же тоскливо с ним, как и ему с ней. Так зачем же им тогда жениться? Чтобы потом, через год — другой, развестись?

Михаэль представил себе, как он будет делить свое нажитое непосильным трудом имущество с женой, и понял, что не готов к такому подвигу.

Да, пусть его посчитают меркантильным, но отдавать половину всего, что он заработал потом и кровью, женщине, прожившей с ним несколько лет, он категорически отказывался. Разделить активы, приобретенные за годы совместной жизни — возможно. Назначить достойное содержание — пожалуйста. Но половина имущества — перебор.

— Зачем тебе это, — спросил он, когда она в очередной раз озвучила желание выйти за него замуж и произвести на свет

наследника, — ты же меня не любишь?

Она ничего не ответила, только обиженно пожала плечами и ушла в другую комнату.

Расстались они тоже как-то не очень. Практически традиционно, Михаэль застал свою женщину с любовником, когда так не вовремя, с ее точки зрения, вернулся с работы. А ведь всего лишь заскочил в обед за забытыми в спальне документами.

На этот раз обошлось без драки. Михаэль просто спустил с лестницы незадачливого любовника, в чем мать родила, а его вещи выбросил в окно под отчаянно громкие вопли женщины. Заодно он узнал о себе очень много нового, и прежде всего то, что он сам во всем виноват.

Это заявление его настолько поразило, что он позволил ей прожить в доме еще неделю, пока не найдется подходящее жилье. Три дня они провели под одной крышей, на четвертый Михаэль не вынес радости общения и переселился в свой офис, где прожил еще четыре дня, пока бывшая невеста паковала чемоданы и переезжала на новое место жительства.

На этом его попытки обрести семейное счастье были если не окончены, то отложены на неопределенное время. Никаких трагедий. Жизнь как жизнь.

Ближе к сорока жизнь устоялась, и менять в ней что-либо желания не было.

У него был интересный бизнес, приносящий достойную прибыль. Михаэль не соврал: в далеком детстве он мечтал о море, представляя себя капитаном Бладом, отважным покорителем Мирового океана. Реальность выглядела совершенно по-другому, и у Михаэля обнаружилась сильная морская болезнь, что напрочь перечеркнуло его детскую мечту. Но он не стал отчаиваться и в конце концов связал-таки свою жизнь с морем.

Стал заниматься морскими перевозками. Поначалу грузовыми, чуть позже еще и пассажирскими. И теперь был владельцем весьма преуспевающей компании, перевозящей многочисленных туристов из родного Таллина в страны Скандинавии и дальше. Дела шли прекрасно, что позволило Михаэлю приобрести апартаменты в Старом городе, буквально в пяти минутах ходьбы от Рийгикогу.* Пока молодой, но очень перспективный дизайнер, а по совместительству младшая сестра друга и бывшего сокурсника, разливалась соловьем, описывая, как она оформит комнаты, включая детскую (надо же думать о перспективе!), Михаэль обошел помещение, сопоставил свои возможности со своими желаниями и сообщил барышне, что стены нужно снести, а получившийся лофт оформить просто,

добротно и без особых изысков.

Девушка — дизайнер, услышав подобное, пару минут приходила в себя и удивленно хлопала глазами, а потом, после того, как Михаэль вслух высказал мысль, что может нанять другого дизайнера, если его идеи для девушки неприемлемы, пришла в себя и полностью одобрила все его предложения.

В итоге получилась настоящая берлога старого холостяка, с кабинетом, камином в гостиной зоне и нишей, оборудованной под спальню. Кирпич, натуральное дерево и немного камня. И никаких дамских штучек и детских комнат, что его вполне устраивало. Кстати сказать, с дизайнером они даже подружились, насколько это вообще было возможно между мужчиной и женщиной с разницей в возрасте в десять лет, и Михаэль с удовольствием рекомендовал ее своим знакомым.

Женщины в его жизни присутствовали всегда, любви не было и в помине. Да и не хотел Михаэль этой любви. Может, не верил в нее. А может, считал, что не нужны ему такие потрясения.

… За тайные мучения страстей, за горечь слез, отраву поцелуя…*

Нет, это определенно не для него. Гораздо проще было встречаться с очередной знакомой, желательно где-то на нейтральной территории, два — три раза в неделю, для здоровья, как говорится. Периодически выводить ее в театр или ресторан, иногда брать с собой в гости к многочисленным приятелям. Удобно, и никакой головной боли.

Со своими женщинами Михаэль был честен: постель не повод для женитьбы или, не дай бог, рождения ребенка. Всегда строго соблюдал правила контрацепции, был щедр и в меру галантен. Дамы его любили. Он любил дам. Все по-честному.

А потом произошел случай, запустивший сложную цепочку событий, приведших Михаэля к встрече Нового года в компании незнакомой женщины.

Несколько лет назад, под Новый год, один его приятель нарядился трубочистом и в таком вот образе отправился гулять по городу. Его костюм имел бешенный успех как у детей, так и у многочисленных взрослых, заполонивших улицы Старого города за день до Нового года.

Проведя несколько часов на улице, бесконечно фотографируясь с незнакомыми людьми и выслушивая их самые заветные желания, приятель устал и замерз, как собака. По дороге домой он зашел погреться в кафе, где и познакомился с женщиной, впоследствии ставшей его женой. Встретились они тридцатого декабря, а свадьбу сыграли спустя одиннадцать месяцев, в начале следующего декабря. Именно с тех самых пор,

приятель настоятельно рекомендовал всем знакомым холостякам подобный маскарад как лучшее средство для поиска идеальной жены.

Это было пять лет назад. И вот на юбилее свадьбы, приятель, слегка перебрав горячительных напитков, привязался к Михаэлю: почему же тот до сих пор не женился? Неужели не нашел еще свою единственную?

Михаэль, тоже не совсем трезвый, сообщил, что причина его одиночества кроется в отсутствии костюма трубочиста. На что приятель ехидно ответил, что, мол, не хватит у Михаэля ни смелости, ни задора пройтись по улицам города в таком костюме и познакомиться с привлекательной женщиной.

Слово за слово, разгорелся спор. Возможно, если бы в их компании был кто-то более трезвый, все закончилось бы по-другому. Но пятилетний юбилей семейной жизни это не шутка, все были хоть немного, но подшофе.

Друзья поспорили. Михаэль стоял на том, что тридцатого числа, переодевшись в трубочиста, выйдет в город и познакомится с дамой. Счастливый муж, обнимая свою не менее счастливую супругу, заверял, что у Миха кишка тонка для таких авантюр. Они удалили по рукам.

Наутро, протрезвев и вспомнив вчерашнюю договоренность, Михаэль понял, что попал. Отказаться от спора, не прослыв при этом слабаком, не было никакой возможности. Именно поэтому тридцатого декабря он, напялив на себя черную куртку с золотыми пуговицами и прихватив другой необходимый реквизит, вышел на улицы Старого города.

Никогда до этого дня он так остро не ощущал себя в центре внимания. Трубочист на улицах Старого города, да еще тридцатого декабря, произвел настоящий фурор. Каждый стремился если не загадать желание, то хотя бы сфотографироваться с ним. Особенно радовались его появлению дети.

В обычной жизни Михаэль детей опасался, они казались ему инопланетными созданиями, и он старался избегать общения с ними. Но в тот день все было по-другому, все-таки канун Нового года. Когда малышня, разодетая в цветные костюмчики, окружила Михаэля, пытаясь дотянуться до заветных пуговиц фирменной куртки трубочиста, он понял, что не в силах противиться этому натиску. А через какое-то время даже стал получать удовольствие от происходящего.

Взрослые были не лучше детей, и Михаэль выслушал не одно заветное желание, пытаясь припомнить: нужно ли произносить желание вслух или достаточно только погладить золотую

пуговицу.

Будучи в центре внимания, он не забывал зорко поглядывать по сторонам, присматривая подходящую кандидатуру для знакомства.

Нет, никаких серьёзных намерений у него не было, но спор с закадычным приятелем выиграть хотелось. Тщетны были его усилия: тридцатого декабря, как назло, привлекательных одиноких женщин на улицах Старого города не наблюдалось. Он уже почти поставил крест на пари, когда появилась Мишель.

Нет, конечно, тогда он не знал, как ее зовут. Просто толпа вокруг него схлынула и перед Михаэлем оказалась удивительно привлекательная молодая женщина в белом пальто, как Снегурочка из его далекого детства. Она удивленно смотрела на Михаэля, чуть приоткрыв рот, потом сделала шаг ему навстречу.

Никто и никогда не смотрел на него с таким трогательным любопытством, и Михаэль поневоле ощутил волнение и какое-то странное предвкушение чего-то очень-очень хорошего. Это было так неожиданно, что он немного растерялся, и от этого ляпнул первое, что пришло в голову:

— Вы тоже хотите меня потрогать?

Щеки незнакомки опалило ярким румянцем. В голове Михаэля мелькнула мысль, что после подобного двусмысленного вопроса женщина сочтет его пошляком и уйдет. Чтобы как-то загладить первое впечатление и отвлечь незнакомку от собственного глупого вопроса, Михаэль широко улыбнулся и произнес:

— Не стесняйтесь. Разве вы не знаете, что нужно подержаться за мою пуговицу и загадать желание?

Она хотела уйти, это было видно невооруженным глазом. Действительно, зачем этой красивой женщине знакомство с развязным трубочистом? Михаэль еще пытался придумать, как бы ее остановить, когда она неожиданно ответила:

— Знаю.

— Тогда я в вашем распоряжении, — ответил он быстро, чтобы не дать ей передумать.

Она шагнула к нему, дотронулась до пуговицы и закрыла глаза. Неужели это красивая, серьезная женщина с грустными глазами действительно загадывает желание? Она верит в байку про трубочиста?

А незнакомка так и продолжала стоять, прикрыв глаза и поглаживая золотую пуговицу, будто лаская ее кончиками пальцев. Михаэль наклонился к ней и спросил, почти касаясь губами розовой ушной раковины:

— Загадали?

Она посмотрела в его глаза и ответила:

— Да.

— Ваше желание обязательно сбудется, — пообещал, в полной уверенности, что победа в споре уже лежит у него кармане.

Но не тут-то было. Незнакомка не торопилась завязывать с ним знакомство.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она. — С наступающим вас.

И сделала шаг назад. Михаэль предпринял последнюю попытку выиграть спор.

— Может быть, у вас есть еще одно желание? Не стесняйтесь.

Прежде, чем ответить, она на мгновение задумалась.

— Нет. Мне достаточно.

Ему не оставалось ничего другого, как отступить.

— Тогда хорошего вам дня.

Она кивнула и, поправляя капюшон, отошла от него. Завертела головой, словно искала кого-то. Кого? Мужа? Друга? С кем эта красивая женщина приехала, чтобы провести новогодние праздники? Михаэль заинтересованно следил глазами за незнакомкой.

Но, странное дело, никто не спешил ей навстречу. Женщина еще раз оглядела площадь и зашагала в сторону одного из многочисленных кафе. Но на пороге, словно почувствовав его взгляд, она обернулась и одними губами произнесла:

— Спасибо.

И Михаэля накрыло острым чувством сожаления, что знакомство так и не состоялось. Но что делать? Он вежливо наклонил голову, будто прощаясь.

_____

* Рийгикогу — Государственное собрание Эстонской республики.

* "Благодарность" М.Ю. Лермонтов

20

В маленькой пивной неподалеку от Ратушной площади собралась компания, ждали только Михаэля. Когда он появился, все еще переодетый трубочистом, друзья радостно загомонили.

— Ну что, Мих? Тебе удалось повторить мой подвиг? — поинтересовался тот самый приятель, с которым Михаэль поспорил.

Признаваться в поражении было досадно, но ничего не поделаешь — надо.

— Увы, — он картинно развел руками, — мне сегодня не повезло.

— Да ладно, — не поверил приятель, — чтобы ты, и не нашел подходящую красотку и не свел с ней знакомство? Ни за что не поверю. Признайся, ты что-то от нас скрываешь?

Прежде чем ответить, Михаэль махнул рукой, подзывая официанта и, когда тот подошел к их столику, заказал себе кружку тёмного пива.

— Так что, — продолжил допытываться кто-то из друзей, — ты не похвастаешься своими успехами?

— Да оставьте вы человека в покое, — раздался звонкий женский голос. — Из-за вашего дурацкого спора Михаэль весь день провел на улице. Он устал, в конце концов.

Голос принадлежал Илзе, тому самому талантливому дизайнеру, оформившего его чердак. Она как-то удивительно гармонично влилась к их компанию, куда однажды попала благодаря своему брату — бывшему сокурснику Михаэля. Мелькнула раз, другой, на третий задержалась, а потом стала частью их компании.

Михаэль знал, что нравится ей как мужчина, но всячески демонстрировал полное непонимание и даже некоторую недоразвитость, чтобы не касаться скользкой для него темы взаимоотношений.

Илзе была красивой, настоящая Снежная королева, недостатка в поклонниках не испытывала, но упорно отвергала все ухаживания, пребывая в надежде, что однажды ей все же удастся заполучить Михаэля. Пока же ее попытки завязать с ним нечто большее, чем приятельские отношения, неизменно терпели неудачу.

Иногда Михаэль задавал себе вопрос: чем его не устраивает молодая, привлекательная и неглупая женщина? И, как ни старался, не мог на него ответить. Вот не лежала у него душа к Илзе, и все.

— Конечно, мамочка, — ответил ей приятель. — Как скажешь.

— Но все-таки интересно, — встрял кто-то еще, — неужели не нашлось никого подходящего, а, Мих?

Михаэль отпил свое пиво, промокнул губы салфеткой и спокойно ответил:

— Нашлась.

— Оу, — оживились друзья, — и как?

— Да никак, — раздраженно отмахнулся Михаэль от любопытствующих. — Перекинусь парой слов, и она ушла.

Почему-то говорить о незнакомке, даже с друзьями, было неприятно, и Михаэль пожалел, что начал этот разговор.

— И ты отпустил?!

— А что я должен был сделать? — раздражение усилилось. — Связать ее и насильно привести сюда?

— Для начала, пожалуй, попытаться узнать ее имя, — возразил приятель и, заметив как Михаэль нервно дернул уголком рта, продолжил: — Впрочем, я не в накладе.

— Еще бы, — опять включилась в разговор Илзе, — ты выиграл ящик виски.

— Который наш друг Михаэль привезет нам на Новый год, — ответил приятель. — Да, Мих?

— Привезу, — согласился Михаэль. — Завтра вечером.

Он допил пиво и решил выйти, покурить. Подхватил чёрную куртку, которую снял, когда устроился за столом, проверил сигареты и зажигалку.

— Пойду, покурю, — сказал, поднимаясь из-за стола.

— Тебе заказать еще пива?

Михаэль отрицательно помотал головой — пиво он не очень любил, предпочитал виски или коньяк. Но сегодня ничего крепкого пить не хотелось, а сидеть трезвенником в пивной было, с его точки зрения, довольно глупо. Он с удовольствием бы выпил кофе, но кофе здесь был не очень. Лучше подождать до дома и выпить кофе на собственной кухне.

Он вышел на улицу, поежился от холодного ветра с залива, поднял воротник куртки и прикурил.

— Угостишь сигаретой? — спросила Илзе, выйдя следом за ним.

Михаэль чуть поморщился — ему хотелось побыть одному, а Илзе иногда вела себя чересчур навязчиво. Но демонстрировать неудовольствие не стал, помешало воспитание. Поэтому он просто протянул ей пачку сигарет.

— Не прикуришь? — спросила Илзе. — Такой сильный ветер, боюсь подпалить волосы.

Вместо ответа Михаэль чиркнул зажигалкой, поднеся огонек к ее лицу.

— Ты сегодня особенно любезен, — обиженно сообщила ему Илзе, прикурила и закашляясь. — Ненавижу табачный дым.

Ее сигарета полетела в сторону.

— Так может, тебе не стоит курить? — спросил Михаэль, равнодушно наблюдая за тем, как женщина, потуже запахнув белую шубку, тряхнула волосами и встала так, чтобы в свете фонаря смотреться более выигрышно.

— Почему ты мне грубишь? — Илзе уткнула носик в пушистый мех.

— Тебе показалось, — возразил Михаэль, затягиваясь сигаретой.

— И ничего не показалось, — возразила она запальчиво. — Ты или грубишь, или не обращаешь на меня никакого внимания.

Михаэлю совершенно не хотелось с ней спорить, поэтому он счел нужным извиться перед женщиной.

— Прости. Устал и сам не знаю, что говорю.

— Много работы? — заботливо спросила Илзе.

— Как всегда, — он пожал плечами.

— Тебе надо больше отдыхать. Наверняка же ты совсем не высыпаешься.

— Посижу еще немного с ребятами, да и пойду домой, — ответил Михаэль.

— Хочешь, я провожу тебя до дома? — оживилась Илзе. — Нам ведь по пути.

В этот раз ему с большим трудом удалось сдержать раздражение.

Михаэль представил себе, как они идут с Илзе по темным улицам, и она отчаянно намекает, что ему просто необходимо пригласить ее на чашечку кофе со всеми вытекающими из нее последствиями. Потом они будут долго стоять у двери его дома. Илзе — в надежде добиться — таки приглашения, Михаэль — мысленно проклиная себя за то, что не смог отказаться от прогулки и горячо надеясь, что у этой женщины хватит такта отступить.

— Давай я лучше вызову тебе такси, — внес он встречное предложение. — Уже поздно, а у тебя завтра полно дел. Ведь так?

— Так, — улыбнулась Илзе. — Хочу встать пораньше и приготовить что-нибудь вкусное. Ты что любишь?

— Я? — искренно удивился Михаэль.

— Ты, — кивнула она.

— А при чем тут я?

— Ну, ты же будешь что-то есть в новогоднюю ночь.

— Подожди, — решил внести ясность Михаэль, — ты собираешься встречать Новый год с нами?

— Почему нет?

— Не думаю, что наша компания подойдет молодой женщине, — обтекаемо ответил Михаэль.

— Еще как подойдет.

Она дождалась, когда Михаэль затушит и выбросит окурок, и подошла к нему близко-близко. Положила руку на его грудь, сомкнула пальцы на золотой пуговице.

— Можно мне загадать желание? — спросила, привстав на носочки.

Михаэль понял — поцелуя не избежать. На секунду мелькнула трусливая мысль расслабиться и получить удовольствие. Потом он представил себе, как может расценить это его «расслабиться» Илзе, и сделал шаг назад.

— Поздно уже, — сказал, убирая ее руку со своей куртки. — Пора по домам.

Они вернулись в зал под внимательными взглядами друзей. Илзе тут же улыбнулась загадочно, Михаэль сделал вид, что ничего не заметил. Пока она устраивалась за столиком, подошел к барной стойке и расплатился за всю компанию. У них было принято платить по очереди.

— Ну что, — подходя к столу, спросил у друзей, — пора по домам?

— Да ладно, время еще детское. Посидим, выпьем еще по кружке.

— Тогда без меня, — ответил Михаэль. — Пойду спать. Устал, как собака.

Попрощался с друзьями, пожал всем руки.

— Подожди, — остановила его Илзе. — Я пойду с тобой.

Михаэль достал телефон и вызвал ей такси, убивая этим сразу двух зайцев: и домой ее отправит, и избежит очередного не нужного разговора.

Ему повезло, машина приехала буквально через минуту. Михаэль галантно распахнул перед Илзе дверь. Она не спешила садиться в машину.

— А поцелуй на ночь? — спросила и вытянула губы бантиком.

— В следующий раз, — недальновидно ответил Михаэль и тут же пожал о сказанном.

— Ловлю тебя на слове, — игриво произнесла Илзе и села-таки в машину.

Михаэль дождался, когда такси скроется из вида, и пошел в

сторону своего дома. Жаль, что не удалось познакомиться с той женщиной на площади.

Возвращаясь домой, Михаэль думал о том, что ему давно уже не шестнадцать, да и не двадцать, и даже не тридцать лет, а он все еще встречает Новый год в компании друзей.

Почему-то именно в этом году мысль о шумной вечеринке не радовала, скорее даже наоборот, раздражала. Возможно это оттого, что там будет Илзе. В последнее время она словно с цепи сорвалась и устроила на него настоящую охоту, будто он был ценным призом, этаким редким зверем, которого молодая женщина решила во чтобы то ни стало захомутать.

«И повесить мою голову на стене в спальне», — хмыкнул про себя Михаэль, представив себя, болтающимся на стене и, почему-то, с роскошными, ветвистыми рогами.

«Чур, меня, чур!»

С Илзе надо было что-то делать, как-то поговорить, объяснить, но Михаэль не хотел и не умел объясняться с дамами. Ему проще было избегать неудобных разговоров. Но как избежать, например, встречу Нового года? Прямо хоть не ходи никуда, честное слово.

Он стал обдумывать идею провести новогоднюю ночь в собственном доме, в компании самого, так сказать, близкого человека. А что? Можно дождаться двенадцати, послушать, как бьют часы на Ратушной площади, пропустить стаканчик виски и спокойно лечь спать в родную постель. И никакой тебе Илзе, да и утреннего похмелья удастся избежать. Прекрасная мысль.

Именно в этот момент Михаэль заметил впереди себя, в неровном свете фонарей белую фигуру. Отогнав мысль о каком-нибудь приведении, попробовал присмотреться повнимательнее. Не то, чтобы его очень интересовало, кто идет перед ним, просто людей на улицах почти не было, а те, что встречались, шли шумными компаниями. Одинокий человек поневоле привлекал к себе внимание и заставлял задумываться о том, что Михаэль в эту предновогоднюю ночь не оригинален в своем одиночестве.

Под очередным фонарем стало ясно — фигура принадлежала женщине. Михаэль чуть замедлил шаг, решив не пугать даму своими габаритами. Да и вообще не пугать. А то, мало ли, какая попадется нервная особа, еще поднимет крик на весь квартал. И проведет он эту ночь в полицейском участке, доказывая, что он, Михаэль Адамсон, законопослушный гражданин, а не серийный маньяк или извращенец.

Но, как оказалось, дама ему попалась не из разряда пугливых.

Пока Михаэль стоял в темноте, ожидая, когда она отойдет

подальше, женщина остановилась, развернулась на сто восемьдесят градусов и, чуть замявшись, решительно шагнула в его сторону. Но и этого ей показалось мало. Она включила фонарик на телефоне и направила луч Михаэлю в самое лицо. Ему ничего другого не оставалось, как зажмуриться и прикрыть глаза ладонью.

— Вы? — услышал он удивленное восклицание.

— Я, — покорно согласился Михаэль.

Женщина убрала фонарик и спросила заинтересованно:

— А зачем вы за мной идете?

Михаэль открыл глаза и попытался разглядеть свою собеседницу.

Судя по голосу она молода, а по вопросу — еще и самоуверенна.

— Вы так думаете? — спросил он весело. — Что я иду за вами?

— Ну, да, — последовал немного растерянный ответ. — Вы же идете…

Ему, наконец, удалось разглядеть ее лицо, и Михаэль не поверил своим глазам.

Да этого просто не может быть. Перед ним стояла та самая женщина, с которой ему так и не удалось познакомиться на Ратушной площади сегодня днем. Неужели такие совпадения возможны?

— Иду, — подтвердил Михаэль.

— Зачем?

Ее вопрос окончательно развеселил Михаэля. В нем было такое живое любопытство и совершенно искреннее непонимание, что Михаэль не мог не поиздеваться.

— А что, все жители этого города ходят за вами? Или только его мужская часть?

Переговариваясь, они вышли на более освещенный участок, и он окончательно удостоверился, что глаза его не обманули. Это была она, незнакомка в белом пальто с грустными глазами.

Женщина уже догадалась, что их встреча — просто невероятное совпадение, а не результат его слежки за ней. Ей явно стало неудобно за учиненный допрос.

— Простите, я сказала глупость.

Он понял, что сейчас, если ничего не предпринять, они просто разойдутся, пожелав друг другу спокойной ночи и хорошего нового года. И больше уже никогда не встретятся. И придется ему завтра ехать к друзьям, отбиваться от Илзе и пить шампанское, которое Михаэль откровенно недолюбливал.

Надо срочно что-то придумать. Что-то такое, чтобы заинтересовать эту красивую женщину. Михаэль постарался включить все свое обаяние, шагнул поближе и разве что не промурлыкал:

— И какую?

— Решила, что вы идете за мной, — пояснила незнакомка, чуть отклоняясь назад.

— А если вы не ошиблись? — продолжал очаровывать ее Михаэль. — Вдруг я действительно шел за вами?

— За мной?! Но зачем? — искренне, без тени кокетства спросила она.

— Хотел пригласить вас к себе, — выдал Михаэль и сам удивился своей прыти.

Зачем? А если она согласиться? Впрочем, нет, не согласится. Она не похожа на даму легкого поведения, да и на искательницу приключений не тянет.

Но незнакомка не спешила возмущенно отказываться. Она зачем-то уточнила:

— На крышу?

— Почему на крышу?

— А где живут трубочисты?

— Да в разных местах, — ответил он. — Я живу в доме неподалеку.

— Так вы шли домой? Или все-таки преследовали меня?

— Скажем так, — ответил ей Михаэль, — все совпало. Я шел домой и увидел вас. И теперь приглашаю вас к себе.

Она не торопилась с ответом. Стояла, смотрела на него и думала. О чем? Решала, стоит ли ему доверять? Вспоминала, если ли у нее презервативы в сумочке? Придумывала, как объяснит свою задержку мужу или другу, или с кем там она приехала в Таллинн?

Почему-то ждать ее ответа было тяжело и волнительно. И Михаэль не выдержал:

— Ну, так как, принимаете мое приглашение?

Она еще чуть — чуть потянула паузу, словно окончательно не могла ни на что решиться. А потом:

— Принимаю.

Ее ответ одновременно и обрадовал и разозлил Михаэля. Так кто она, эта Снегурочка? Неужели искательница приключений, решившая скоротать часок — другой с симпатичным незнакомцем?

Так и не придя ни к какому окончательному выводу, Михаэль предложил даме руку.

— Прошу вас.

— Благодарю, — ее ладонь легла ему на локоть.

Они пошли дальше, по направлению к его дому.

— Вы действительно живете неподалеку? — спросила она, все еще сомневаясь в правдивости его слов.

— Да, буквально пять минут хода.

Дальше шли молча. Она явно не знала, о чем еще спросить, он не решался ничего говорить, боясь, что женщина передумает и откажется от приглашения. В нескольких метрах от его дома, незнакомке пришло в голову уточнить:

— Вы живете один?

— Один, — подтвердил Михаэль, про себя удивляясь ее доверчивости. Или все-таки отчаянной глупости?

Вот так, почти ночью, пойти неизвестно куда неизвестно с кем? Будь она его сестрой, он бы ее выпорол за такие проделки.

Михаэль достал ключ и открыл входную дверь.

— Придется подняться на самый верх. Здесь нет лифта, — предупредил он.

— Все-таки вы живете на крыше? — отозвалась она.

— На крыше живет Карлсон. И не в Таллинне, а в Стокгольме. Мой дом на чердаке.

Женщина нервно рассмеялась. Михаэль смотрел на нее и думал, что если она сейчас откажется от его приглашения, он не отпустит ее просто так. Нет, он не маньяк, приставать не будет. Но обязательно проводит до дома, потому что у нее есть все шансы влипнуть в какую-нибудь неприятную историю.

Ему хотелось, чтобы она передумала, ведь тогда он бы точно знал, что незнакомка не ищет одноразовых связей. Но и хотелось, чтобы она пошла к нему, потому что в те пять минут, пока он вел ее к дому, Михаэль успел разглядеть ее и понять: он хочет эту женщину.

Но он все еще давал ей возможность передумать.

— Идем? — спросил, распахнув перед ней дверь.

Похоже, она для себя уже решила, что проведет этот вечер с ним.

— Идем, — она уверенно вошла в его дом.

21

Судя по тому, как незнакомка замерла в коридоре, его лофт произвел впечатление.

— Проходите, — Михаэль указал на зону гостиной, — я сейчас разожгу камин.

— Благодарю.

И женщина стала снимать ботинки.

Михаэль пошел на кухню, пытаясь на ходу придумать, чем ему угощать ночную гостью и как себя с ней вести.

В его доме давно уже не было женщин, можно сказать, что их тут не было вообще, не считая Илзе, которая под разными благовидными предлогами изредка наведывалась сюда да уборщицы, приходящей пару раз в неделю.

Наверное, нужно предложить ей что-нибудь выпить. Но что именно? Вина? Шампанского? Он решил не мудрствовать лукаво и достал бутылку старого, доброго виски.

— Проходите, не стесняйтесь, — крикнул и бросил в стаканы по паре кубиков льда.

Она несмело вошла на кухню, огляделась.

— Виски? — спросил Михаэль, разливая янтарную жидкость по стаканам.

Незнакомка стояла в дверях, и не торопилась отвечать. Ее взгляд переходил с предмета на предмет, отмечая каждую мелочь: рисунок натурального дерева на шкафах, лично подобранный им, большой медный таз на длинной ручке, висящий на стене — Михаэль помнил его с детства, бабушка варила в нем варенье, белые чашки тонкого фарфора, расположившиеся на полке у плиты.

— Виски, — решил за нее Михаэль.

— Да, — согласилась женщина. — Спасибо.

Она явно не так представляла себе жилище бедного трубочиста. Интересно, ей понравился его дом?

— У вас разрыв шаблона? — он протянул ей стакан.

— Вы думаете? — незнакомка пригубила виски.

— Богатая московская стерва решила осчастливить бедного эстонского работягу, — бросил он пробный шар.

Ему было безумно интересно, что заставило эту красивую и интеллигентную на вид женщину пойти с первым встречным. Его слова и тон, каким они были произнесены, покоробили гостью, она поставила недопитый стакан и отступила в сторону коридора. Михаэль чувствовал, что перегибает палку. Умом понимал, нужно остановиться, но его, что называется, понесло.

— Я оказался недостаточно беден, чтобы удостоиться вашего высочайшего внимания?

— С чего такой вывод? — вопросом на вопрос ответила женщина.

— Какой именно? — уточнил Михаэль, делая глоток виски. — Что вы стерва? Или что богатая?

Она смотрела прямо в его глаза, словно стараясь разглядеть там что-то очень важное. Кивнула.

— Ваше пальто стоит около двух тысяч евро, — зачем-то сказал Михаэль.

Его рука нырнула под распахнутое пальто, погладила тонкую ключицу, спрятавшуюся под нежным кашемиром.

— Итальянский кашемир? Или шотландский? Вечно я их путаю.

Вместо того, чтобы скинуть его руку, она завороженно ответила:

— Итальянский.

— Еще пятьсот евро.

— Триста, — уточнила его гостья.

— Брали на распродаже? — с издевкой поинтересовался Михаэль.

И тут же понял — его вопрос оказался последней каплей. Незнакомка ощутимо хлопнула его по руке и заявила:

— Мне пора.

То, что она решилась уйти, а еще больше то, что показала ему границы дозволенного, почему-то обрадовали Михаэля.

— Торопишься?

— Да.

Она запахнула пальто и шагнула в сторону выхода.

— Тогда зачем пришла? — спросил ей в спину. — Нервы захотелось пощекотать?

Она замерла, натянутая, как струна. Будто решала какой-то важный для себя вопрос А ему до судорог хотелось, чтобы женщина осталась.

— Тогда не смею тебя задерживать, — подстегнул ее к действию.

Спина дрогнула и стала еще более прямой. Он подумал, что перегнул палку, и теперь она, наверняка, уйдет.

— Я передумала, — ответила гостья, вернулась на кухню, взяла свой стакан и залпом выпила все содержимое.

— Неужели? — весело спросил Михаэль, стараясь не выдать истинных чувств. — Решила все-таки остаться?

— Решила, — сказала она с вызовом.

Он подошел к ней так близко, что ощутил, как бешено бьется

ее сердце. Смотрел ей в глаза, пытаясь разгадать, почему она пошла с ним. Что с ней случилось? Почему эта женщина, вместо того, чтобы послать его к черту или просто вежливо отговориться поздним временем, стоит на его кухне и хрустит кусочком льда. Такая независимая, гордая и несчастная. Именно несчастная, он не мог ошибиться. Внезапная догадка заставила его задать вопрос:

— Ты мстишь ему? Или что-то хочешь доказать себе?

По тому, как лихорадочно забилась жилка на ее шее, по чуть сузившимся зрачкам, по участившемуся дыханию он сделал вывод, что не ошибся с предположением.

— Кто он? Муж? Жених? Любовник?

Она приподнялась на носочки и шепнула ему в губы:

— Уже никто.

И пока Михаэль пытался сообразить, как ему ответить, незнакомка обняла его за шею по прижалась губами к его рту.

Он колебался всего лишь несколько секунд, а потом ответил на ее поцелуй.

Эта ночь стала для него самым большим позором за всю его жизнь.

Никогда еще Михаэль не чувствовал себя так омерзительно. Он хотел эту женщину. Хотел быть с ней. Хотел, чтобы ей с ним было хорошо. Но, как ни старался, она осталась равнодушной. Нет, ее тело отвечало на его прикосновения и поцелуи, телу нравилось то, что делал с ним Михаэль. И все же он был довольно опытным мужчиной и понимал, что удовольствие тела, это еще не все. Чистая механика. А того волшебства, которое рождается между мужчиной и женщиной, когда секс это не только физиология, но и чувства, мысли, души, если угодно, не случилось.

Незнакомка в его руках была словно раненная птица. Михаэль делал все, чтобы оживить, вылечить эту птицу, но все усилия были тщетны. Он вовремя это понял и постарался поскорее закончить, едва убедившись, что женщина испытала оргазм.

Она порывалась встать и уйти, чего он никак не мог допустить. Это было бы уже совсем за гранью.

— Поздно уже, — остановил ее Михаэль. — Ложись и спи.

Она послушно, словно маленькая девочка, вернулась в кровать. Это выглядело так трогательно, что он поневоле улыбнулся и накрыл ее шерстяным пледом. Плед ужасно кололся, Михаэль знал об этом, но ничего теплее у него в доме не было, а ему почему-то хотелось согреть свою гостью. Он открыл окно, впуская свежий морозный воздух, убедился, что женщина, уютно

устроившись на кровати, закрыла глаза, и пошел на кухню. Свой позор нужно было как-то пережить.

Михаэль устроился за столом, размышляя, чем же его так зацепила эта женщина.

Красивая, конечно. Но были в его жизни и покрасивее, и, хоть это и грубо звучит, помоложе. Да и в постели поактивнее. Но хотелось именно ее. И не так, чтобы один раз, а потом: до свидания, бэби. Хотелось надолго. И чтобы она улыбалась. И горела в его руках ярко — ярко, куда там звездам на ночном небе Таллинна.

Михаэль глянул на часы. Вот уже и тридцать первое декабря, канун Нового года. Как-то незаметно прошел еще один год его жизни. Удачный, тут грех было гневить бога. Дела шли отлично, его счета пополнялись. И работа по-прежнему приносила ему радость. И дом у него был — полная чаша. Бабушка жива и здорова. В общем, все хорошо. Так откуда же это странное ощущение, что что-то проходит мимо? Что-то очень важное. И может быть, эта женщина и есть это важное?

Дойдя до подобной мысли Михаэль печально усмехнулся, допил виски и пошел в душ. Если в голову лезет всякая ересь, нужно идти спать. Утро вечера мудренее.

Выйдя из душа, Михаэль натянул пижамные штаны и осторожно, стараясь не потревожить, лег в кровать рядом с женщиной. Только тут он сообразил, что так и не узнал ее имени. Докатился! Как это говорят особо продвинутые граждане? Постель не повод для знакомства? Ему это фраза всегда казалась верхом пошлости, и вот что получилось.

«Утром все исправлю», — пообещал себе он, обнял сладко спящую женщину и погрузился в сон.

Но выспаться ему не удалось. В четыре утра пиликнул входящим сообщением мобильный телефон. Михаэль прочитал сообщение и скривился, будто съел сразу несколько лимонов. С одним из паромов возникли серьезные проблемы, требующие его прямого вмешательства.

Он тихонько встал, быстро собрался и поехал в офис.

«Вернусь и поговорим.»

Но когда в половине седьмого утра Михаэль вошел в дом, оказалось, что его ночная гостья уже ушла.

Михаэль заварил себе кофе, нарезал сыра, поджарил яичницу. Чтобы ни случилось, но поесть нужно. Проблема на работе так и не была решена, он заскочил только, чтобы увидеть свою Снегурочку, а значит, нужно возвращаться в офис и работать, работать, работать. И когда у него получиться поесть в

следующий раз, совершенно непонятно. Так что, хочешь — не хочешь, жуй, господин Адамсом, и проглатывай.

Целый день он крутился, как белка в колесе. Когда дело было сделано, Михаэль прикинул, что нужно заехать домой за проспоренным спиртным и можно отправляться к друзьям.

Прикинув, что ему еще тащиться за город, а потом принимать участие в общем безудержном веселье, он горестно вздохнул. И почему нельзя перенести первое января на неделю попозже? Он бы как раз все успел, а заодно попробовал бы отоспаться и настроиться на праздник. А если задержаться в кабинете, выпить еще кофе, а потом постараться попасть в пробку, возможно появиться в гостях после полуночи? Или вообще позвонить, сказать, что не может вырваться?

Отогнав от себя малодушные мысли, Михаэль с хрустом потянулся и поднялся с кресла. Проверил, выключил ли он компьютер, достал из шкафа дубленку, нашарил в кармане ключи от машины и вышел из кабинета. В офисе было темно и тихо, он отпустил подчиненных еще до обеда, все-таки Новый год почти что на носу, у всех семьи, дети, дела, подарки и предновогодняя суета.

Он невероятно быстро доехал до дома и оставил машину на стоянке. Знакомое белое пальто топталось у входной двери. Но удивительное дело, пальто было не само по себе. К нему еще прилагалась вчерашняя знакомая (точнее, пока незнакомая) и куча разнообразных пакетов в ее руках.

— Решила вернуться? — спросил Михаэль, ощутив как суматошно забилось сердце.

Ее звали Мишель.

И это было неожиданным, странным и каким-то мистическим совпадением. Она действительно пришла к нему, чтобы вместе встретить Новый год. И принесла закуски, салаты и даже торт, собственноручно ею же испеченный. И это тоже было очень странным. Михаэль давно уже не встречал женщин, которые готовили бы сами. Кроме бабушки, естественно. Зачем тратить время и стоять у плиты, если полно ресторанов и магазинов, продающих готовую еду?

Еще она шутила, смеялась и вела себя в его лофте так, будто была у себя дома. И почему-то его это ни чуточки не раздражало, напротив, казалось милым. А еще Михаэль порадовался тому, что все-таки настоял, чтобы сегодня к нему пришла уборщица и привела квартиру в порядок. Посуда была вымыта, постельное белье поменяно, а грязные носки и рубашки выстираны.

Оказалось, что Мишель обладала удивительным даром — она умела создавать уют. Понятно, что в его доме были и

праздничная скатерть, и новогодняя посуда, и бокалы под шампанское из тонкого хрусталя. Но она сделала с его лофтом что-то такое, отчего его холостяцкая берлога стала настоящим домом — с празднично накрытым столом, запахами вкусной, домашней еды и прочими атрибутами счастливой семейной жизни. Даже огонь в камине горел как-то по-особенному. Михаэль, разговаривая с гостьей, все отгонял от себя мысль, что вот сейчас, в эту самую минуту, в гостиную ворвётся большая, лохматая собака, а следом за ней — ребенок. Он только не мог определиться: мальчик или девочка. А потом решил, пусть их будет двое — старший, конечно же, мальчишка, и маленькая девочка, такая же красивая, как и ее мама.

Мишель поинтересовалась его планами на новогоднюю ночь, и он вспомнил, что еще час назад должен был взять проспоренный ящик спиртного и поехать к друзьям. Но о каких друзьях теперь может идти речь, если в его доме появилось это чудо? И все равно, правила вежливости еще никто не отменял, поэтому пришлось взять телефон, выйти в кабинет, позвонить и извиниться.

Да, у него резко изменились планы. Нет, с ним все нормально, просто произошла некая неожиданность. Да, приятная. Очень. Нет, сейчас он не может говорить. Ящик может отправить курьером, хоть и сомневается, что сейчас, вечером тридцать первого декабря это возможно.

Он на самом деле собирался вызвать такси и передать проспоренное спиртное. В конце концов, он же обещал. Но его заверили, что подождут, когда он сможет приехать сам. Он пожелал всем хорошего вечера и поздравил с наступающим, а буквально через пять минут, он еще не успел вернуться к Мишель, ему стала названивать Илзе и закидывать вопросами, начиная с того, что у него случилось, заканчивая предложением приехать к нему и составить компанию. Михаэль стоически выдержал ее натиск, умудрился не сорваться на грубость и, простившись, на всякий случай выключил телефон. Поздравить бабушку он сможет позже.

Они сидели у камина, за маленьким столиком, и Михаэль искренне наслаждался и вкусной едой, и приятной беседой.

— А мы пойдем на Ратушную площадь? — неожиданно спросила Мишель.

И он вспомнил, что уже тысячу лет не был на Радужной площади в новогоднюю ночь. Раньше, давно, еще в молодости, почти каждый год ходил, а потом как-то не получалось.

Он чуть — чуть поломался для вида, поуговаривал Мишель

остаться дома, у камина, а потом с удовольствием стал собираться на ночную прогулку. У Мишель было легкое пуховое пальто, совершенно непригодное для холодных ветров с Финского залива. Поэтому Михаэль настоял, чтобы она надела его дубленку, шапку и шарф.

В таком наряде Мишель была как-то особенна соблазнительна, и Михаэль на секунду задумался: а не остаться ли дома? Потом он вспомнил, какой заледенелой она была в его постели, и решил, что с сексом спешить не будет. Нужно сначала отогреть Снегурочку, а потом уже можно будет впечатлять ее своими сексуальными подвигами.

Пока они провожали Старый год (Михаэль предложил сделать это дома), выяснилось, что она на полном серьезе решила, будто он чистит камины. Михаэлю пришлось сознаться в своем маскараде, причину которого он объяснил довольно обтекаемо. Вдруг Мишель обидится, если узнает, что он спорил на такую скользкую тему. Ему не хотелось бы выглядеть в его глазах плохим парнем.

Они успели поесть, выпить чаю и даже выяснить, что Михаэль совершенно свободен. И в эту ночь, и вообще.

На площади уже была уйма народа — и таллинцы, и приезжие туристы. Играла музыка, взрослые пили глинтвейн, дети носились вокруг елки. Шум, суета и всеобщее веселье. Он даже залюбовался этой картинкой, так напоминающей новогоднюю поздравительную открытку. А потом сделал две вещи: напоил свою женщину горячим глинтвейном и купил ей варежки. Белые, шерстяные, с вышитой серой овечкой и теплой флисовой подкладкой, чтобы шерсть не колола ее нежные ладони.

Михаэль подумал, как ему повезло: он оказался в самом красивом городе мира с самой замечательной женщиной на свете.

И когда, ровно в двенадцать, над Ратушной площадью разнеслось: «Happy new year» и зазвучала знаменитая песня «ABBA», Михаэль загадал: пусть у них все получится. А потом достал из кармана парки приготовленный подарок — золотую пуговицу от куртки трубочиста. Пусть она загадывает свои желания, хоть по несколько раз в день, а он приложит все силы, чтобы их исполнить.

22

Правы те, кто утверждает, что Новый год нужно встречать с близкими людьми.

Он видел Мишель третий раз в жизни, но каким-то непостижимым для себя образом уже считал своей. Нет, не в плане физиологии. Чувство, когда она была рядом, было значительно тоньше по ощущениям, сложнее, многограннее. Оно вызывало в памяти те книги, которые он читал в детстве и юношестве. Дюма, Сабатини, Куприн, Тургенев и Джек Лондон. Там герои всегда встречали каких-то особенных, необыкновенных женщин. И любили их особенной, необыкновенной любовью.

Глядя, как она пьет обжигающий глинтвейн маленькими, осторожными глотками, как кутается в его шарф или поправляет постоянно сползающую на глаза шапку, Михаэль не мог не отдавать себе отчет в том, что эта женщина затягивает его в водоворот не испытанных им доселе чувств. Еще не любовь, но ее предчувствие. Еще не зависимость, но уже потребность. Еще не родственная близость душ, но уже ее предвкушение.

После прогулки и встречи Нового года на площади они отправились домой. Камин, столик на двоих и шампанское, которое почему-то не кажется таким противным. Наоборот, оно приятно щекочет нёбо и охлаждает бурлящую кровь.

И Михаэль, сам того не желая и не замечая, уже рассказывает малознакомой женщине о своих детских мечтах и с интересом слушает историю самой Мишель. Ту, что привела ее в его город. Он должен презирать ее бывшего мужа, поступившего с ней так низко. Он и презирает, но сквозь чувство презрения пробивается другое — чувство благодарности незнакомому и далекому мужчине, ведь если бы не его непорядочность, возможно Михаэль никогда бы не встретил Её.

И уже совершенно не стыдно сознаваться, что придя домой и не обнаружив Мишель в своей постели, он испытал горькое разочарование. И незаметно для обоих заканчивается вторая бутылка шампанского и тарелки с закусками пустеют, и когда она начинает собираться домой (как будто он бы ее отпустил!), Михаэль тут же приглашает ее остаться. И заваривает чай, и непринужденно шутит, и старается показать себя с как можно лучшей стороны.

На самом деле у него в голове уже крутится мысль, как бы уговорить ее задержаться в Таллинне, но он пока не решается озвучить ее вслух, боясь спугнуть эту удивительную женщину. Вместо этого он рассказывает ей о бабушке, живущей в Тарту и,

видя ее заинтересованность, как бы в шутку предлагает составить ему компанию и поехать, навестить его пожилую родственницу.

Но волшебная ночь уже на исходе, пора спать. Вот тогда Мишель говорит, что не хочет заниматься с ним сексом.

Внезапно эта фраза обижает его. Не ее нежелание близости, а сама фраза. Почему-то ему начинает казаться, что она ожидает от него, Михаэля, чего-то плохого и заранее готовиться дать ему отпор. От того, наверное, его ответ звучит излишне резко:

— Я не собираюсь тебя насиловать.

И Мишель как-то чудом понимает, что обидела и идет на попятную:

— Я не это имела в виду. Просто сказала, что не хочу секса.

Он тут же остывает и тоже сдает назад:

— Хорошо.

Она не понимает его такой спокойной реакции. Чего же ждала? Что он будет скандалить или выяснять отношения в праздничную ночь? Неужели ее бывший муж выкидывал такие коленца?

— Мишель, — он берет ее за руку, — давай я объясню. Ты мне нравишься, очень. И да, я хотел бы заняться с тобой с сексом. Но ты устала, уже очень поздно, и тебе хочется спать.

— А ты? — удивляется она.

— А я давно уже не мальчик и вполне могу справиться со своими желаниями, — отвечает он. — Мойся. Надеюсь тебя устроит мой гель для душа.

После всех водных процедур, когда они оказываются вместе в его кровати, он прижимает ее к себе и разве что не мурчит от удовольствия, такая она нежная, теплая, мягкая. Его женщина.

И Михаэль решается:

— Завтра пойдем к тебе.

— Зачем? — спрашивает она сквозь сон.

— Заберем твои вещи.

Он готов к вопросам, уточнениям, может быть, даже возражениям. Мысленно собирается с силами и желает сам себе удачи, но Мишель уже крепко спит.

Зимы в Таллинне не то, чтобы холодные. Скорее, промозглые. Ледяной ветер со стороны Финского залива мгновенно пробирается под одежду. Тут не спасают легкомысленные итальянские пуховики, какой был у Мишель. Нет, нужна теплая дубленка и плотный, шерстяной свитер под ней.

Михаэлю нравилось о ней заботиться. Нравилось, когда она стояла перед ним в его одежде. Было в этом что-то возбуждающе-первобытное, засевшее в каждом мужчине еще с тех времен, когда, после удачной охоты на мамонта, в самые ценные шкуры

добытчики облачали своих женщин. Возможно, это шальная кровь далеких предков — викингов стучала у него в висках, когда он натягивал на Мишель свою одежду?

Она осталась на все новогодние праздники. Поменяла билет и перевезла свои вещи к нему на чердак, оставив ключи хозяйке апартаментов. И это тоже было очень приятно, как будто она не оставляла себе возможности отступить, так, словно уже доверилась ему во всем. Мысли о том, что жить под одной крышей им предстоит лишь несколько дней, как и о том, что при желании снять номер в отеле не займет больше нескольких минут, Михаэль гнал от себя прочь.

Он с удовольствием взялся быть ее гидом, показывая Мишель город, в котором прошла почти вся его жизнь. Делился воспоминаниями и интересными местами, стараясь за эти короткие дни привязать ее к себе как можно крепче.

По ней, по ее одежде, по неброским, но дорогим аксессуарам было видно — Мишель привыкла к определенному образу жизни, а главное — она сама обеспечивает себе этот комфорт. Мишель не была приложением к успешному и состоятельному мужу. Будь это так, Михаэлю бы было, что ей предложить. Но он не мог не понимать — женщина, сама построившая себе карьеру, вряд ли купиться на золотые горы, обещанные ей мужчиной. Михаэль даже стал прикидывать в уме, нет ли у него знакомого владельца или руководителя какой-нибудь хорошей, престижной детской клиники. Может быть, если предложить ей интересную и денежную работу по специальности, Мишель задумается о том, чтобы задержаться в Таллинне на подольше.

Он повез ее к бабушке, в Тарту. Впервые в жизни Михаэль привел в бабушкин дом женщину, и бабушка сразу все поняла. Она поила их кофе со свежей сдобой, вела светские разговоры ни о чем, ни на минуту не прекращая пристально наблюдать и за гостьей, и за реакцией самого Михаэля на Мишель. Немного хмурилась, изредка бросала на внука вопросительные взгляды, в которых он без труда читал вопрос: что же ты будешь делать дальше?

В ответ он улыбался ей чуть грустно и слегка пожимал плечами. Он уже понимал, что вляпался, но ответить на вопрос: что дальше, он не мог даже самому себе.

Это только в книжках герои преодолевают тысячи километров, чтобы быть вместе. В реальной жизни все иначе — они проведут вместе праздники и разойдутся, возможно, навсегда. Она улетит в Москву, он останется в Таллинне. Встретятся ли они когда-нибудь?

А пока им было хорошо вместе. Казалось, что они прожили под одной крышей много лет. Михаэль видел, что она испытывает те же чувства. И чем ближе приближался день ее отъезда, тем яснее становилось: им нужно поговорить. Но ни один не решался первым начать такой непростой разговор.

За день до православного Сочельника Михаэль дал себе слово, что завтра решиться. Скоро Мишель улетит, и оттягивать разговор дальше просто некуда. Но утром, когда еще было темно, и они спали, ему позвонили с работы — нужно было ехать, решать очередную проблему. Михаэль поцеловал ее, пообещал скоро вернуться и уехал, оставив Мишель досыпать. Если бы он только мог предположить, что вернувшись обратно, застанет пустую квартиру, он бы наплевал на сложности на работе и остался бы дома.

Он вернулся через несколько часов, ближе к полудню. Постучал в дверь, но никто не спешил открывать ему. Он постучал сильне, дав себе слово, что завтра же вызовет слесаря и проведет нормальный дверной звонок, чтобы его было слышно во всех уголках лофта. Понял, что ему не откроют и достал ключ. В прихожей висела его дубленка, но ни ее пальто, ни ботинок не было. Михаэль, не раздеваясь, обошел весь лофт. Мишель нигде не было.

Он прошел в спальню и, удостоверившись, что сумка с вещами осталась на месте, облегченно выдохнул. Может быть, она просто вышла на пару минут? Решила прогуляться в ожидании его, или захотела сходить в магазин. Нужно подождать немного, и все станет ясно. Как был, в верхней одежде, Михаэль сел на диван в гостиной и закурил.

Мишель не вернулась ни через час, ни через три.

Он не хотел верить в то, что его гостья исчезла из его жизни так же внезапно, как и появилась. А главное, как ему ее найти? У него не было ни номера ее мобильного, ни даже ее фамилии. Все, что он знал, так это то, что она приехала из Москвы.

Михаэль метался по лофту, натыкаясь на мебель и вещи, и кляня себя последними словами. Неужели так трудно было записать ее телефонный номер?!

Случайно брошенный взгляд на зеркало заставил его резко затормозить. Михаэль поначалу подумал, что ему показалось, но нет, она действительно оставила ему послание.

«Я вернусь».

Стараясь сохранять спокойствие, подошел к зеркалу, потер пальцем буквы, проверяя, что они ему не мерещатся. Нет, надпись была настоящей. Мишель написала ее помадой. Михаэль посмотрел на свой палец. Цвет помады был какой-то странный.

Где, скажите на милость, Мишель могла взять такой от оттенок? Это же совершенно не ее тон. И почему нельзя было написать записку более классическим образом — ручкой на бумаге?

Глаза еще раз пробежались по надписи, и Михаэль громко и грязно выругался. Она оставила ему послание, но не написала номера телефона. Почему? Неужели было так сложно дописать десяток цифр, чтобы он знал, как с ней связаться? И что это значит «я вернусь»? Сегодня, завтра, через неделю? Когда?!

Никогда Михаэль не отличался терпением, даже в тех вопросах, когда такое качество было жизненно необходимо. Горячий эстонский парень, в прямом, а не в переносном, смысле этого выражения — как раз про него. В детстве бабушка, бывало, часто шутила над его нетерпеливостью, в шутку называя внука «закипающим чайником».

Вот и теперь, после внезапного отъезда, если не сказать бегства, Мишель, он прождал ровно до следующего утра. А потом обратился к одному из своих знакомых, работающему в аэропорту. Тот просьбе внял, проверил и сообщил: Мишель Виннер вылетела вчера в Ригу, а оттуда в Москву. Других пассажиров с таким именем в аэропорту Таллинна не было.

Михаэль сразу почувствовал, что речь идет о его Снегурочке. Виннер, значит. Улетела в Москву. Ничего не сказав, не оставив никаких объяснений, просто написав на зеркале помадой «я вернусь». Было обидно. Но он не мог не понимать, что для столь поспешного отъезда у нее наверняка были веские причины. Значит, там, в Москве, что-то случилось. Очевидно, что она была так взволнована, что просто не сообразила оставить свои координаты. Ну ничего, теперь, когда он знал ее фамилию, Михаэль обязательно ее найдет.

Уже через две недели, пользуясь вовсю своими связями и знакомствами, Михаэль ее нашел. Она действительно жила в Москве и работала хирургом в известном детском госпитале. Он даже позвонил ей в госпиталь и выяснил, что на работу она вышла.

Он представил себе, что далеко — далеко, за тысячу километров, его Мишель живет своей обычной жизнью. Спит, ест, работает, общается с друзьями. Быть может, она уже и думать забыла о новогоднем приключении с трубочистом?

От таких мыслей становилось горько и обидно. Никогда он не бегал за женщинами, они сами проявляли к нему интерес, настойчиво предлагая свою «дружбу». Впервые женщина зацепила Михаэля настолько, что хотелось геройствовать и сворачивать ради нее горы. Ему хотелось, а она попросту уехала и все.

А вдруг он все себе напридумывал? Ведь он ничего не знает,

мало ли, какие ситуации бывают в жизни. Это у него была возможность узнать ее фамилию, благо куча знакомых вокруг. А она ничего о нем не знает. Только то, что он живет на чердаке. Надо подождать, и вся выясниться.

Он сам себе наступил на горло и приготовился ждать. Ждал, ждал, и понял: все, достаточно. Чем бы она не была так сильно занята в своей Москве, найдет минутку, чтобы с ним объясниться.

Если терпения у него было кот наплакал, то упорства в достижении цели — хоть вычерпывай. Он предупредил в офисе, что его не будет в городе несколько дней, оставил дела на заместителей, взял билет до Москвы и уже через четыре часа открывал дверь отделения, где работала Мишель Виннер.

Здороваясь с медсестрой, сидящей за стойкой регистрации, Михаэль прекрасно понимал — шансов узнать координаты врача Виннер постороннему человеку ничтожно малы. Но когда он отступал от намеченной цели? Глядя на молодую девушку в медицинской форме, он включил все свое обаяние и красноречие. Рассказал историю о том, что он хороший друг доктора Виннер, показал паспорт и даже придумал, что у нее сменился номер мобильного. На счет последнего Михаэль ткнул пальцем в небо и угадал. Что стало решающим фактором, он и сам не понял. Возможно его фраза про телефон, возможно деньги, которые он аккуратно передал медсестре, но выходил Михаэль из отделения с бумажкой в руках, на которой был написан не только номер телефона Мишель, но и два ее адреса. Почему два Михаэль расспрашивать не стал. Решил, что сам выяснит.

Почему он ей не позвонил? Глупо, наверное, но ему до дрожи хотелось ее увидеть. Поэтому Михаэль открыл Гугл-карты, посмотрел, какой из адресов ближе к госпиталю и вызвал такси.

С букетом цветов, купленным по дороге, Михаэль набрал номер квартиры на панели домофона.

— Да? — раздался мужской голос.

Это было странно, но Михаэль решил пока не обращать внимания на странности.

— Я к Мишель Виннер.

— Поднимайтесь, — раздалось немного удивленное.

Лифт распахнул двери на нужном этаже, и Михаэль встретился глазами с молодым импозантным мужчиной, стоящим в дверях квартиры. Мужчина явно был у себя дома — на нем, помимо домашних тапок, были шелковые пижамные брюки и странная, шелковая же, стеганная куртка, как из исторических фильмов про помещиков. Михаэль никак не мог припомнить, как она называется. Смешное какое-то название.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Михаэль.

— Здравствуйте, — царственно кивнул мужчина. — Проходите.

Они вошли в просторный коридор и остановились, внимательно разглядывая друг друга. Михаэль терялся в догадках — кто это? Брат? Знакомый? Кузен? Кто этот мужчина???

Пауза затягивалась.

— Я к Мишель, — напомнил Михаэль.

— Ее нет дома, — ответил мужчина. — А вы по какому вопросу?

Его немного надменный тон совершенно не понравился Михаэлю.

— С кем имею честь? — он тоже умел изображать напыщенного индюка.

Брови мужчины удивленно поползли вверх, видимо, нечасто с ним так разговаривали, но, тем не менее, он ответил:

— Я ее муж.

— Муж? — как баран переспросил Михаэль, абсолютно ничего не понимая.

Какой, к чертям, муж? Она же сказала, что развелась! Или это уже другой муж? Откуда он взялся?

— Павел Виннер, — представился мужчина.

«Так вот ты какой, северный олень», — мелькнуло в голове у Михаэля.

— Михаэль Адамсом, — ответил он и сразу взял быка за рога: — Но Мишель в разводе, насколько я знаю.

— Не понимаю, почему должен перед вами отчитываться, — нахмурился Павел, но под пристальным взглядом Михаэля прояснил: — Официально мы в разводе, но это были временные трудности.

— Временные?

— А вы ей, простите, кто? — оживился Павел. — Я вас не знаю.

Михаэль и сам не знал, что ответить на такой простой вопрос. Кто он ей? Знакомый? Как-то слишком просто. Друг? По-детски, несерьезно, будто им по пятнадцать. Любовник? Грубо, да и очень уж однобоко. Но пасовать перед гордо стоящим перед ним Виннером не хотелось.

— Я ее жених, — не моргнув глазом, ответил Михаэль и приосанился.

Потрясено вытянувшиеся лицо Павла Виннера стало ему наградой.

— Мы с Мишель собираемся пожениться, — припечатал Михаэль.

Надо отдать ему должное, сообразил Виннер быстро.

— А она об этом знает? — спросил иронично.

Врать было несолидно.

— Узнает.

Павел хмыкнул и демонстративно оглядел его с головы до ног.

— И давно вы знакомы с моей женой?

— Недавно, — сдержанно ответил Михаэль.

— Значит, вы и есть ее Таллинское приключение, — пришел к выводу Павел. — Не удивляйтесь, догадаться было нетрудно. Я в курсе, где моя жена встречала Новый год, а теперь еще знаю, с кем.

— Бывшая жена, — осадил его Михаэль.

— Юридически вы правы, фактически — мы опять вместе. Живем в одном доме, как вы видите.

Спрашивать было мучительно стыдно, но Михаэлю нужно было знать.

— Вы помирились? Мишель вас простила?

— Я был серьезно болен, — любезно пояснил ему Виннер. — Находился между жизнью и смертью. Она примчалась ко мне в больницу, выходила, буквально вытащила с того света. Я осознал свою ошибку, Мишель тоже поняла, как мы дороги друг другу.

— Она вас простила? — повторил вопрос Михаэль.

— У каждого бывают ошибки, — ответил Виннер. — Я ошибся, Мишель, как я вижу, тоже.

И посмотрел на него, не скрывая насмешки. Верить Виннеру не хотелось, но как не верить своим же собственным глазам? В госпитале она оставила этот адрес, как домашний. Вот, Михаэль не мог не увидеть, на вешалке висит ее белое пальто. И даже пахнет ее духами. Если уткнуться в него носом, то можно вообразить, что Мишель стоит рядом. Но не с ним, а с Павлом, и также, как и Виннер, насмешливо смотрит на Михаэля. Чего, мол, приперся? Не сиделось в Таллинне?

Нужно было уходить, нечего стоять перед счастливым соперником, изображая непонятно кого.

— Передайте ей, — Михаэль протянул Павлу цветы.

— Думаю, что не стоит, — Павел демонстративно заложил руки за спину. — Ваше маленькое приключение закончилось, не нужно моей жене напоминать о нем.

— Да, — согласился Михаэль, — наверное, вы правы.

Он развернулся и вышел из квартиры с букетом в руках.

— Надеюсь, вы больше не побеспокоите нас, — понеслось ему в спину. — Понимаю ваше состояние, вы прилетели из другой

страны, и тут такие новости. Я могу компенсировать ваши издержки. Сколько вы хотите?

На последней фразе терпение Михаэля лопнуло. Он резко развернулся и шагнул к Павлу. Тот, надо отдать ему должное, не испугался. Не верил в то, что Михаэль способен его ударить? Или считал, что сможет отразить удар? Михаэль не стал разбираться, какое ему дело до этого человека?

— Засунь свою компенсацию знаешь куда? — прошипел он в лицо Павла.

Видимо было что-то такое в его бешеном взгляде, отчего Виннер нервно сглотнул.

— Всего доброго, — попрощался Михаэль и сбежал по ступенькам, напрочь забыв про лифт.

Около подъезда стояла лавочка, рядом мусорная урна. Михаэль, притормозив, засунул в урну ненужный уже букет. Открыл приложение и вызвал такси в аэропорт. Если на сегодня нет рейсов в Таллинн, он все равно улетит. Куда угодно, хоть к черту на рога. В Москве ему больше нечего делать.

23

— Не помешаю? — помахав перед распахнувшейся дверью бутылкой виски, спросил Михаэль.

— Какие люди, — ответили ему. — Проходи, я один.

Уже спускаясь по трапу самолета, Михаэль составил план дальнейших действий.

Он просто выкинет эту женщину из головы и будет жить, как раньше. Но сегодня … сегодня ему было необходимо отвлечься, как-то забыться, расслабиться. Купив бутылку виски, он направился к старинному приятелю, тому самому однокурснику, который, в свое время, сосватал ему сестру — дизайнера.

Почему-то Михаэль ни минуты не сомневался, что в доме Андреаса ему будут рады. Виделись они нечасто, у обоих было море работы, но друг друга из вида не теряли, созванивались по праздникам и всегда готовы были, в трудную минуту, подставить дружеское плечо.

Михаэль сбросил ботинки в прихожей, надел предложенные ему тапки и прошел вслед за хозяином на кухню. Взгляд зацепился за плащ, висящий на плечиках, явно женский.

— Точно не помешал? — уточнил он у хозяина.

— Говорю же, я один.

— А это? — и Михаэль подбородком указал в сторону плаща.

— Это? — не понял Андреас, проследил взглядом, кивнул и пояснил: — Илзе на пару дней приехала. У нее дома очередной ремонт. Представляешь, никак не может угомониться, все переделывает и переделывает. Вчера лаком крыли деревянные полы. Теперь у нее в квартире несколько дней жить нельзя. Но она нам не помешает, спит наверху, в своей спальне. У нее завтра ранний подъем, заказчик вызвал на объект к шести утра.

— Вот людям не спится, — прокомментировал действия неведомого ему заказчика Михаэль.

— Можно подумать, ты сам не такой, — насмешливо ответил Андреас.

Михаэль только развел руками.

— Давай на кухне посидим, — предложил приятель. — И уютнее, и к еде ближе.

— Хорошо, — согласно кивнул Михаэль и поставил бутылку на стол.

— Ща, я закуски достану, — Андреас распахнул дверцу холодильника и стал выгружать на стол контейнеры с едой.

— Ограбил магазин? — удивленно поинтересовался Михаэль.

Все знали, что у Андреаса в холодильнике мышь, как

говорится, повесилась. Питался он, в основном, в кафе и ресторанах, по утрам пил только кофе со сгущенным молоком и считал, что есть на ночь очень вредно. Так что в его доме незваного гостя ждали лишь стратегические запасы зерен кофе и банок со сгущенкой.

— Говорю же, Илзе приехала, — ответил Андреас и поставил большие стаканы под виски. — Теперь у меня в доме гастрономический рай. Или ад. Смотря с какой стороны посмотреть.

— Чем не доволен?

— Жру на ночь, — Андреас тяжело вздохнул. — Жру, жру и жру. Остановиться не могу. Уже наел два лишних килограмма. Пришлось увеличить нагрузки в зале.

И он опять тяжело вздохнул.

— Ладно, — продолжил Андреас, — давай выпьем, и ты мне расскажешь, что у тебя произошло.

Михаэль не стал ломаться и уверять, что у него все в полном порядке. Зачем? Они знали друг друга давно, вряд ли бы он пришел вот так, без приглашения и без звонка, но зато с бутылкой спиртного, если бы у него было все в порядке.

Когда-то сам Андреас был в похожей ситуации, и они так же сидели на кухне, только у Михаэля, пили и разговаривали. Теперь вот пришел и его черед жаловаться на жизнь.

Михаэль рассказывал, Андреас слушал, бутылка виски стремительно пустела.

— Дела, — глубокомысленно заметил приятель, когда рассказ был окончен. — Что делать думаешь?

— Жить, — не менее глубокомысленно ответил Михаэль, разливая остатки виски по стаканам. — Жить буду. Как-нибудь.

— Это-то понятно, — Андреас поднялся со стула и, чуть пошатываясь, вышел из кухни.

Вернулся он с такой же бутылкой.

— Может, притормозим? — спросил Михаэль.

— Тебе сейчас надо хорошенько напиться, — авторитетно заявил Андреас. — Завтра будет зверски болеть голова, и станет не до разбитого сердца.

— Точно?

— Я тебе говорю, — заверил Андреас, вновь наполняя стаканы. — Все беды из-за баб.

— Угу, — подтвердил Михаэль, — из-за баб.

— И радости тоже из-за баб, — высказался Андреас. — Поэтому вопрос: как нам, мужикам, жить?

— А черт его знает, — ответил Михаэль, после чего друзья, в который раз за вечер, чокнулись и выпили.

— Согласен.

Они немного посидели в тишине, а потом Андреас спросил:

— А может, тебе все же стоит с ней поговорить?

— А смысл?

— Какой смысл в разговорах? Поговорите, выясните все. Может, и рассосется.

— Что рассосется?

— Проблема, — Андреас пожал плечами. — Может, все не так, как выглядит на первый взгляд.

— Может, и не так, — растягивая слова, ответил Михаэль. — Но уже прошло пару месяцев, а она так и не объявилась. Сидит в Москве, работает. Живет, как оказалось, с бывшим мужем. Может, она вообще про меня забыла?

Андреас окинул приятеля пристальным взглядом, подумал и выдал:

— Не, не забыла.

— Почему это? — спросил Михаэль.

— Ну, ты такой…. такой…… - Андреас пощелкал пальцами, то ли вспоминая, то ли подыскивая слово.

— Незабываемый, — подсказал Михаэль и достал из кармана пачку сигарет.

— Точно, — согласился с ним Андреас, — не-за-бы-вае-мый. Так, в доме не курим. Пошли на террасу.

Они почти одновременно поднялись и, захватив по стакану, отправились на перекур.

На втором этаже дома, на лестнице, в полной темноте сидела молодая женщина и внимательно слушала все, о чем говорили на кухне.

На следующее утро после встречи с Андреасом Михаэля мучило зверское похмелье. Такое, какого у него не было, пожалуй, уже несколько лет. Уничтожая холодную воду с кубиками льда, Михаэль осознал: похмелье это единственный результат общения с приятелем. Врут те, кто утверждает, что в сложной ситуации нужно выговориться и станет легче. У Михаэля это явно не сработало. А жаль.

Его сотрудники с ужасом и тщательно скрываемым интересом следили за своим обычно спокойным и доброжелательным начальником.

Едва избавившись от головной боли, Михаэль принялся, что называется, наводить шорох в коллективе. Досталось всем, начиная от уборщицы и заканчивая его первым замом. К чести Михаэля нужно сказать, что подчиненных он распекал за дело и по существу. Это понимали все, поэтому не возмущались в

курилках и кабинетах, а честно каялись, клялись исправиться и гадали: какая муха укусила их начальника. И судя по происходящему, муха эта была огромной.

А еще через день Михаэль дал себе слово, что не будет искать встреч с Мишель. Уезжая, она пообещала ему, что вернется. Вот он и даст ей время, посмотрит, выполнит ли она свое обещание. Решение было трудным, почти невыполнимым потому что, придя в себя и успокоившись, первое, что хотел сделать Михаэль — это позвонить ей и выяснить, что, черт его дери, все-таки произошло на самом деле.

Он даже не был уверен, что Виннер расскажет Мишель о его приходе. Да что там, скорее всего, бывший муж ни словом о нем, Михаэле, не обмолвится. И, тем не менее, он собирался исполнить данное себе обещание и никак не напоминать Мишель о своем существовании. Пусть она решит, что ей нужно.

Зато вдруг, ни с того, ни с сего, активизировалась Илзе. Он никак не мог понять, что с ней случилось. Мелькнула даже мысль, что Андреас поделился с сестрой подробностями их ночной беседы. Мелькнула и исчезла. Михаэль не мог поверить в то, что старинный приятель окажется болтлив и предаст их многолетнюю дружбу, пускай и ради сестры.

Илзе постоянно оказывалась где-то рядом. То проходила мимо его дома и считала нужным забежать, буквально на секундочку со стаканчиком горячего кофе, то обедала в том же месте, где и он, то приезжала к друзьям в то же время. Постоянно звонила и пыталась вытянуть его на какие-то мероприятия. Несколько раз он отказывался, потом, почти отчаявшись дождаться весточки от Мишель, стал соглашаться.

Какие-то выставки, презентации и спектакли, на которые они ходили вместе. Илзе вовсю старалась, чтобы их считали парой. Держала его за руку, прижималась, несколько раз, когда очередная тусовка заканчивалась поздно, прозрачно намекала, что хотела бы переночевать у Михаэля.

Тогда-то он и понял, что почти позволил загнать себя в ловушку. Копаясь в себе, в сотый раз, переживая то, что случилось у него с Мишель, он перестал обращать внимание на действительность.

А действительность, в лице Илзе, не дремала. И вот уже знакомые приглашают их вдвоем в гости и даже пытаются шутить об их с Илзе совместном будущем. Какое, к черту, у них может быть будущее?

Контрольным выстрелом прозвучал вопрос одного из друзей, когда в пятничный вечер, проводимый в бильярдной, они вышли на улицу покурить:

— Ты, смотрю, жениться надумал?

Услышав это, Михаэль остолбенел. Так и стоял с незажженной сигаретой в зубах и смотрел на собеседника.

— Илзе все-таки своего добилась? — задал тот еще вопрос.

Тут Михаэль представил себе, как выглядело его поведение со стороны. Они с Илзе почти всегда вместе, что еще могли подумать люди? Но Илзе?! Он ведь никогда не позволял себе по отношению к ней ничего такого! Наоборот, старался держаться на расстоянии. Неужели она неправильно его поняла?

— Она говорит, что вы и дату, вроде, выбрали, — продолжил приятель. — Кажется, в мае.

— В мае?! — подал-таки голос Михаэль. — В каком, к черту, мае?!

— Так вы не женитесь, что ли? — удивился приятель.

— С кем?!

— А Илзе говорила….

Михаэль отбросил так и не зажженную сигарету и вернулся в бильярдную, с силой хлопнув дверью. Обвел взглядом помещение, выискивая Илзе. Она тоже была тут. Стояла с девушками у соседнего стола, с кием в руках. Болтала, смеялась. Вроде бы сама по себе, а вроде бы и с Михаэлем. Заметила его и приветливо махнула рукой.

Михаэль подошел поближе, в корне пресек попытку молодой женщины обнять его и сказал:

— Нам нужно поговорить.

Она сделала вид, что не заметила, как он отстранился и согласно кивнула:

— Конечно. Здесь?

— Давай выйдем на улицу, я покурю.

На улице прохладно, начинал моросить дождик, и Михаэль проследил, чтобы Илзе надела плащ. Тут же мысленно отругал себя за эту неуместную заботу, ведь наверняка Илзе расценит ее, как проявление неких романтических чувств с его стороны. Да какие чувства! Просто элементарная вежливость и немного заботы о не чужом ему человеке, и ничего более.

— О чем будем говорить? — весело спросила Илзе и предприняла еще одну попытку обнять его.

Вот настырная. Михаэль выставил вперед руку, не давая девушке приблизится, и отрицательно покачал головой. По тому, как недовольно дернулись ее губы, Михаэль догадался: все она прекрасно понимает. Понимает, но делает по-своему. Избалованная девчонка, неужели решила, что он так и пойдет за ней, как телок на веревочке?

— Зачем ты говоришь всем, что мы поженимся? — спросил он

прямо.

Она не смутилась, разве что только на мгновенье.

— Поженимся, — ответила спокойно.

— Разве я тебе предлагал? — удивился Михаэль.

— Пока нет, — она потянулась и отобрала у него сигарету, затянулась. — Но предложишь.

Злость сменилась удивлением.

— Ты в своем уме?

— Разумеется, — она не спешила возвращать сигарету, курила и уверенно смотрела на Михаэля.

— Я неправильно себя вел с тобой, — тщательно подбирая слова, сказал Михаэль. — Прости, что невольно ввел в заблуждение.

Илзе посмотрела на него, как на несмышленыша и улыбнулась.

— Брось говорить ерунду, Мих. Все я понимаю, только это ничего не меняет.

— Не меняет? О чем ты?

Она сильно затянулась сигаретой, отбросила ее в сторону и ответила:

— Я тебя люблю, Михаэль.

Он не был готов к такому признанию. Нечего было ответить, оттого и стало неловко, будто Михаэль в чем-то перед Илзе виноват. Хотя, если вдуматься, виноват. Зачем проводил с ней столько времени? Зачем подавал ложные надежды?

Илзе с интересом смотрела, как меняется его лицо.

— Не переживай, я все понимаю.

— Тогда зачем?

— Мих, я тебя люблю, — повторила она упрямо. — И знаю: мы поженимся. Моей любви хватит на двоих.

Пока он соображал, что на это ответить, Илзе вернулась в бильярдную. Михаэль смотрел на закрытую дверь бильярдной и понимал: он не хочет туда возвращаться. Ему надо побыть одному и обдумать, что делать дальше.

О том, что Мишель приезжала к нему, Михаэль узнал совершенно случайно, спустя несколько месяцев. Много позже, вспоминая и анализируя этот день, ему пришло в голову, что судьба, словно нарочно сделала все, чтобы не допустить их встречи.

После разговора в бильярдной, Илзе, вроде бы, успокоилась и перестала преследовать его. Михаэль готов был благодарить всех святых за такой царский подарок. Он уже и не надеялся, что ему удастся убедить упрямицу оставить его в покое. Но, кажется, Илзе

поняла и приняла все, что он попытался донести до нее.

На работе все завертелось, постоянно возникали вопросы, требующие его чуть ли не круглосуточного присутствия в офисе. В какой-то момент Михаэлю даже пришлось заночевать в кабинете, благо там стоял, хоть и непригодный для сна, но все-таки диван.

Утром, невыспавшийся и недовольный, с отвращением глядя на вчерашнюю рубашку и мятый костюм, Михаэль прикидывал, как лучше поступить: послать кого-нибудь из подчиненных домой за чистыми вещами или съездить самому. Ко всему прочему, выяснилось, что сегодня, кровь из носу, нужно ехать в Хельсинки на пару дней.

Пока он взвешивал все за и против, секретарь доложил, что в приемной сидит Илзе. Михаэль чертыхнулся — ему было совершенно не до незванных гостей.

— Я не помешаю? — вошла она в кабинет вслед за секретарем.

— Если я скажу, что помешаешь, ты уйдешь? — прямо спросил Михаэль, надеясь, что Илзе обидится и уйдет.

Но она только рассмеялась в ответ. Оглядела Михаэля и спросила с сочувствием:

— Ночевал здесь?

Михаэль коротко кивнул.

— Работы много?

Он кивнул снова.

— Ясно. Хочешь, я быстро сгоняю к тебе домой? Возьму другой костюм и свежую рубашку, — предложила Илзе. — Заодно заеду, куплю что-нибудь вкусное к завтраку.

Первым побуждением было отказаться от столь щедрого предложения. Он не любил, когда в его доме хозяйничали чужие. Но Илзе смотрела на него с дружеским сочувствием, ничем не показывая, что еще совсем недавно претендовала на Михаэля. Кажется, она совершенно искренне хотела ему помочь.

— Не хочешь, скажи прямо, я не обижусь, — она пожала плечами. — Просто хотела помочь.

После этих слов Михаэлю стало неудобно. Зачем он так? Ведь Илзе неплохой человек, они давно знакомы. Разве можно обижать ее недоверием?

— Спасибо за помощь, — ответил он. — Буду благодарен.

— Что привезти? — по-деловому спросила Илзе.

— Мне надо на пару дней уехать, — начал объяснять Михаэль. — Я сейчас позвоню, дома уборщица, она соберет все необходимое и оставит сумку в прихожей.

Говоря это, Михаэль полез в карман за ключами. Отдал их

Илзе и подробно объяснил, как работает замок. Она внимательно выслушала, покивала и заверила, что обернется очень быстро, он не успеет и глазом моргнуть.

Илзе уехала, а Михаэль, приняв душ и приведя себе в порядок, с отвращением надел несвежую рубашку и засел за работу.

Время шло, девушка все не возвращалась. Михаэль в очередной раз глянул на часы и разве что не присвистнул от удивления: прошло больше двух часов. Но от офиса до его дома самое большее полчаса езды. Тридцать минут туда, тридцать обратно. Даже если предположить, что уборщица не успела к ее приезду собрать вещи, и Илзе пришлось подождать, все равно ей давно уже пора вернуться.

Михаэль набрал ее номер.

— Ты еще долго? — спросил, когда Илзе взяла трубку.

— Прости, рубашки были наглаженные, мне пришлось срочно приводить их в порядок, — ответила Илзе.

— Мне скоро ехать, — сказал Михаэль.

— Я уже выезжаю, — заверила его Илзе.

Михаэль сверился с расписанием паромов, заказал себе каюту и прикинул, успеет ли он дождаться Илзе в офисе. Времени было в обрез.

— Сможешь подъехать к парому?

— Конечно.

— Тогда жду тебя в порту.

Они встретились прямо у трапа. Илзе передала спешащему Михаэлю сумку с вещами, выслушала короткую благодарность и уехала по своим делам, совершенно «случайно» позабыв вернуть ему ключи от дома.

Спустя два дня, выезжая с парома, Михаэль обнаружил отсутствие ключей. Он попытался вспомнить, куда мог их задевать. Да, как же он мог забыть, ключи остались у Илзе. Надо было звонить ей и договариваться о встрече.

— Здравствуй. Ты сейчас где?

— Привет, — обрадовалась Илзе. — Ты уже вернулся?

— Вернулся, — подтвердил Михаэль. — А мои ключи у тебя. Скажи, куда надо подъехать. Я подъеду и заберу их.

— Не надо никуда ехать, — ответила Илзе. — Я у тебя дома.

Новость была неприятной. Молодой женщине совершенно нечего было делать в его доме.

— Что ты там делаешь?

— Сюрприз! Приезжай — увидишь.

То, что Илзе не спешила отвечать на его вопрос, неприятно царапало, как и то, что она без спроса воспользовалась ключами и

пришла в его дом.

— Илзе, мы вроде договорились, — напомнил ей Михаэль.

— Я просто приготовила сюрприз к твоему приезду, — миролюбиво ответила Илзе. — Не понимаю, чего ты злишься.

— Ты пришла в мой дом без спроса. Знаешь ведь, я этого не люблю.

— Не сердись, тебе понравиться.

Михаэль тяжело вздохнул. Ничего она не поняла, если опять взялась за старое. Видимо, он недостаточно убедительно объяснил в прошлый раз.

Он представил себе, что сейчас его ждет очередное выяснение отношений. Сил на это просто не было. Михаэль ужасно устал, поездка вымотала невозможно, хотелось только одного: поскорее доехать до дома, принять душ и завалиться в кровать. А тут Илзе. Не выгонять же ее, в самом деле.

— Илзе, — предпринял он последнюю попытку договориться, — пожалуйста, не надо. Я еле держусь на ногах, безумно хочу очутиться кровати.

— Как скажешь, — засмеялась она. — Буду ждать тебя в кровати.

Это было последней каплей.

— Достаточно. Буду подъезжать — позвоню, — жестко ответил Михаэль. — Спустишься, передашь мне ключи и поедешь домой. Я вызову тебе такси.

— Ну, Мих!

— Я все сказал, — зло бросил он в трубку и закончил разговор.

Напрасно Михаэль надеялся, что ему удастся избавиться от женщины без сцен. Ничуть не бывало. Подъезжая к дому, он, как и обещал, позвонил. Илзе появилась на пороге дома красивая, улыбающаяся, уверенная в себе. Он вышел ей навстречу из машины, на ходу доставая мобильный, чтобы вызвать такси. Не успел. Илзе приблизилась, решительно обняла его и крепко поцеловала, оставляя на губах Михаэля вкус спиртного. Он мотнул головой и попытался отцепить женщину от себя.

— Илзе, мы все это уже обсуждали, — сказал, отступая к машине.

— Я все равно буду тебя добиваться, — упрямо заявила Илзе, и Михаэль вдруг подумал, что она выпила больше положенного.

Да что там, кажется молодая женщина сильно пьяна.

— Я вызову тебе такси, — предложил Михаэль.

— Не хочу, — она замотала головой. — Я останусь у тебя.

— Нет.

— Я все равно останусь, — стояла на своем Илзе.

— Нет, — упрямо повторил Михаэль, чувствуя, как закипает в нем гнев.

— Я тебя люблю.

— Илзе, ты сколько ты выпила?

— Чуточку.

— Да ты на ногах еле стоишь, — возразил Михаэль, с сожалением понимая, что не сможет отпустить девушку. Придется вести ее самому, а он так надеялся отоспаться. — Садись в машину, я отвезу тебя домой.

— Никуда не поеду.

— Илзе, садись в машину.

— Я хочу быть с тобой!

— Илзе, когда ты наконец поймешь — я тебя не люблю.

— Не говори так, — всхлипнула Илзе.

Вот только пьяных женских слез ему недоставало!

— Мы не будем ничего обсуждать сейчас, тем более на улице, — повысил он голос. — Садись в машину.

— Я все равно буду с тобой!

— С меня довольно! Или ты сядешь в мою машину, — взревел Михаэль, — или я вызываю тебе такси.

— Она тебя бросила! — неожиданно крикнула Илзе. — Бросила! Когда ты это, наконец, поймешь? Ты ей не нужен! И она тебе не нужна, у тебя есть я!

Она схватила Михаэля за воротник дублёнки, с силой потянула на себя и, как вампир, впилась ему в губы. Михаэль настолько растерялся, не от поцелуя, от тех слов, что кричала Илзе, что несколько минут просто стоял, покорно позволяя себя целовать. Потом он опомнился и отстранился.

— Садись в машину, — сказал он таким тоном, что до Илзе, наконец, дошло: с ним сейчас лучше не спорить.

Она покорно обошла автомобиль и села рядом с водительским сидением. Михаэль занял водительское место и, проклиная все на свете, завел мотор. У него еще оставалась маленькая надежда, что ему удастся отделаться от Илзе и хоть немного отдохнуть.

24

В машине Илзе предприняла еще одну попытку объясниться в любви, но Михаэль, наученный горьким опытом, довольно резко оборвал женщину и сообщил:

— Я везу тебя к брату.

— К Андреасу?

— У тебя есть еще какой-то брат?

— Нет.

— Тогда к нему.

— А зачем?

— А затем, — он на минуту оторвался от дороги и посмотрел на Илзе, — что ты умудрилась напиться, и вообще ведешь себя неадекватно. Так что одну я тебя не оставлю. И сидеть с тобой тоже не хочу. Будешь у Андреаса под присмотром. Да и мне есть, что ему сказать.

Михаэля неприятно резанули слова Илзе. Как она крикнула?«Она тебя бросила»? Откуда ей знать о том, что его бросили? Андреас был единственным, кому Михаэль рассказал об их с Мишель отношениях. Неужели тот передал их разговор сестре? Михаэлю не хотелось в это верить. Нет, должно быть какое-то другое объяснение. Можно было прижать Илзе и выпытать у нее, откуда ей стали известны подробности его личной жизни. Но молодая женщина была пьяна. Гораздо пьянее, чем ему показалось на улице. В теплом салоне автомобиля ее развезло еще больше. Она уже не возмущалась и не приставала к нему. Прикрыв глаза, тихо посапывала. Михаэль поморщился от запаха спиртного. Хорошо бы не нарваться на полицейских, а то придется потом доказывать, что столь мощный выхлоп идет не от него.

По дороге он позвонил другу и предупредил, что везет его сестру и очень хочет сдать ее с рук на руки, а заодно и поговорить. Андреас, хоть и удивился, но предпочел подождать с вопросами. Он встретил их на крыльце дома, открыл ворота и помог транспортировать Илзе в ее спальню на втором этаже.

— Может, положишь ее в гостиной? — спросил Михаэль. — А то встанет ночью и свалится с лестницы.

— Не свалится, — ответил Андреас, включая кофемашину, — я запер дверь ее комнаты на ключ.

— А если ей понадобится уборная?

— У нее своя, — пояснил Андреас. — Дверь прямо из спальни.

— Удобно, — заметил Михаэль.

— Удобно, — согласился Андреас. — О чем ты хотел со мной поговорить?

— О вечном, — несмешно пошутил Михаэль.

— Я где-то накосячил? — проявил чудеса сообразительности друг.

— По-крупному, — подтвердил Михаэль.

— И в чем меня обвиняют?

Михаэль не стал ходить вокруг да около, а прямо задал вопрос:

— Ты зачем рассказал сестре обо мне и моей женщине?

— Не понял, — искренне растерялся Андреас. — О чем я ей рассказал?

— Обо мне и Мишель.

— И с чего ты это взял?

— Она знает. Возможно, только в общих чертах.

— И ты считаешь, что я, как баба, вытрепал все, что ты мне доверил?

— Я пока ничего не считаю. Я спрашиваю. Ни от кого другого она не могла этого узнать, — ответил Михаэль.

— Ты мне поверишь, если я скажу, что ничего ей не говорил? — серьезно спросил Андреас.

— Слово?

— Слово.

— Как же она узнала?

— Моя сестрица, которая давно тронулась на почве неразделенной любви к тебе, вряд ли научилась читать мысли, — ответил Андреас. — Значит, услышала, о чем мы с тобой говорили.

— Это возможно?

— Почему нет? Она спала у себя, мы говорили громко, не таясь. Если проснулась и вышла на лестницу, спокойно могла подслушать.

Михаэль задумчиво побарабанил пальцами по столу, Андреас, между тем, разлил кофе по чашкам, подумал и достал бутылку коньяка.

— Будешь? — спросил, помахав коньяком перед носом Михаэля.

— Нет, мне еще домой ехать.

— Брось, оставайся на ночь, — предложил хозяин дома. — Выпьем по пятьдесят грамм и разойдемся по кроватям. Сестрица под замком, опасаться тебе нечего. Выспишься, а завтра поедешь домой.

— На работу, — поправил Михаэль. — Мне с утра в офис надо.

— Поедешь в офис, — покладисто согласился Андреас.

— Как же она могла подслушать? — вернулся к больной теме Михаэль.

— Да запросто. Она у нас знаешь, какая шустрая и упрямая? Как ослица, честное слово. Я ей всегда говорил: Михаэль тебе, дуре, не пара. А она уперлась, и все. Будет моим. Я махнул рукой. С ней спорить, что против ветра ссать.

Михаэль горько улыбнулся. За последние пару недель он, как никто другой, прочувствовал на себе, какой целеустремленной и напористой может быть сестра Андреаса, и был полностью с ним согласен — именно, что портив ветра.

— Не объявилась? — перевел разговор Андреас.

— Нет.

— Может, у нее времени нет или возможности, — предположил приятель.

— Может, — согласился Михаэль без энтузиазма.

Видел он, чем занято время Мишель. И это «что-то» не произвело на него никакого впечатления. Могла бы найти себе кого-нибудь получше. Хотя, может быть, ее вполне устраивает Павел. Что он вообще знает о вкусах женщин, и о вкусах Мишель, в частности?

— Она появится, — преувеличенно бодро провозгласил Андреас.

— Не уверен.

— Так позвони ей сам.

— Нет. Я для себя все решил, пусть она тоже решает сама.

— Вот упертый баран, — с некоторой долей восхищения сказал Андреас.

— До твоей сестры даже мне далеко.

— Это да. Она в этом вопросе лидирует с большим отрывом.

— Она собирается выйти за меня замуж.

— Илзе? И сама тебе об этом сказала? Вот чумная девка, — хлопнул себя по ногам Андреас. — А ты?

— Я? Извини, она твоя сестра и все такое, но даже ради нашей дружбы я не собираюсь начинать с ней никаких отношений, — твердо ответил Михаэль.

— Да я понимаю.

Они выпили по рюмке коньяка, запили его крепким кофе и разошлись по комнатам, пожелав друг другу спокойной ночи. Если бы Михаэль знал, что именно в это время Мишель сидит под дверью его дома, ожидая, когда он появится, он наплевал бы на все правила и принципы и сел за руль. Но, увы. В тот день встретиться им была не судьба.

С утра Михаэль помчался в офис, домой заезжать не стал,

было некогда. Илзе попыталась дозвониться до него, но Михаэль попросту занес ее номер в «черный» список и постарался не думать, о том, что вчера произошло.

Дни шли за днями, ничего в его жизни не происходило. То есть, происходило, конечно, только вот того, чего он так мучительно ждал, все не случалось. Она не спешила объясняться. Михаэль иногда ругал себя, за то, что не позвонил ей, когда был в Москве, иногда порывался позвонить сам. После уговаривал себя успокоится и заняться своей жизнью. Может быть, завести кота? А что, он, кажется, вполне созрел для этого. Будет приходить вечером домой, кормить животину, а потом они вместе будут лежать на кровати. Михаэль будет чесать коту пузо, тот блаженно мурчать в ответ. Не жизнь, а сказка.

По вечерам, когда выдавалась свободная минутка, Михаэль, как самая настоящая старая дева, сидел в интернете и выбирал породу будущего домашнего любимца. Именно в один из таких моментов позвонил Андреас.

— Думаю, — начал он без предисловий, — ты должен это знать.

— Знать что? — вяло поинтересовался Михаэль.

— Твоя Мишель приезжала к тебе.

Так бывает, когда узнаешь что-то жизненно важное — дыхание вышибает из легких и голос хрипит, будто тебе душат.

— Когда?

— За пару дней до того, как ты привез Илзе ко мне.

— Откуда ты знаешь? — Михаэль не мог поверить в то, что слышит.

— Она столкнулась с моей сестрой, — нехотя пояснил Андреас. — Только не убей Илзе, прошу, как друга.

— Где она?

— Илзе?

— Я хочу с ней поговорить.

— Отправил ее в Ригу, от греха подальше. Я тебе сам все перескажу, — ответил Андреас и начал рассказ.

Михаэль слушал друга и тихо, а чуть позже и громко, матерился. Как же такое могло произойти? Словно судьба испытывала их чувства на прочность. Андреас закончил рассказ и стал извиняться за поведение сестры, но Михаэлю было уже не до его извинений. К черту Илзе, к черту Андреаса, к черту его самого. Нет, он больше ни минуты не будет ждать. Забыв попрощаться с другом, он просто оборвал разговор, а потом, не глядя на часы, нашел заветный номер и тут же, не раздумывая о том, что скажет, нажал на кнопку вызова. Номер был недоступен. Он звонил всю ночь и весь следующий день, бесполезно.

Дозвонился до отделения, где ему сказали, что Мишель Виннер больше у них не работает. Ответить на вопрос, как ее найти, собеседник отказался напрочь. Тогда Михаэль попросту нашел в социальных сетях аккаунт Мишель Виннер. Он завалил ее сообщениями — напрасно. Она не заходила в свой профиль. Пришлось ему искать Павла Виннера и дозваниваться ему. Он-то наверняка знает, куда делась его все-таки бывшая (для Михаэля это слово звучало как пение ангелов) жена.

Виннер поначалу наводил тень на плетень. Когда отчаявшийся добиться от него информации Михаэль заявил, что завтра же прилетит в Москву и переломает ему ноги, если Виннер не даст ему координаты Мишель, Павел сознался, что и сам не знает, куда делать его бывшая жена.

Казалось, все ниточки оборвались и найти Мишель не представлялось возможным. Впору было нанимать частного детектива.

Но Михаэль не зря считал себя упорным человеком. Шерстя профиль Виннера, среди его друзей он нот толкнулся на немолодую уже женщину, чертами лица напомнившую ему Мишель. У женщины была другая фамилия, что вполне понятно, ведь Мишель взяла фамилию мужа, и жила она на другом континенте, но разве это могло его остановить. Он обратился к незнакомке за помощью. Женщина оказалась матерью Мишель, но, как он ее ни уговаривал, как ни рассказывал о себе и своих честных намерениях, она напрочь отказалась дать координаты дочери. Зато вместо этого попросила номер его телефона, заверив, что при первой же возможности передаст его Мишель.

Михаэль, не раздумывая, продиктовал номер мобильного и стал готовиться к долгому ожиданию.

Мишель объявилась ранним утром, когда он еще спал. Разбудила его и огорошила сообщением, что звонит из Магадана. Господи, это же на другом конце света! Будь он в Таллинне, его бы и это не остановило. Но дела никто не отменял. И Михаэль, проклиная все на свете, вынужден был сообщить, что он на пару месяцев застрял в Норвегии. Если бы он только знал! Он бы постарался перенести поездку, но сейчас уже было поздно что-это менять.

— Я буду звонить тебе каждый день, — пообещал Михаэль. — И писать тоже буду. А ты обязательно отвечай. Договорились?

— Договорились, — согласилась Мишель.

Михаэль верил в то, что она будет ему отвечать. И сама будет писать. И звонить. А два месяца на самом деле пролетят быстро, и они что-нибудь решат. Нужно только еще немножечко подождать.

Так начался их телефонный роман.

25

Все дни, проведенные ей на курорте Талая, слились в один яркий, теплый, солнечный миг. По ночам она спала крепким, здоровым сном абсолютно счастливого человека. Мишель ловила себя на мысли, что постоянно улыбается. Как девочка, право слово.

После выходных она вернулась в Магадан и вышла на работу. Сразу же пошла к Сергею и честно призналась, что не может продолжать отношения с ним.

— Я знал, что будет, — ответил он Мишель. — Не везет мне в любви.

— Зато везет в работе, — сказала Мишель, намекая на довольно громкие слухи о том, что в скором времени Сергея ждет повышение.

Он в ответ только пожал плечами, никак не комментируя.

— Это же правда? — Мишель было неудобно перед ним, и она постаралась перевести разговор на другую, более приятную для Сергея тему.

— Вроде бы, да. Но точно станет известно через несколько дней.

— Оставишь больницу и уйдешь в министерство? Не жалко?

— Ты же меня оставляешь.

— Это другое, — возразила Мишель.

— Совершенно одно и тоже. Ты нашла другого. Интереснее, привлекательнее. И бросаешь меня. Мне предложили хорошую должность в министерстве области, и я перехожу на новую работу.

Мишель видела, что он говорит несерьезно, просто пытается как-то разрядить ситуацию, хотела, но никак не могла включиться в эту игру, хоть и понимала, что надо подыграть, помочь сохранить лицо хорошему человеку.

— Ну, если смотреть с этой точки зрения, то ты, безусловно, прав, — ответила она. — И значит, мы оба получим то, чего хотим.

— Я хотел быть с тобой, — вмиг став серьезным, сказал Сергей. — Я могу спросить — кто он?

Мишель на минуту задумалась, как ответить на такой вопрос. Как назвать Михаэля? Кто он для нее?

— Мужчина, которого я люблю, — просто ответила она и Сергею, и себе самой.

— Ты решила вернуться к мужу?

— Нет, что ты. Это не мой бывший.

— Только не говори, что познакомилась с кем-то в Талой, — невесело усмехнулся Сергей. — Такой новости я могу не пережить.

— Мы познакомились еще до моего приезда сюда. Я думала, что потеряла его, — тщательно подбирая слова, пояснила Мишель.

Как бы хорошо она не относилась к Сергею, как бы не была ему благодарна за ту помощь и поддержку, что он оказал ей по приезде в город, выворачивать перед ним душу Мишель не собиралась.

— А теперь нашла?

— Скорее, это он меня нашел.

— Ты уедешь?

— Это вопрос мужчины или начальника?

— Это мой вопрос, — ответил Сергей.

— Я помню, что у меня договор на год. Я не подведу ни больницу, ни пациентов.

- Что-то я не то ляпнул. Извини.

— Это ты меня извини. Я не хотела, чтобы так получилось, — сказала Мишель. — Ты очень хороший, Сережа.

— Просто невезучий.

— У тебя еще все впереди.

— Оставь, — попросил Сергей. — Не надо меня утешать, что я, мальчик, что ли?

— Ты умный, добрый и очень хороший мужчина, — постаралась утешить его Мишель. — Ты еще встретишь свою женщину.

— Даже не сомневаюсь, — бодро сказал Сергей. — Вот перейду на новую должность и обязательно встречу.

Мишель не знала, что еще можно сказать в такой ситуации. Возможно, она опять поступила как-то не так? Нужно было промолчать? Но вещь это неправильно — обманывать близкого тебе человека? Как бы то ни было, больше к этой теме они не возвращались.

****

Михаэль держал слово, звонил ей каждый день. И хотя разница во времени между Осло и Магаданом была девять часов и не располагала к долгим беседам, им удавалось немного поговорить.

С тех пор общались они ежедневно. И чего только не было в их беседах! Через неделю Мишель знала по именам его деловых партнеров, начала немного разбираться в пассажирских перевозках и выучила трудно произносимое для русского человека название кофейни, в которой Михаэль пил по утрам

кофе.

Телефонные разговоры виделись Мишель якорем, за который она ухватилась, чтобы ее не унесло мощным течением куда-то в небытие. Их короткие беседы стали необходимы ей, как воздух. Мишель доставляло удовольствие слушать его голос по утрам, а вечером делиться, как прошел ее день. Михаэлю казалось, что он сам принимал маленьких пациентов, а по выходным ездил на мыс Чирикова и дышал колючим северным ветром.

По молчаливому согласию они никогда не обсуждали того, что произошло между ними. Говорить об этом по телефону не хотелось ни ему, ни ей. Оба ждали встречи, будучи твердо уверенными, что есть вещи, о которых нужно говорить, глядя друг другу в глаза.

Шестьдесят дней это много или мало? Мишель и ждала, и боялась этой встречи. А если увидев друг друга, они поймут, что все не так, как казалось? Что они выдумали эти чувства? Попали в плен какой-то странной сказки для взрослых?

Наконец, спустя шестьдесят три дня, Михаэль сказал, что вернулся в Таллинн.

— Я не смогу сейчас прилететь, — виновато ответила на это Мишель. — Здесь меня некому заменить. Прости.

— Миша, ты у меня совсем дурочка, — как-то по-особенному нежно прозвучало в трубке. — Неужели я не понимаю? Я сам прилечу к тебе.

— Сюда?

От растерянности она даже не обратила внимание на то, что Михаэль назвал ее дурочкой.

— В Магадан, — уточнил Михаэль. — Если ты, конечно, не собираешься уехать от меня еще дальше.

— Ты сможешь прилететь?

— Только это займет время.

— Тебе нужно собраться, я понимаю.

— Миша, что мне собирать? Я только бросил в сумку свежие вещи, и все готово. Перелет, Миша. Несколько пересадок, это займет дополнительное время. К сожалению, прямых рейсов Таллинн — Магадан не существует.

— Совсем без понятия люди, — сказала Мишель и улыбнулась, будто он мог видеть ее улыбку.

Но если Михаэль и не увидел, то, несомненно, почувствовал.

— Миша, я скоро прилечу. Так быстро, как только смогу. Сегодня же я буду в Москве, оттуда отправлюсь к тебе.

Она готовилась его встретить. Поменялась сменами, несколько раз пропылесосила квартиру, застелила новое

постельное белье и наготовила, как на роту оголодавших солдат. Долго стояла перед зеркалом, тщательно разглядывая себя. Не изменилась ли она? Не постарела? Кажется, вот здесь появились морщинки, а вот здесь можно было бы подтянуть мышцы, тут немножко убавить. Ну почему она такая неидеальная? Еще никогда до этого Мишель так отчаянно не хотела быть красивой. Самой красивой для своего трубочиста.

Она ждала, ждала, и все равно, его звонок застал Мишель врасплох. Последний раз они говорили, когда Михаэль приземлился в Москве. Он сказал, что даст знать, когда сядет в самолет до Магадана. Мишель так закрутилась и дома, и на работе, так разнервничалась, что и не заметила, как прошло больше суток, а звонка от Михаэля все не было.

И вдруг.

— Я в аэропорту.

— В каком?

— В твоем.

— Ты уже здесь? — спросила Мишель немного невпопад.

— Еще не здесь, но уже рядом. Диктуй адрес, я возьму такси.

— Проспект Ленина, двадцать шесть, — ответила Мишель, прижимая руку к груди, чтобы хоть как-то унять бешенный стук сердца.

— Господи, проспект Ленина, — весело рассмеялся Михаэль. — Звучит так, будто я вернулся на тридцать лет назад!

Она тоже рассмеялась. Не столько его замечанию, сколько от осознания того, что он здесь, совсем рядом. Всего в нескольких десятков километров от нее, и скоро будет у нее. В это было трудно, почти невозможно поверить, и Мишель попросила:

— Не выключай телефон. Говори со мной, пожалуйста.

— Я только вызову такси и перезвоню.

— Не надо ничего вызывать, просто выйди из здания. Не отключайся, пожалуйста.

— Хорошо, хорошо. Только не волнуйся. Мы будем говорить с тобой всю дорогу.

И они говорили. Михаэль без проблем нашел свободную машину и уже ехал к ней. Он рассказывал о долгом перелете, о неожиданно вкусном кофе в очередном аэропорту очередной своей пересадки, о том, мимо чего он сейчас проезжает. Выехав на проспект Ленина, стал вслух считать дома.

Мишель не могла больше усидеть в квартире. Надела кроссовки и бегом спустилась во двор. Дверь подъезда громко хлопнула за ее спиной, но Мишель совершенно не обратила внимания на резкий звук. Она во все глаза смотрела, как во двор

въезжает желтая машина с шашечками на дверце. Там, на заднем сидении, находится мужчина, встречи с которым она так долго ждала.

Машина остановилась прямо напротив подъезда. Дверь немедленно открылась, и Михаэль, ее любимый трубочист, не вышел даже, вылетел, из такси.

— Миша!

Она шагнула навстречу, раскинув руки.

— Миша, — шепнул он, обнимая и зарываясь носом ей в волосы. — Миша моя.

— Миша мой, — она уткнулась лицом в его рубашку, ощущая, как под ее губами сильно бьется его сердце.

Кажется, ее стучало так же громко, грозя выпрыгнуть из груди.

— Неужели это ты? — она подняла лицо, пытаясь разглядеть Михаэля, убедиться, что это действительно он, а не мираж.

— Это я, — он снова притянул ее поближе к себе.

Они еще постояли так немного, а потом Мишель опомнилась.

— Пойдем. Хватил уже веселить соседей.

— Пусть завидуют, — Михаэль отпустил ее на секунду, подхватил сумку и крепко взял Мишель за руку. — Показывай, куда идти.

— Ты голодный? — спросила Мишель, когда они поднимались по лестнице.

— Голодный, — подтвердил он. — Я ужасно голодный мужчина.

— Покормлю, — сказала Мишель. — Покормлю и напою. Я весь день у плиты стояла.

— Тогда побежали скорее, — Михаэль обошел ее на лестнице и потянул за собой. — Обязуюсь все съесть.

— Там полный холодильник.

— Съем и холодильник.

— Настолько голодный?

— Не зря же ты стояла весь день у плиты.

Мишель счастливо рассмеялась и побежала, перепрыгивая через ступени.

Оказывается, можно быть счастливой, просто глядя на то, как мужчина ест. Сидит за столом напротив и орудует вилкой. Жмурится от удовольствия и хвалит. Благодарит.

Мишель смотрела на трубочиста и ощущала, как растет в груди теплый, светлый комок, ее персональное солнышко. Это же счастье, ведь верно?

Подперев щеку кулаком, Мишель сидела, боясь шелохнуться. Казалось, одно неловкое движение, и все измениться.

Михаэль снова почувствовал ее состояние, поднял глаза от тарелки, улыбнулся.

— Что? — спросила Мишель.

— Вот именно, что? — он промокнул губы льняной салфеткой.

— Смотрю на тебя.

— Я ем, а ты меня смущаешь.

— Прости, — она послушно опустила взгляд на собственные руки. — Я больше не буду.

— Нет, нет, — возразил Михаэль, — смотри. Пожалуйста. Мне приятно.

Она вновь подняла на него глаза, и Михаэль зажмурился от ее, такого сияющего, взгляда.

— Еще салат? — предложила Мишель, заметив, что его тарелка опустела.

— Нет, спасибо. Я наелся.

— А кто-то обещал съесть холодильник, — подколола его Мишель.

— Старею, наверное.

— Хочешь кофе?

— Очень.

Она не успела подняться из-за стола, Михаэль ее опередил.

— Сиди, я сам.

Мишель смотрела, как ее трубочист варил кофе. Родной, любимый. Как же она соскучилась по нему, как истосковалась. Как она вообще могла подумать, будто сможет жить без него? Разве это жизнь? Так, существование.

Михаэль разлил кофе по кружкам, опустился на стул.

— Ты меня простишь? — спросил неожиданно.

— Я? За что?

— За то, что дурак, — горько усмехнулся он.

— Разве? — усомнилась Мишель.

— Конечно, дурак. Я не должен был уезжать из Москвы, не поговорив в тобой.

— Я не должна была пропадать, не оставив хотя бы номер телефона, — возразила она.

— Уговорила, мы достойны друг друга.

— Достойны, — согласилась Мишель, а потом спросила то, что волновало ее: — Ты надолго?

— Хотел бы ответить, что навсегда, но через четыре дня мне надо быть дома.

— Значит, у нас есть четыре дня?

— Есть.

— Это хорошо.

Михаэль разлил остатки кофе по кружкам.

— Почему ты прилетела сюда?

— Мне надо было изменить свою жизнь. Иначе я не смогла бы.

— Не смогла бы что?

— Ничего. Ничего не смогла бы без тебя.

Она замолчала, наткнувшись на его пристальный взгляд.

— Какой у тебя интересный браслет, — заметил Михаэль.

— Это твой подарок. Не узнаешь?

— Почему? Узнаю, конечно.

— Кто такая Илзе? — прямо спросила Мишель.

Он небрежно махнул рукой, показывая, что никто и говорить о ней не стоит, но перехватил ее серьезный взгляд и ответил:

— Сестра моей друга. Дизайнер, помогавший сделать лофт. Очень навязчивая женщина.

— Не невеста?

— Упаси меня господь, — ответил Михаэль. — Нет.

— Она была у тебя дома.

— Она заехала за моими вещами, всего лишь дружеская услуга.

— Она была в тапочках, — голос, помимо ее желания, звучал обвинительно.

— Тапочках? — не понял Михаэль.

— Да, в женских тапочках.

— Не знаю, у меня нет никаких женских тапочек.

— Но на ней были.

— Это так важно?

— У меня в твоем доме не было тапочек.

— Купим, — твердо пообещал Михаэль. — Вот прилетишь, а они стоят в коридоре, тебя ждут. И я вместе с ними.

— В коридоре? — она позволила себе иронию.

— Нет, у меня не хватит терпения ждать тебя в коридоре. Я буду встречать в аэропорту.

— Она выпроводила меня из твоего дома и сумку с вещами отдала.

— Сумку? Твою сумку?

— Только не говори, что ты этого даже не заметил!

— Ты думаешь, я сплю твоей сумкой?

— Там были все мои вещи, даже зубная щетка.

— Да, я все собрал. Зубную щетку положил, когда вернулся из Москвы и решил, что между нами все кончено.

— Помогло?

— Нет, не помогло. Я убрал твою сумку в шкаф, но легче мне

от этого не стало. Почему ты уехала, не попрощавшись? Не оставив номера телефона?

— Про телефон я просто забыла, — пояснила Мишель. — Понимаешь, позвонила Настя, сказала, что Виннер лежит в больнице с пневмонией, на ИВЛ. Я безумно испугалась. Металась по дому, искала лист бумаги и ручку, чтобы написать тебе записку. Не нашла и написала помадой самое важное. Только в Москве поняла, как сглупила. Я даже фамилии твоей не знала. Ни фамилии, ни адреса, ни телефона. Павел болел, я каждый день ездила к нему. Мне все казалось, что это вот-вот закончится, и я смогу вернуться. Но ничего не заканчивалось. Меня засасывало какое-то болото, никак не могла из него выбраться. А потом Павел предложил вновь быть вместе, а услышав, что я этого не хочу, признался, что ты приезжал. Господи, я чуть с ума не сошла, когда слушала, что он тебе наговорил! Как только смогла вырваться с работы, полетела к тебе, а там женщина. Молодая, красивая. Говорит, что твоя невеста. Что у вас свадьба в мае.

— Почему ты не дождалась меня?

— Дождалась. Я видела, как вы целовались у машины, а потом уехали.

— Мы не целовались. Эта пьяная дура повисла на мне. Пришлось везти ее к брату.

— Я ждала тебя всю ночь, сидя под дверью.

У Михаэля вытянулось лицо.

— Где?

— В подъезде твоего дома. Всю ночь.

— Вот я дурак! — он схватился за голову. — Я выпил рюмку и завалился спать.

— Где?

— У Андреаса, где же еще. Привез эту малахольную, сдал с рук на руки. Он ее запер в спальне и предложил по пятьдесят грамм коньяка. Я отказывался, собирался домой. А потом махнул рукой. Кто меня дома ждет? Никто. Так какая разница, где спать?

— Я тебя ждала.

— Клянусь, буду ночевать только дома, — торжественно пообещал Михаэль.

— Клянусь всегда быть на связи, — в свою очередь дала слово Мишель.

— Ловлю тебя на слове, — он погрозил ей пальцем.

Они замолчали, жадно разглядывая друг друга. Их тянуло друг к другу, как магнитом. Медлили, словно никак не могли решиться. Поверить, что наконец-то встретились. И никуда не надо спешить, и нет никого между ними. Хотелось дотронуться. Прижаться губами. Ощутить такое родное тело. Но никто не

решался сделать первый шаг.

Мишель не выдержала первой.

— Можно я тебя поцелую? — спросила чуть слышно.

Но Михаэль услышал. Или предугадал? Не стал отвечать. Просто потянулся ей навстречу.

26

Четыре дня вместе, под одной крышей.

Конечно, Мишель нужно было ходить на работу. Каждое утро Михаэль отвозил ее в больницу, сидя за рулем арендованного ею японца, а по вечерам забирал. Пока она вела прием или оперировала, Михаэль ждал ее дома. Он готовил ужин или работал, лежа на кровати. Иногда читал. Мишель было подумала, что ему скучно и предложила прогуляться, на что Михаэль честно ответил, что гулять без нее ему совершенно неинтересно. Поэтому они гуляли, когда она заканчивала смену. Один раз Мишель отвезла его в бухту Нагаева и показала памятник Высоцкому, у которого еще недавно, весной, предавалась горьким раздумьям.

Сейчас, после того, как они с Михаэлем поговорили, все уже виделось по-другому, и Мишель только грустно улыбалась, не переставая дивиться собственной глупости и наивности.

А еще у них были ночи. Совершенно безумные ночи, полные страсти, любви и нежности. Мишель уже начинало казаться, что других ночей у нее не было, она с трудом представляла себе, как будет обходится без своего трубочиста. А ведь у них было всего четыре дня, и они подошли к концу.

— Нам надо что-то решать, — сказал Михаэль, когда они завтракали и пили свой последний, четвёртый по счету утренний кофе.

Мишель не стала делать вид, что не поняла, о чем он.

— Надо. Только я не знаю, что решать.

— Тебе надо подумать?

— И тебе, — отозвалась она.

— Знаешь, я для себя все уже решил.

Очень хотелось спросить, но Мишель неожиданно застеснялась. Ведь спрашивать, что-то уточнять, это словно навязывается. Нет уж, Мишель будет консервативна — если Михаэлю есть что ей предложить, пусть предлагает.

— Я хочу быть с тобой, Миша, — волнуясь, и от того слегка коверкая русские слова, сказал он. — Но понимаю, что у тебя своя жизнь. Поэтому ты подумай, и мы обязательно все решим, когда увидимся вновь.

— Я прилечу, — твердо пообещала ему Мишель. — Договорюсь об отпуске и прилечу к тебе.

— Я буду ждать.

— Не знаю, когда меня отпустят. Подождешь?

Вместо ответа, он притянул Мишель к себе и крепко

поцеловал. Так крепко и так сладко, что у нее закружилась голова и задрожали коленки. Мучительно захотелось повиснуть на нем, продлить это мгновение, но рассудок твердил, что они рискуют опоздать в аэропорт. Но, может, это и к лучшему? Пусть останется еще хоть на один день. Пусть побудет с ней еще немного.

Мишель всегда считала себе неспособной на такие сильные чувства и эмоции. Другие, но не она, сходили с ума от любви. Она думала, что ее удел это спокойные, уравновешенные отношения. А вот сейчас она смотрит на Михаэля, и сердце разрывается от тоски, а разум пытается придумать, как бы остаться с ним еще хоть на пару дней.

— Но я прилечу при первой же возможности.

— Конечно. Ты только не переживай.

— Как же я могу не переживать? — спросила, уткнувшись ему в грудь.

— Я буду волноваться за двоих. Хорошо?

Позже, в аэропорту, они долго стояли, обнявшись и шепча друг другу милые глупости.

— Я прилечу.

— Я буду ждать.

Мишель смотрела, как самолет с любимым мужчиной взмывает в небо. Опять заболело в груди, словно там образовалась огромная дыра, и дышать стало тяжело.

Ей отказали в отпуске. Мишель знала, что так и будет. Она бы и сама себе отказала, некому было ее заменить. Опять звать хирурга с «Большой» земли? Это займет время, да и у нее контракт на год, и подводить больницу было не просто некрасиво — подло просто.

— Вы собираетесь уйти от нас? — прямо спросила главный врач.

— Нет, — так же прямо ответила Мишель. — Пока не собираюсь. Но мне хотелось бы получить небольшой отпуск, чтобы решить вопросы.

— Вопросы?

— Да. Это касается моей личной жизни.

— То есть, дело не в том, что вам предложили другую работу? — уточнила главный врач.

— Нет. Меня абсолютно устраивает моя теперешняя работа. Но тем не менее, мне нужен отпуск.

— Вы понимаете, что вас некому заменить.

— Да, понимаю. Но у меня очень серьезные обстоятельства.

— Пока не найдем вам замену, об отпуске не может быть речи.

— Но когда же?….

— Из декрета должен выйти наш хирург, — ответила главврач. — Но это будет не раньше декабря.

Мишель готова была рвать на себе волосы. Это что же получается, они смогут увидеться с Михаэлем только в декабре? Да это же почти полгода ждать!

— У нас запланирован выезд по области, — перевела тему начальница.

— Выезд?

— Да, группа врачей из Магадана поедет по стойбищам вдоль Колымы и по территориям, прилегающим к Охотскому морю.

— Врачи из нашей больницы? — уточнила Мишель.

— Не только, — ответила главврач. — В группу войдут врачи из Магаданской областной больницы и наши, из детской. Я предлагаю вам поехать, так как раз нужен детский хирург. К тому же это хорошая практика.

— Отличная, — согласилась Мишель. — Я с удовольствием поеду.

— Вот и хорошо. А в отпуск отправитесь в декабре.

Вечером она распахала Михаэлю о том, что ее приезд откладывается на неопределенное время.

— Так, только без паники, — спокойно заявил он в ответ. — Ничего смертельного не произошло. Нужно подождать до декабря, значит будем ждать до декабря.

— Я не знаю, как смогу продержаться так долго, — пожаловалась Мишель.

— И я не знаю, как продержусь. Значит, будем держаться вместе.

Мишель толко порадовалась, что трубочист сохранял спокойствие в такой сложной ситуации. Ее нервы явно не выдерживали испытания.

— Миша, — продолжил он, — не переживай. Мы сможем, вот увидишь.

— Я с тобой все смогу, — она улыбнулась в трубку.

И ведь знала, что Михаэль ее не видит, а все равно улыбалась.

— Я очень по тебе скучаю, — сказал он.

— И я.

— Я тут подумал, может быть стоит переделать лофт.

— Зачем?

— Ну, чтобы удобнее было жить, — ответил Михаэль.

— Миша, а разве сейчас тебе неудобно?

— Нет, удобно. Но все-таки.

Мишель открыла рот, чтобы сказать, что в таком случае

ничего менять не нужно, но до нее дошло: это ведь он для нее хочет переделать собственный дом, чтобы жить с ней. В груди стало тепло, мучительно захотелось расцеловать его прямо вот сейчас. Но готова ли она, Мишель, опять круто изменить свою жизнь и переехать уже не просто в другой город — в другую страну? Сможет ли она работать в Эстонии? И если нет, то как ей жить? Стать домохозяйкой? Господи, да она не представляет своей жизни без работы, но ведь и без своего трубочиста уже не представляет.

— Давай поговорим об этом, когда я приеду, — предложила она.

— Как скажешь.

Он как будто расстроился, и Мишель тоже расстроилась.

— Мы обо всем поговорим, как только я прилечу, — повторила она.

И потянулись дни ожидания.

Кому из них было легче? Той, что всем сердцем стремилась прилететь, или тому, кто ежедневно, ежечастно даже, ждал — ну когде же, когда она будет с ним?

Обо работали, и обоим это помогало. На работе им действительно становилось легче переносить разлуку.

Через три недели после того, как Михаэль вернулся в Таллинн, Мишель отправилась с другими врачами на выезд.

Почти месяц они колесили по Магаданской области, проехали вдоль всей Колымы, с ее затейливыми изгибами и там, в истоках знаменитой реки, где сливаются Кулу и Аян-Юрях, повернули обратно, в сторону Охотского моря.

За время, проведенное на выезде, Мишель повидала так много, что рассказов об этом хватило бы на долгую — долгую зиму. Она ночевала в настоящих ярангах у оленеводов, научилась варить кофе в котелке на костре, каталась на оленьих упряжках, видела настоящую «чукотскую» баню и даже научилась подавлять тошноту, когда ее чуткий нос улавливал запах тюленьего жира. Она проехала бесчисленное множество маленьких поселков, разбросанных по всей области. Поселки были маленькие, в некоторых из них проживало не больше ста человек.

Большинство поселков были образованы в двадцатых — тридцатых годах прошлого века. Где-то их основали геологоразведчики вблизи золотых приисков, где-то местное население — якуты. Были поселки, образованные на месте советских исполнительно — врубовых лагерей. Пару раз они проезжали так называемые «упразднённые» села, как, например, село Оротук. Место, в котором жили якуты под предводительством местного кузнеца. Когда-то здесь были школа,

детский сад, Дом культуры, почта и магазин. А теперь остались только пустые, полуразвалившийся дома и безлюдные улицы.

Мишель во все глаза смотрела на эти дома с черными провалами окон, еще много лет назад лишившихся стекол.

Во всем этом было что-то нереальное, словно она попала на какую-то иную планету. Другие врачи, уже неоднократно бывавшие на подобных выездах, относились к происходящему более спокойно.

— Человек такая скотина, — утешил ее коллега из «взрослой» больницы, — ко всему привыкает.

Мишель согласно закивала и закурила. Она опять начала курить. Сигареты помогали обрести утраченное душевное равновесие и избавится от мошкары.

Она ругала себя, но ничего не могла с собой поделать — разве что дала себе слово, что непременно бросит эту пагубную привычку, как только вернется в цивилизацию.

Но, вопреки всему, эта поездка ей понравилась. Именно здесь она остро ощутила, как любит свою профессию. Именно здесь поняла: она не сможет отказаться от нее. Поэтому, если они с Михаэлем решат быть вместе, ей придется искать себе работу. Ведь вряд ли Михаэль согласиться переехать в Магадан. Да она и сама поняла — как бы ей не нравился этот суровый и строгий город, ее дом в другом месте. Для себя Мишель решила: доработает до конца года и вернется в Москву. Нужно только предупредить главного врача, чтобы она смогла найти ей замену.

Поездка подходила к финалу, группа врачей собиралась возвращаться в Магадан. Мишель тоже хотела в город — она нестерпимо соскучилась по общению со своим трубочистом. Да — да, в области были существенные проблемы со связью. Иногда ей удавалось поймать сигнал, и тогда они могли обмениваться сообщениями. Пару раз они даже поговорили, но все равно Мишель ужасно скучала по Михаэлю.

Первое, что она сделала, когда вошла в свою квартиру на проспекте Ленина, это сбросила одежду и пошла, нет, все-таки побежала, в душ. А спустя сорок минут, разомлевшая в горячей воде, с кожей, пылающей после того, как она неистово терла себя мочалкой, со скрипящими от чистоты волосами и лицом, щедро намазанным увлажняющей маской, Мишель заварила себе кофе, устроилась в гостиной на диване и с чувством полного удовлетворения набрала его номер. Ну и что, что у них разница во времени? Она так хотела поговорить с Михаэлем, что даже мысль разбудить его, не смогла остановить.

— Ну, наконец-то, — удовлетворенно выдохнул в трубку любимый трубочист. — Ты уже вернулась из своего приключения?

Теперь мы можем разговаривать нормально?

— Вернулась, вернулась. Вот уже помылась и сразу позвонила тебе, — улыбнулась Мишель и сделала глоток кофе, блаженно жмурясь.

Все-таки кофе надо варить в кофемашине, в крайнем случае, в турке, а не в котелке на костре посреди тундры. Хотя во всем есть своя прелесть, но за этот месяц Мишель поняла, что она все-таки поклонница цивилизации.

— Мне бы оскорбиться, что ты предпочла мне горячую воду и мыло, — усмехнулся Михаэль, — но я тебя прекрасно понимаю, сам такой. Месяц без душа это настоящее испытание.

— Ты так говоришь, будто я совсем не мылась, — Мишель покачала головой. — А это неправда. Я мылась! И даже в тундре.

— Сидела и потела в яранге вместе с оленеводами? — веселился неугомонный трубочист. — А потом мазалась жиром? Тюленьем, кажется?

— Прекрати, — прошипела Мишель, стараясь отогнать от себя воспоминания об этом «изысканном» запахе. — Тебе-то откуда знать, как моются оленеводы?

— Ты не поверишь, — ответил Михаэль, — прочитал в интернете. Какой только информации там нет. Главное знать, где искать. И хотеть найти, конечно.

— Тебя так заинтересовали оленеводы?

— Должен же я знать, с кем ты проводишь время.

— Мне кажется, или я слышу в твоем голосе ревность? — она позволила себе добавить в голос толику кокетства.

— После того, что я прочитал о якутах, несомненно.

— То есть, мне не показалось?

— Да, я ревную! — повысил голос Михаэль. — Ты там без меня. Красивая и одинокая. А вокруг вьются чужие мужики. И не надо говорить мне, что я ошибаюсь. Ни фига я не ошибаюсь. Ведь вьются же, так?

— Да какое мне дело до других мужчин, — отмахнулась Мишель.

— Но вьются? — продолжил настаивать Михаэль.

— У меня есть коллеги — мужчины, — осторожно сказала Мишель, ее немного напряли непривычные нотки в его голосе. — Но это ничего не значит, Миша.

Кажется, у нее получилось сказать это так, что Михаэль застыдился.

— Знаю, я идиот. Но ревную тебя и ничего не могу с собой поделать.

— Мне тоже не нравится думать о том, что рядом с тобой

ошивается эта твоя, Снежная королева, — заявила Мишель.

— Во-первых, она не моя. А во-вторых, никто возле меня не ошибается. И, кстати, я нашел у себя в доме женские тапочки.

— И что ты с ними сделал?

— Выкинул, конечно. Зачем мне тапочки чужой женщины?

Он сказал это таким тоном, что у Мишель потеплело на душе.

— Я считаю дни до отпуска, — сказала она, почувствовав, как на глазах появились слезы умиления.

— Ты уже подписала заявление?

— Нет. Пока нет. Но я надеюсь, что в конце ноября — начале декабря выйдет из декрета моя коллега. К тому же я поговорила с главный врачем, предупредила, что не смогу продлить контракт, и она уже ищет мне замену.

— Отлично, — обрадовался Михаэль. — Значит, мы сможем встретить Новый год вместе, и мне не придется для этого лететь на Колыму.

— Тебе так не хочется сюда лететь? — спросила Мишель.

— Мне хочется встретить Новый год дома, с тобой, — ответил трубочист.

27

Она была совершенно непростительно счастлива.

Все складывалось самым лучшим образом: и хирург вышла из декрета вовремя, даже на неделю пораньше, и главный врач нашла ей достойную замену, и, несмотря на погодные условия, самолет взлетел вовремя. Пересадка в «Толмачево» прошла штатно, без эксцессов.

«Спасибо, спасибо, спасибо», — твердила она самой себе и старалась скрыть от окружающих свою сияющую улыбку.

Уже в Москве Мишель спохватилась и одернула себя. Когда-то давно, в юности, она читала что-то такое, про зависть богов. Вроде бы боги завидуют счастливым людям и делают все возможное, чтобы отнять у смертных их хрупкое счастье. Ну уж дудки, она никому не позволит портить им с трубочистом жизнь.

В Таллинн было решено ехать на машине.

Михаэль, услышав эту новость, даже не пытался спорить, так твердо звучал ее голос. Он только напомнил, что перед рождественскими и новогодними праздниками на границе может быть тьма народа. А еще предложил встретить Мишель в Нарве, на что она ответила категорическим отказом.

Увидеть его поскорее хотелось безумно, но еще сильнее хотелось, чтобы он встретил ее на пороге своего дома. И Михаэль, вот умница, все правильно понял. Но звонил ей каждые два часа, с тех пор, как Мишель выехала из Москвы.

И она включала громкую связь, отчитывалась о проделанном пути, сообщала ситуацию на дороге и вместе с ним строила планы и обсуждала новогодний стол.

Из Москвы Мишель выехала вечером, около девяти. В шесть утра была в Санкт-Петербурге. На заправке выпила целых две чашки кофе и съела сладкую булочку с малиной. О «пользе» подобного завтрака даже не подумала, не до того было. Зимняя дорога была сложная, да и вообще. Они столько не виделись, как все сложится?

В последнюю их встречу в Магадане Михаэль сам сказал, что надо что-то решать. Мишель и сама это понимала. Надо решать. Но что?

Пока она терзала себя мрачными мыслями, позвонила мама.

****

Родителям Мишель рассказала все, как есть. И про Павла, и про Михаэля. И про то, что едет встречать Новый год в Таллинн, тоже рассказала.

Отец ничего комментировать не стал. Мама, внимательно

выслушав ее подробный рассказ, помолчала немного и произнесла:

— А пусть у него голова болит.

- В смысле? — не поняла Мишель.

— В прямом, — отрезала мама. — Миша, он мужчина. Добытчик и защитник, глава семьи. Он должен принимать решения и брать на себя ответственность. Вот пусть и решает.

— То-то я смотрю, главный в нашей семье — папа, — с усмешкой ответила Мишель.

— Расхожую поговорку про голову и шею тебе напомнить? — тут же нашлась мама.

— Не надо.

— Вот и хорошо.

— Думаешь, мне не стоит волноваться?

— Думаю, что твой Михаэль достаточно большой мальчик, чтобы решить, — ответила мама и добавила: — И сделать тебе предложение.

— Я не представляю себе жизни в другой стране. А как же работа?

— А что работа? Профессия у тебя есть. Найдешь, чем заняться. Может, наконец, порадуешь нас с папой внуками. А то все знакомые как люди, только мы с твоим отцом, словно сироты казанские.

— Мама!

— Миша!

****

После разговора с матерью Мишель слегка успокоилась и позволила себе выдохнуть, расслабиться. А вот в дороге опять началось. Мысли, волнения, переживания.

— Ты в пути? — спросила мама. — Я не мешаю?

— Выехала из Питера, — отрапортовала дочь. — Не мешаешь, я на громкую связь поставила.

— Отлично. Как настроение?

— Боевое, — покривила душой Мишель.

— Когда планируешь быть на месте?

— Если удастся быстро пересечь границу, то в обед буду в Таллинне.

— Он ждет?

— Ждет, — ответила она и улыбнулась. — Звонит, волнуется.

— Ему положено.

— Я ведь не совершаю ошибку? — задала она вопрос тревожащий ее вопрос.

— Интересно, какую? — хмыкнула в ответ мама.

— Вот и я думаю, какую.

Они рассмеялись, и мама, пожелав счастливого пути, отключилась.

Все складывалось слишком хорошо. Даже две границы были пройдены в рекордное по новогодним меркам время. Михаэль сообщил, что ждет ее дома. И Мишель вдруг ощутила, как ее начинает подташнивать от волнения. Если все так хорошо, то рано или поздно непременно станет плохо.

В Таллинн она въехала строго по плану — в два часа дня. Припарковала машину у его дома. Самостоятельно открыла входную дверь, благо помнила, где искать панель. Поднялась на верхний этаж. Постучала в дверь. Потом постучала еще. Никто не торопился ей открывать. Тогда Мишель набрала его номер. За дверью раздались знакомые переливы его мобильного. И снова — тишина.

Она упорно то стучала, то звонила ему на мобильный. Напрасно, Михаэль не отвечал.

Мишель в последний раз изо всех сил стукнула кулаком по кожаной обивке, руку обожгло болью. Черт, неужели все повторяется? Неужели судьба недостаточно проверяла их чувства на прочность, сводила и разводила в разные стороны? Думать об этом не хотелось. Но и не думать не получалось.

А потом вдруг стало страшно — а что, если с ним что-то случилось? Может, ему стало плохо? Упал, ударился головой и сейчас лежит в квартире один? Что ей делать? Нужно вызвать какую-то службу, чтобы взломали дверь.

Мишель тяжело опустилась на ступеньку. Или, может быть, позвонить кому-нибудь? Вдруг есть запасные ключи от люфта? Но кому?

— Так я и знал, — внезапно раздалось снизу.

Она открыла глаза, полные непростых слез, и в изумлении уставилась на мужской силуэт.

— Миша?

— Так я и знал, что не успею.

Он стремительно поднялся вверх по ступеням, подхватил ее подмышки и крепко к себе прижал.

— Где ты был? — спросило она, с упоением вдыхая родной запах.

Мята, дорогой табак, немного алкоголя. Алкоголя? Он что, пил?!

— Отъехал в магазин, — ответил Михаэль. — Надеялся, что успею к твоему приезду.

— А ты не мог меня подождать? — спросила она слегка ворчливо.

Теперь, когда Мишель удостоверилась, что с трубочистом ничего страшного не произошло, ее отпустило, и смело можно было высказать ему, что она успела передумать за то короткое время, пока сидела на лестничной клетке.

Михаэль от души поцеловал ее в макушку и потянул к двери.

— Давай ты будешь распекать меня дома?

— Стесняешься соседей?

— Мишка, ты чудо!

Они вошли в его лофт.

— Вещи в машине? — спросил Михаэль, помогая ей снять пальто.

— Да.

— Не возражаешь, если я принесу их попозже?

— А что так?

— Соскучился, — он снова притянул ее к себе.

Несколько минут они целовались, как безумные, потом Михаэль с видимым сожалением разомкнул объятия.

— И что же такого важного тебе понадобилось в магазине? Да еще так срочно?

Вместо ответа он опустился перед ней на колени и помог снять меховые сапожки. А потом, словно фокусник, достал откуда-то новые, еще с бирками, меховые тапочки.

— Их и забыл, — сказал, надевая тапочки ей на ноги.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Как же можно дома, и без тапок?

Мишель потопала ногами.

— Мой размер.

— Конечно, твой.

— Здравствуй, Миша, — обняла она его.

— Здравствуй, Миша, — повторил он и поцеловал.

Уже поздно ночью, когда и вещи были разложены, ужин съеден, и все остальное, горячее, безумное и трепетное, произошло между ними, Михаэль устроился у камина, предварительно бросил на пол пару подушек. Мишель подошла и опустилась рядом с ним.

— У тебя очень красивый браслет, — сказал он неожиданно.

Она подняла руку. Тонкое серебряное кольцо на запястье, золотая пуговица.

— Мне его подарил любимый мужчина.

— У него хороший вкус.

— Еще бы, — улыбнулась Мишель.

— Он точно любимый? — серьезно спросил Михаэль.

Она поняла всю важность вопроса и не стала лукавить.

— Точно, — ответила, глядя ему в глаза. — Любимый.

Единственный. Мой.

Михаэль едва заметно выдохнул.

— Красивый браслет, — повторил он. — Но кое-чего не хватает.

— Не хватает? — Мишель озадаченно посмотрела на свою руку. — И чего же?

Михаэль взял ее за руку.

— Этого.

На широкой ладони красовалась темно-бордовая коробочка. Сердце ухнуло куда-то вниз.

— А это?…

Коробочка открылась, являя миру кольцо. Да-да, то самое, заветное, о котором мечтает каждый влюбленная женщина.

— Очень красиво, — прошептала Мишель, разглядывая содержимое коробочки.

Белое золото, большой прозрачный камень.

— Очень красиво. Спасибо.

— И все? — удивленно спросил Михаэль.

— А что еще?

— Просто спасибо?

— Я благодарю тебя за подарок, — пояснила Мишель, пряча улыбку. — Это же был подарок? На Новый год? Но почему так рано?

Михаэль только закатил глаза, но Мишель продолжала смотреть на него по-детски чистыми глазами.

— Это не подарок, — весомо заявил мужчина, отчаявшись дождаться какой-либо другой реакции.

— Да? Не подарок? А что тогда?

— Так, — он с силой хлопнул себя по бедрам, — так. Хорошо.

Встал, расправил плечи, а потом резко опустился перед Мишель на одно колено.

— Госпожа Винер, не окажете ли вы честь, согласившись стать моей женой?

Ответом ему было напряженное молчание.

— Что опять не так?!

И вот как объяснить этому невозможному человеку, что самого-то главного он ей и не сказал?!

Но Михаэль понял и без объяснений. Ведь с самого начала, с первой же их встречи, читал ее, будто раскрытую книгу! Сграбастал Мишель лапищами, прижал крепко и выдохнул:

— Миша, я тебя люблю. Выходи за меня замуж, пожалуйста, потому что я без тебя не могу.

Он так это сказал, что впору было заплакать, так нежно, но в то же время и страстно прозвучали его слова. Она обила его шею

руками, по-детски шмыгнула носом.

— Миша, не молчи. Выйдешь?

— А если кольцо не подойдет? — спросила совершенно не в попад.

— Подойдет, — ни секунды не сомневаясь, ответил Михаэль.

— Да?

Вместо ответа Михаэль отстранился, вынул из коробочки кольцо и надел ей на палец. Кольцо легко скользнуло по фалангам и село так, будто бы Мишель носила его всю жизнь.

— Подошло, — сказала и залюбовалась игрой граней в свете огня.

— Ты мне так и не ответила.

— Выйду.

И снова эти крепкие, мужские объятия.

— Пошли в кровать.

— Очень романтично, — хихикнула Мишель.

— Нам завтра рано вставать.

— Да? А зачем? Тебе на работу?

— Нет. То есть на работу тоже, но сначала в другое место.

— Куда?

— Повезу тебя знакомится с новым начальством. Ну, и с местом работы заодно, — ответил трубочист.

— Каким начальством?

Трубочист тяжело вздохнул и спросил:

— Замуж за меня выйти согласилась?

— Согласилась, — подтвердила Мишель.

— Ты же понимаешь, что жить мы будем здесь, в Таллинне?

— Понимаю, — с запинкой ответила Мишель.

— Значит, тебе нужна работа. Вот завтра и поедем. Познакомишься, посмотришь. Если все понравится, договоришься, когда выйдешь.

— Так сразу?

— А чего тянуть?

— Погоди, ты что, нашел мне работу? Но почему стразу не сказал?

— Сначала замуж, потом работа, — ответил Михаэль.

— А как же….

— Все, спи.

Ее опять, как и год назад, завернули в колючий шерстяной плед. Потом Михаэль открыл окно, и комната наполнилась свежим, морозным воздухом.

— А ты?

— Мне надо немного поработать, — сказал Михаэль, — чтобы освободить завтрашнее утро. Посмотрим клинику, потом я тебя

отвезу домой, а сам съезжу в офис.

— В магазин еще надо будет, — сонно пробормотала Мишель. — Продукты купить, послезавтра Новый год.

— Все купим, не переживай, — заверил Михаэль и поцеловал ее в лоб. — Спи.

****

На Ратушной площади стояла огромная сверкающая разноцветными огоньками елка, вокруг которой весело бегала ребятня. Взрослые пили горячий глинтвейн, неспешно переходили от одной торговой палатке к другой, поздравляли друг друга с наступающим новым годом. Мишель с Михаэлем пришли на площадь, как и в прошлый раз, ближе к двенадцати, проводив старый год дома.

****

Вчера трубочист-таки отвез ее в частную клинику, где главным врачом работал дальний родственник его друга Андреаса. Когда последний узнал о том, что Михаэль ищет работу для одного перспективного детского хирурга из Москвы, то сразу же предложил свою помощь. В качестве извинения за поведение своей сестры. Трубочист не стал становиться в позу и предложенную помощь принял.

Мишель клиника понравилась. Современное оборудование, коллектив хороший и начальство вменяемое. В общем, она готова была выйти на работу, как только утрясет все необходимые формальности.

После того, как вопрос с работой был снят с повестки дня, Михаэль отвез ее домой. Выдал ей второй комплект ключей от дома и свою банковскую карту.

— А можете лучше дождешься меня, и вместе поедем по магазинам?

— Миша, я вполне могу справиться сама, честно слово. Ты работай спокойно, а я все сделаю.

— А может, лучше вместе? — продолжил настаивать Михаэль.

— Да ничего не лучше! Когда ты еще освободишься? Не успеем же.

— Завтра все сделаем, — упрямо стоял на своем Михаэль.

— Завтра уже тридцать первое, — напомнила ему Мишель. — Ты же знаешь, что в магазинах будет безумие. Я хотела выспаться, приготовить все и привести себя в порядок.

— Ты и так в полном порядке.

— Господин Адамсом, — она слегка повысила голос, — а поезжайте-ка вы в офис уже, право слово. Я тут сама с хозяйством

управлюсь.

Михаэль еще повздыхал, но вскоре вынужден был отбыть по делам. А Мишель сварила себе кофе и, неспешно его попивая, составила список необходимых продуктов. Потом надела мужскую дубленку, села в машину и поехала в магазин.

А вечером, накрыв на стол, ждала своего трубочиста. И это было так здорово, сидеть за столом, покрытым хрустящей льняной скатертью, вдыхать аромат свежеиспеченного пирога с капустой, лениво читать новости в телефоне и прислушиваться: не идет ли любимый? А когда раздался стук в дверь, броситься со всех ног в коридор и, распахнув дверь настежь, уткнуться носом в широкую грудь.

— Завтра же вызову слесаря, пусть проведет нормальный дверной звонок, — обнимая ее, сказал Михаэль.

— Завтра не получится, завтра Новый год.

— Значит, сам все сделаю.

— Давай после праздников вызовем, — предложила она.

— Давай, — легко согласился трубочист и отправился мыть руки, пока Мишель ставила на плиту чайник.

Глядя на то, с каким аппетитом Михаэль уплетает ее пирог, хвалит от души и облизывает пальцы, она подумала, что ради такого вот вечера можно было ждать целый год.

****

— Когда поедем к бабушке? Завтра или уже второго? — громко, стараясь перекричать праздничный шум, спросил Михаэль и протянул ей очередной стаканчик с глинтвейном.

— Давай послезавтра, — ответила Мишель.

Сделала большой глоток и продолжила:

— Завтра будем валяться.

— Как скажешь. Я предупрежу бабушку.

— Она обо мне знает? — спросила Мишель.

— Она знает, что ты приехала.

— А об этом? — она подняла руку, демонстрируя помолочнее кольцо.

— Вот послезавтра и расскажем, — ответил Михаэль и посмотрел на часы. — Без одной минуты двенадцать. Ты готова загадывать желание?

Мишель не успела ответить, часы начали бить положенные им двенадцать раз и над площадью разнеслось: «Happy New Year!»

А Михаэль наклонился к ней и крепко поцеловал. Поцелуй все длился и длился, затягивал, уносил куда-то. Оторвавшись от мужских губ, Мишель моргнула, приходя в себя, а потом подтянула рукав дублёнки и погладила золотую пуговицу.

«Пусть у нас будет маленький.»

— Загадала? — с улыбкой спросил Михаэль.

— Загадала.

— Скажешь?

— Нет. Если скажу, не сбудется.

— Обязательно сбудется, — заверил Михаэль.

А она подняла голову и посмотрела на Старого Тоомаса.

«Сбудется, сбудется», — пообещал ей Старый Тоомас.

«Спасибо», — мысленно поблагодарила его Мишель.

— Ну что, будущая госпожа Адамсон, — Михаэль обнял ее за талию, — еще по стаканчику горячительного?

— А давай, — залихватски согласилась Мишель и чуть тише добавила: — Пока еще можно.

Конец